ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція „**Вѣстника Западной Россіи**" едва ли не больше его подписчиковъ сѣтуетъ на запаздыванье выходомъ, его книжекъ. Редакція принимаетъ и будетъ принимать противъ этой непріятности всѣ свои средства и усилія и увѣрена, что, при всей несостоятельности виленскаго типографскаго производства, она войдетъ, въ непродолжительномъ времени, въ сроки своего изданія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ V,—1867.

КНИЖКА XII.

ТОМЪ IV.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи Гимназіи, противъ Губернскаго Правленія.

1868.

Дозволено Цензурою 6-го мая 1868 года. Вильна.

I.

№ 18.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Купчая крѣпость на одну уволоку земли, выданная княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Массальскимъ священнику Олексицкой церкви Парфену Ѳедоровичу 1585 г. *)

Месеца Генваря чотырнадцатого дня у второкъ (1586).

Передъ нами врадниками судовыми земскими повету Городенского Григоріемъ Афанасевичомъ Мосальскимъ судьею, Григоріемь Зиновьевичомъ Дельницкимъ подсудкомъ, а Андреемъ Котовичомъ писаромъ, на местцы судовомъ его милость князь Ѳедоръ Ивановичъ Масальскій, маршалокъ его королевское милости, самъ добровольне устне вызналъ, ижъ его милость

---

*) Этотъ документъ свидѣтельствуетъ о правѣ священника владѣть поземельною собственностію и о существованіи православной церкви въ селѣ Олексицахъ Гродненскаго уѣзда, а также и о православіи князей Массальскихъ.

волоку земли отчизны своее именья Олексицкого, купленую у его милости князя Льва Ивановича Масальскаго, прозываемую Зубриковщину изъ сеножатьми и кустовьемъ, ку той волоцѣ прислухаючими за рекою Свислочью, ку тому чотыре морги сеножатей, прозываючіе Устуденка, на вечность продалъ священнику, мешкаючому на тотъ часъ при церкви его милости въ именью Олексичахъ, отцу Парфену Ѳедоровичу, жоне, детямъ и потомкомъ его, за певную сумму пенезей, за семьдесятъ копъ грошей личбы и монеты Литовское, на што его милость и листъ свой вызнаный продажный, подъ печатью и съ подписомъ руки своее и подъ печатьми и подписами рукъ иншыхъ людей добрыхъ ему на то далъ, на которомъ обо всемъ томъ ширей и достаточне описано и доложено есть, и просилъ его милость князь Федоръ Ивановичъ Масальскій, абы при устномъ сознаню его милости тотъ листъ до книгъ земскихъ уписанъ былъ, который слово въ слово такъ се въ собе маетъ: Я Ѳедоръ Ивановичъ Масальскій, маршалокъ его Королевское милости чиню явно и вызнаваю самъ на себѣ симъ моимъ добровольнымъ продажнымъ вечистымъ листомъ кому того потреба будетъ ведати, або чтучи его слышати, нынешнимъ и на потомъ будучимъ, ижъ што которую волоку земли оромое, никому ничимъ не пенную, а ни въ сумме пенезей на вечность заставою и ниякимъ же кольвекъ обычаемъ и правомъ никому не заведеную, але свою властную, купленную отъ его милости князя Льва Ивановича Масальскаго брата моего рожоного, отчизны моее прислухаючую до именья моего Олексицкого, въ поветѣ Городенскомъ лежачаго, што первей сего было зосталюся въ ровномъ дѣлу брату моему князю Льву отъ мене Федора, прозываемую Зубриковщину и зъ сеножатьми и кустовьемъ ку той волоце прислухаючи-

ии, за рекою Свислочью, которая волока земли урочищами лежитъ межы кгрунтовъ земянъ господарскихъ повету Городенского Есимонтовъ и Полуяновичъ на розныхъ местцахъ отъ кгрунтовъ пановъ Ходкевичовъ именья Малое Берестовицы, яко ся тая волока земли оремое отчизна купля моя обмежу зъ волокою его милости князя Михаила Өедоровича Масальского дядька моего сама въ собе зъ давна за отца моего, въ межахъ, границахъ, широкостяхъ, въ обыходехъ и въ пожыткахъ своихъ, въ въездехъ посполъ объ межу и въ туюжъ межу здавна мела и теперь маетъ, ку тому чотыры моркги сеножати прозываемое у Студенька, концомъ однымъ отъ реки Свислочы а другимъ концомъ до сеножати Петра Войтеховича и бокомъ однымъ къ сеножати Матеевичовъ Эйсимонтовичъ а другимъ бокомъ къ сеножатямъ мене Өедора Масальскаго, зо всимъ на все тую волоку вышъ помененую *Зубриковщину*, такъ якомъ у князя Льва брата своего купилъ, всю окгуломъ, зъ навозами, съ поплавами, зъ гаями, лесами и кустовями, сеножатьми, зъ болотами и багнами и зо всякими зарослями, зъ водами, крыницами, и зо всякими пожитками, ку той волоце вышъ помененой належачыми и прислухаючими, не зоставуючи на ту волоку вышъ помененую Зубриковщину и зъ сеножатьми ку ней прислухаючими и кустовьемъ за рекою Свислочю, на тые чотыры моркги сеножати у Студенка никого права самъ на себе, на кнегиню малжонку, дети и потомки мое и на когождкольвекъ иного, але юже тую волоку вышъ помененую Зубриковщину и зъ сеножатьми ку ней прыслухаючими за рекою Свислочью усю огуломъ и тые чотыры моркги сеножати у Студенки продалъ есми и поступилъ и симъ листомъ моимъ продаю и поступую на вси вечные и потомные часы священнику мешкаючому на сей те-

перешній часъ пры церкви у выменю моемъ Олексицкомъ, отцу Пареену Өедоровичу, жоне, детямъ его потомкомъ, щадкомъ по нихъ будучимъ, за певную суму пенезей, за семдесятъ копъ грошей личбы и монеты великого князства Литовского, личачи по десети пепезей белыхъ у грошъ, а въ копу по шестидесятъ грошей литовскихъ. И вже воленъ будетъ самъ отецъ Пареенъ Өодоровичъ, жона его, дети, потомки, щадки ихъ, наследки потомъ по нихъ будучие, тую волөку вышъ помененую Зубриковщину и зъ сеножатьми и кустовьемъ ку той волоце прыслухаючими за рекою Свислочью и тые чотыры моркги сеножати у Студенка отъ мене ему на вечность проданое держати и до имениц̂а своего Вешеневскаго прывлащати и добровольне а спокойно того уживати и кому хотячи дати, даровати, продати, записати, замепяти ку пайлепшому а пожиточнейшому пожитку своему, яко властностью своею оборочать и шафовати, а вже я Өедоръ Ивановичъ Масальскій самъ черезъ себе, такъ тежъ кпегиня малжонка моя, дети и потомки мои и нихто зъ близкихъ кревныхъ и повинныхъ моихъ у тую продажу мою тое волоки земли вышъ меновапое Зубриковщины и зъ сеножатьми ку ней прислухаючими за рекою Свислочью, и вь тые чотыры моркги сеножати у Студенки ничимъ уступоватися, въ держанью шкоды и перекавы отцу Парфену, жоне, детямъ его, потомкомъ и ихъ щадкомъ, або тому, кому бы то отецъ Парфенъ за тымъ правомъ своимъ отъ мене набытымъ вечностью пустити мелъ, никоторое трудности чинити не маемъ и мочи не будемъ вечными часы, а я самъ Өедоръ Ивановичъ Масальскій съ тое волоки вышъ описаное и зъ сеножатыми и кустөвемъ за рекою Свислочью ку той волоце прислухаючими и съ тыхъ чотырохъ моркгөвъ сеножатей у Студенки вечне ся вырекаю и отступую,

отдаляючы отъ тое волоки земли и зъ сеножатьми Зубрыковское и отъ тыхъ чотырохъ моркговъ сеножати у Студенки, самъ себѣ, кнегиню малжонку мою, дети и потомки, всѝ щадки и наследки мои по насъ будучие вечными часы. А тую волоку вынгъ помененую Зубриковщину и зъ сеножатьми и кустовемъ за рекою Свислочю и тые чотыры моркги сеножати у Студенки на самого Парфена Өедоровича, жону, дети его, потомки и наследки ихъ на вечные часы вливаю и симъ листомъ моимъ влилъ есми, якожъ я тое право свое куплю на тую волоку прислухаючое, которое есми мелъ отъ князя Льва брата моего, отцу Парфену до рукъ его отдалъ. А где быхъ я Өедоръ Ивановичъ Масальскій, препомневшы сего моего добровольного листу продажного опису чимъ кольвекъ его нарушилъ и въ тую волоку звышъ помененую и въ сеножати, продажу мою, або якуюжъ кольвекъ частьку Зубриковскую самъ черезъ себе, кнегиню малжонку мою, дети и потомки свое такъ тежъ черезъ пріятелей, урядника, слугъ и подданыхъ своихъ уступовалъ и отцу Парфену, жоне, дѣтямъ его и потомкомъ ихъ, або тому, кому бы то онъ вечностью пустилъ якую перекαзу и трудность чинилъ, тогды буду повиненъ заруки заплатити на врадъ тотъ, до которого буду позванъ, пятьдесятъ копъ гоошей а стороне укрывжоной, отцу Парфену, жоне, детямъ его и потомкомъ ихъ другую пятьдесятъ копъ грошей, о што обо все и о каждое невыполненье и нарушенье сего моего продажного листу, добровольного опису вольно будетъ отцу Парфену, жоне, дѣтямъ его и потомкомъ ихъ позвати мене Өедора Ивановича Масальского до которого хотечи суду и права, будь до земского або и кгродского рокомъ завитымъ, водле статуту, а я маю и повиненъ буду за першымъ позваньемъ, яко на року завитымъ становитися передъ вра-

домъ и усправедливитися, не збиваючи позву и не бурачи року жадными причинами статутовыми, правными, яко неправными и не жадными иншыми вымыслами людскими не вымовляючися такъ тежъ и вольностями въ статуте описаными, але заразъ буду повиненъ заруки заплатити на врадъ тотъ, до которого буду позванъ пятьдесятъ копъ грошей, а стороне укрывжоной, отцу Парфену, жоне его, детямъ, потомкомъ ихъ другую пятьдесятъ копъ грошей, заразомъ, не сходечи зъ ураду и вси шкоды и наклады, штобы на то наложили, правуючися со мною, кромъ вшелякого права, доводу и телесное присяги, але только на голое слово реченье отца Парфена, жоны, детей и потомковъ ихъ, заплатить маю и повиненъ буду, а то поплативши предся и сей мой листъ доброволный описъ и тая продажа моя у кождого суду и права при зуполной моцы зостати и захованъ быти маетъ на вси вечные и потомные часы И на то я Федоръ Ивановичъ Масальскій маршалокъ его королевское милости далъ есми отцу Парфену, жоне и детямъ его, потомкомъ и щадкомъ ихъ сей мой доброволный листъ, продажный описъ, подъ моею властною печатью и съ подписомъ руки моее письмомъ Рускимъ, а для лепшое твердости, моцности и сведомья сего моего продажного листу просилъ есми о приложене печатей его милости пана Сасина Путяты, пана Яна Станиславовича Ометы и пана Адама Щасновича Ейсмонта, земянъ господарскихъ повету Городенского, ихъ милость за очевистою и очною просьбою моею то учинили и печати свое къ сему моему вызнаному продажному листу приложити рачили. Писанъ у Волексичахъ, лета отъ нарожена Христа Сына Божего тисеча пятьсотъ осемьдесятъ пятого, месяца Декабря десятого дня. У того листу печатей приложоныхъ чотыры, а подпись рукъ тры, тыми словы:

Өедоръ Масальскій маршалокъ его королевское милости рукою властною, Сасинъ Путята властна рука, Адамъ Щастновичъ Кйсмонтъ властною рукою. Который листъ за прозбою его милости князя Өедора Ивановича Масальского до книгъ земскихъ уписанъ есть.

Хранится въ виленскомъ центральномъ архивѣ, въ книгѣ актовъ гродненскаго земскаго суда за 1585—86 годъ, листъ 378—384.

2.

Дѣлежная сдѣлка между Иваномъ и Криштофомъ Тышкевичами, въ которой упоминается о православной церкви и способѣ ея поддержанія. Совершена 3-го іюня 1609 года *).

Мѣсяца Іюня двадцать пятого дня (1609 г.)

Передъ нами врадниками судовыми земскими повету Городенскаго Львомъ Михайловичомъ Сапегою судею, а Кондратомъ Мелешкомъ подсудкомъ и Стефаномъ Нешковскимъ писаромъ, на местцы судовомъ постановившеся очевисто земяне господарскіе повету

(*) Этотъ документъ заключаетъ въ себѣ весьма важное обстоятельство. Два родные брата Христофоръ и Иванъ Тышкевичи, изъ коихъ первый былъ р.-католическаго, а другой православнаго исповѣданія, дѣлаютъ между собою уговоръ о раздѣлѣ наслѣдственнаго своего имѣнія Тетеровка и даютъ обязательство поддерживать находившуюся въ томъ имѣніи православную церковь, доставлять ей ежегодно опредѣленные ей фундаціею доходы, содержать при ней постоянно священника, чтобы богослуженіе въ ней никогда не прекращалось. Къ этому Христофоръ Тишкевичъ присовокупляетъ,

Городенского, ихъ милость панъ Иванъ и панъ Криштовъ Юревичи Тишкевичы оповедали и покладали листъ, добровольный записъ свой за печатми своими и съ подписами рукъ своихъ, такъ и за печатми и подписами рукъ некоторыхъ людей добрыхъ на розделене именій и маетностей своихъ межы собою, въ повете Городенскомъ лежачыхъ, вечностію, и который тотъ листъ сами добровольне вызнавши, просили абы до книгъ уписанъ былъ, который уписуючи слово въ слово такъ се въ собе маетъ: Я Иванъ а Криштофъ Юревичи Тишкевичы, земяне господарскіе повету Городенского чинимъ явно и вызнаваемъ тымъ нашимъ вечистымъдельчимъ сознанымъ листомъ, добровольнымъ записомъ кождому, кому бы о томъ ведати належало, нынешнимъ и на потомъ будучаго вѣку людемъ, ижъ, што которое имене нашо отчизное, названое Тетеровка, въ повете Городенскомъ лежачое, намъ двомъ брати рожонымъ отъ небощика годное и славное памети его милости пана Юрія Михайловича Тишкевича, маршалка его Королевское милости, пана отца нашого тестаментомъ въ ровный делъ отъ иныхъ ихъ милостей пановъ брати нашихъ рожоныхъ

что хотя онъ самъ римскаго исповѣданія, но никогда не допуститъ, чтобы сдѣлано было этой церкви какое нибудь повреждепіе или римскіе ксендзы имѣли въ нее входъ и служили въ ней католическую обѣдню. Иванъ же Тышкевичъ даетъ съ своей стороны обѣщаніе, что если бы когда нибудь отступилъ отъ православной вѣры и присоединился къ иному исповѣданію, никогда не перестанетъ покровительствовать Тетеровецкую церковь и доставлять ей все нужное на ея содержаніе, согласно съ условіями фундаціи. Это событіе тѣмъ важнѣе, что уговоръ этотъ состоялся въ первыхъ годахъ существованія уніи, когда ея духовенство, поддерживаемое королемъ и іезуитами съ ожесточеніемъ нападало на православныхъ, отнимало у нихъ церкви и насильно заставляло соединяться съ римскою церковью.

назначоное, такъ тежъ што годное памети небожчыкъ его милость панъ отецъ нашъ весполъ зъ ее милостію панею маткою нашою купилъ кгрунту прилеглого до имени Тетеровского у рожнихъ особъ за спольные грошы, волокъ пять въ повете Волковыстскомъ лежачые, прозываемые Петушъки, на которые кгрунты особливыи записы суть, которое ее милость пани матка и добродейка наша, за правомъ своимъ доживотнимъ отъ сойстя зъ сего света смертю небощыка его милости пана отца нашого ажъ до сего часу вь державью своимъ меть рачила. а ижъ ее милость зъ ласки и милости своее родительское тое помененое имени нашо Тетеровку теперь заразомъ при животе своемъ уступившы того права своего доживотнаго намъ уступити и пустити рачила, за чымъ вжо мы будучы оного имени нашого Тетеровки въ держаню своимъ, а хотячы его мы два братія, яко тые, которымъ тое имене водлугъ тестаменту небощика его милости пана отца нашого мимо иншыхъ ихъ милости пановъ брати нашихъ належытъ, наполъ на ровные части зъ собою розделити и собою се въ томъ братерско розправити, зложили есмо на розделокъ того имени рокъ и часъ певный, въ семъ року тисеча шестсотъ девятомъ месяца Мая двадцать шостого дня; на который тотъ розделокъ нашъ, ужывшы ихъ милости пановъ прыятелъ нашыхъ нижей въ томъ листе нашомъ помененыхъ и зъехавши се мы зъ ихъ милостями до того имени и двора нашого Тетеровки, также се съ собою сгодившысе, оное имене нашо Тетеровку, въ повете Городенскомъ лежачое, на две части поровнявшы межы собою вечнымъ деломъ есмо розделили; которого розделеня нашого того имени Тетеровки списавшы мы реестръ и доложившы въ немъ все меновите по достатку, селитбы на дворы намъ обудвумъ, огороды, навозы, сеножати и подданые

нашы того именя Тетеровки и ихъ кгрунты, также боры, лесы, гаи, ставы, млыны и сажовки, тотъ реестръ печатми своими запечатовавши и руками своими подписали есмо, и заразомъ такъ селитбы на дворы, яко огороды, навозы, сеножати, поля оромыя и неоромыя, боры, лесы, гаи, ставы, млыны и сажовки, также подданые нашы зъ ихъ кгрунтами одинъ другому половицу его въ моцъ, въ держане и въ спокойное, вечистое уживане нашо уступившы, черезъ возного и стерону шляхту подали, завели и пустили есмо, которые селитбы па дворы нашы, огороды, навозы и кгрунты всякіе, также подданые зъ ихъ кгрунтами и которому на часть зъ ровного делу пришло и стало на томъ реестрѣ, также и на сознаню возного меновите подостатку описано и доложоне есть, а розделившы мы, я Иванъ и я Криштофъ Тинкевичы тое имене наше Тетеровку, въ повете Городенскомъ лежачое, и межы собою его на части ровные во всемъ розобравшы, маемъ и повинни будемъ, и симъ листомъ нашимъ дельчимъ описуемосе сей нашъ ровный вечистый делъ держати, и то, что на часть намъ которому зъ ровного делу пришло, вечными часы спокойно на себе уживати и водле воли и уподобаня нашого шафовать вечными часы, ни въ чомъ вжо вечне сего розделеня нашого не нарушаючы, и вжо по дате сего листу нашого такъ въ селитбы и дворы, въ огороды, въ навозы, въ поля и въ сеножаты, въ боры, лесы, гаи, въ ставы, въ млыны, въ сажовки, также въ подданые и въ ихъ земли, которые кгрунты на часть которому зъ насъ ровного делу достали, и инякимъ способомъ вступовати се, зъ моцы, держаня и спокойного уживаня нашого, одинъ у другого одымовати и переказы неякое одинъ другому чинить не маемъ и могчи не будемъ вечными часы. А если бы я Иванъ его милости пану

Криштофу, або я Криштофъ его милости пану Ивану, пробачившы сего нашого дельчого листу, добровольного запису, въ чомъ кольвекъ перешкоду чынили, кгрунты, которому сталые, любъ тежъ подданые и ихъ кгрунты и штожъ кольвекъ на часть которого зъ насъ сталое одыймовали, або ли знову не хотечы сего розделеня нашого спокойне вечне держать, о ровный делъ до права позывали, трудность одинъ другому задавали, тогды за прыпозванемъ о то зъ насъ, которого, маетъ и повиненъ будетъ тотъ тому, который бы въ чомъ кольвекъ сей листъ нашъ нарушилъ и въ томъ розделеню перекаэу якую которому учинилъ, заруки заплатитъ тысячу копъ грошей литовскихъ, а до того шкоды и наклады, на голое слово речене стороны укрывжоное, нагородити, о которую заруку и шкоды вольность даемъ и позволяемъ симъ нашымъ листомъ позвати зъ насъ которого кольвекъ сей нашъ делъ нарушаючого до суду и права, до которого зъ насъ укрывжоный самъ похочетъ, буде суду земского, гродского и годовного Трибунального, въ который хотечы поветъ, воеводство и терминъ, рокомъ завитымъ статутовымъ, а мы, который зъ насъ будемъ позвани, не вымовляючисе жадными причинами правными и неправными, не заслоняючысе хоробою обложною, войною, ани позванемъ до иншого суду о большую речь, передъ тымъ судомъ, до которого будемъ позвани становитисе, а ставшы не буречы року и незбиваючы позву, на жалобу стороны которого зъ насъ укрывжоного усправедливитисе маемъ, а судъ и врядъ тотъ, до которого о што сей нашъ листъ нарушаючы позвани будемъ, не прыймуючи отъ насъ жадныхъ оборонъ правныхъ, такъ за станемъ яко и въ нестаню которого зъ насъ, тую заруку и шкоды всказавшы, недопускаючы намъ апеляцыи и не обавяючисе на жадное занозване къ суду якой стороны от-

праву моцью на маетности тотъ сей нашъ листъ зъ насъ нарушаючого учинити маетъ, воленъ и моценъ будетъ. А что се дотычетъ церкви въ именю нашымъ отчыстомъ Тетеровце, въ которой тело добродея годное памети небощика его милости пана Юрія Тишкевича, пана отца нашого лежитъ, тогды мы зъ милости нашое братерское одинъ другому, я Иванъ а я Криштофъ Тышкевичы симъ листомъ, добровольнымъ записомъ нашымъ, сполне описуемосе, ижъ тую церковь водлугъ стародавного звычаю сполне опатровать и попа уставичне при ней меть, абы се хвала Божая уставичне въ ней отправовала, и доходы и землю церковную водлугъ инвентару давного, который ма быть доложенъ въ инвентарю вечыстымъ дельчомъ, вечными часы заховати и то на церковь отдавати маемъ и повинни будемъ, подъ зарукою на выступного зъ насъ обовязковъ въ семъ листе нашомъ вышъ опысаныхъ, Изъ я Криштофъ Тишкевичъ естемъ вѣры закону Рымского, описую се симъ листомъ моимъ тое церкви не бурыти и духовнымъ Римского закону въ той церкви мшы отправовати не маю позволяти и мочы не буду вечными часы подъ тою зарукою въ симъ листе нашемъ вышъ помененою; а если бы тежъ я Иванъ Тишкевилъ, отступивши веры своее Греческое, зосталъ якое иншое вѣры и хотелъ бымъ тую церковь бурыти и накладовъ церковныхъ на на церковь не давалъ, тогды описуюсе симъ листомъ моимъ, подъ тоюжъ зарукою звышъ писаною, сей листъ мой вцале подъ заруку подлегаючы заховать. И на то есмо дали одинъ другому сей нашъ вечыстый дельчый листъ зъ нашыми печатми и съ подписами властныхъ рукъ нашыхъ; а при томъ были и того добре сведоми ихъ милость панове прыятели нашы одъ насъ обудвухъ на тотъ разделокъ нашъ ужытые, его милость панъ Миколай Савицкій, кан-

теляновичъ Подляскій, его милость панъ Юрій Тишкевичъ, писаръ земскій Слонимскій, его милость князь Петръ Александровичъ Глинскій, которые за прозбами нашыми ихъ милость печати свое приложыли и руками своими подписати рачыли. Писанъ у Тетеровце, року тисеча шесть сотъ девятого месяца Іюня третего дня. У того листу печатей притисненыхъ пять, а подписей рукъ также пять, тыми словы: Иванъ Тишкевичъ рукою власною, Krzysztoph Tyszkiewicz ręką swą, Mikołay Sawicky ręką swą, Piotr Hlinsky własą ręką, Юрій Тишкевичъ рукою своею. Который тотъ листъ, за устнымъ сознанемъ ихъ милости пана Ивана и пана Крыштофа Юревичовъ Тишкевичовъ до книгъ земскихъ Городенскихъ есть уписанъ.

Подлинникъ хранится въ виленскомъ центральномъ архивѣ въ актовой книгѣ гродненскаго земскаго суда за 1609 годъ. Листъ 81—84.

3.

Выпись изъ полоцкихъ ратушныхъ книгъ, королевскихъ указовъ противъ не унитовъ: 1) чтобы правосл. епископа Смотрицкаго не впускали въ Полоцкъ; 2) какія монастыри должны оставаться за уніатами; 3) никому высшія должности не должны быть даваемы безъ митрополита и 4) православные не смѣютъ строить и починять церкви, совершать публично богослуженіе и церковныя требы *).

*) Подлинникъ хранится въ архивѣ бывшихъ греко-уніятскихъ митрополитовъ, при свят. прав. сунодѣ, за № 528;—писанъ на двухъ листахъ обыкновенной писчей бумаги, крупною скорописью. Документъ вѣтхъ.

I.

Жигимонтъ третій Божью милостью король польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жамоитскій, Мазовецкій, Инфляндскій, Шведскій, Игорскій... *), места нашого полоцького верне намъ милымъ ласку пашу.... верне намъ милые.... сами называютъ зловивши сеса... кесарату... не прыятеля верне христіанское и нашого, который таперъ зламавши.... прысегу свою и покой постановлен.... на панства наши войною наступуетъ, знеякимъ ихъ пасторомъ яко бы патрыархою Ерозолимскимъ.... Паствы наши... отцесара Турецкого высланымъ... зверхности маестату нашего г(осу)дарского.... ведомости подания и позволеня нашого посвещепе якое брать одинъ на метронолію Кіевскую.... на архіепископство и владычество Полоцкое мимо тыхъ, которые тые преложенства духовные здавна за презрепемъ Божимъ спаданья нашого и порадпаго на то посвещенья на собе носять и добре здорови суть и мимо (sic) стародавные права и звычаи корунные и великаго княжества Литовского; которые.... особливе кненарушене по сей часъ задержаны суть, ведлугъ которыхъ... естесмо соборною и подав... ю церкви Божое метрополита и всихъ Епископовъ впанстве нашомъ и безподаня и презенъта нашое никто ставить, давать и посвещать не можетъ.... который се **) менуетъ быть патрыархою, албо посломъ патрыархи Ерозолимского, кгдыжъ патрырхове Ерозолимскіе никгды жадное владзы над духовенствомъ панствъ нашихъ не мели;

*) Оборотная сторана перваго листа, отъ неизвѣстныхъ причинъ, покрыта какими то темными пятнами, отъ чего и самый текстъ до того не разборчивъ, что прочитать его нѣтъ возможности.

**) Слово это приписано другою рукою, т. е. почеркомъ и другими чернилами.

а правила светыхъ отцовъ и порадокъ церковный от вековъ не позволяеть овшемъ борони(ть), абы едино вовладзы... другаго не вступовалъ се... противъ порадку кпрыказаню церковному и противъ зверхности маестату нашого государского важалисе учужого не належн... патрыарха любо имъ пастора у подданного неприятеля хрес(тьянского) инашого...... абы подъ часъ теперешни же внесеня от него войны бьють кзалешане, межы... впанствахъ нашихъ учынить, а за тымъ уборони Боже и всю речъ (Посполитую доведикаго кголовъ... не беспеченства подати... могли, чому мы зъверности и повинности нашое... вчасъ забегаючы хочемъ... абы есте поразу... звелможнымъ воеводою Полотцкимъ, а внебытности рад(омъ) кгродскимъ полоцъкимъ постер... якобы тые вышъменованые особы...... *) речы Посполитое не толко до замку и места нашого Полоцкого не были пущани, але жебы могли быть полапаны и довезеня всажоны, а потомъ водъле выступу яки се на нихъ зъсуду справа извеквызыцыи достаточное покажеть карани были, ижебы кнашимъ всимъ... речы Посполитое черезъ то дорога загородитсе могла, иначе неучините для ласки нашое и сповинности своее. Писанъ у Варшаве. Лета Божого нарожения тисеча шестсотъ двадцать перваго, месяца февраля перваго дня, панованья королевствъ нашихъ.... четвертого, а шведского двадцать осмого году. — У того листу печать великаго княжества литовскаго есть притисцена, а подпись руки его королевской милости тыми словы: „Sigismundus Rex," также подпись надъ печатью тыми словы: Александеръ Корвенъ Кганъсевскій референдаръ и писаръ.

---

*) Конецъ перваго листа отъ ветхости сгнилъ, а потому и прочитать его нетъ возможности.

II.

(Переводъ съ польскаго).

Владиславъ IV, Божіею милостію король польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жмудскій, Мазовецкій, Инфляндскій, Смоленскій, Черниговскій, а Шведскій, Готскій, Вандальскій наслѣдственный король, извѣщаемъ этимъ письмомъ нашимъ кому объ этомъ слѣдуетъ знать, что явившись къ намъ лично въ большую канцелярію нашей В. К. Литовскаго, благородный Иванъ Дзягилевичъ, имѣющій на это привилегію нашу, въ 1635 году, марта 14 дня, съ двумя государственными печатями великаго княжества Литовскаго, [illegible] некассированную, ни въ чемъ неизмѣненную, и не представляющую никакого сомнѣнія, данную народу греческаго вѣроисповѣданія, не находящагося въ уніи съ римскою церковью; описана въ нашей жалоба и надлежитъ къ поданію. Подалъ, прося, чтобы она была вписана въ книгу, буквальное содержаніе которой нижеслѣдующее: Извѣщаемъ всѣхъ, кому объ этомъ знать слѣдуетъ, теперь и впредь будущимъ, что заботясь объ общественномъ благѣ, мы вмѣнили себѣ въ обязанность изыскать мѣры для поддержанія спокойствія между людьми греческаго вѣроисповѣданія; эти мѣры представили мы на рѣшеніе сейма, но такъ какъ сей, отецъ рѣшеніе свое пріостановилъ и никакой положительной деклараціи не сдѣлалъ, а на сеймѣ этомъ по причинѣ сужденій о защитѣ республики до рѣшенія другихъ дѣлъ не могло прійдти, позволяемъ намъ оказать покровительство людямъ не находящимся въ уніи, что впрочемъ мы дѣлаемъ не въ видахъ юридическаго подтвержденія схизмы, но ради общественнаго блага, для чего и даемъ наше свидѣтельство (testimonium) въ томъ, что людей находящихся въ уніи съ римской церковью сохраняемъ на вѣчныя времена при метрополіи, и [illegible]

принадлежащихъ, и архіепископское полоцкое, владимірское, пинское, холмское, смоленское съ монастырями, церквами и имѣніями къ нимъ принадлежащими будутъ всегда оставаться за уніатами; также монастырь виленскій св. Троицы съ братствомъ, съ церковью св. и благочестивыми заведеніями къ нимъ принадлежащими, а слѣдовательно и гродненскій, могилевскій, минскій, новгородскій, онуфріевскій, мстиславскій, пустынскій, полоцкій, браплавскій и другіе, которые теперь находятся въ нашихъ королевскихъ владѣніяхъ, остаются на вѣчныя времена за уніатами, а въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Новогрудкѣ, никогда ни одной церкви неуніяты имѣть не будутъ. Завѣряемъ отъ себя и отъ всепресвѣтлѣйшихъ въ томъ, что эти епископства, архимандритства, игуменства никому другому нами раздаваться и утверждаться не будутъ, какъ только однимъ заслуженнымъ монахамъ устава св. Василія, которыхъ теперешній отецъ метрополитъ уніятъ и его наслѣдники уніяты, будутъ представлять намъ и нашимъ наслѣдникамъ, въ удостовѣреніе чего мы собственноручно подписываемся и повелѣли приложить печати. Данъ въ Варшавѣ на генеральномъ государственномъ сеймѣ. Дня 14 марта, тысяча шесть сотъ тридцать пятаго года, царствованія нашего польскаго и шведскаго въ третій годъ. Владиславъ король, Мартинъ Тризна, референдарій великаго княжества Литовскаго. Приложены двѣ печати: малая государственная и большая великаго княжества Литовскаго. Мы король, по просьбѣ благороднаго Ивана Дзіягилевича, эту привилегію въ книги канцеляріи нашей В. К. Л. и съ нихъ извлеченіе подъ печатью В. К. Л. выдать. Происходило въ Варшавѣ дня четырнадцатого февраля 1641 года, царствованія нашего польскаго и шведскаго въ десятый годъ. У этого письма печать В. К. Л. приложена, а подпись руки слѣдующая: Альбрехтъ Радзивилъ, канцлеръ Вел.

Кн. Лит., по просьбѣ его сіятельства Альбрехта Станислава Радзивилла князя на Олыце и Несвѣжѣ, канцлера В. К. Л., пинскаго, гнезненскаго, ковенскаго старосты, а вторая подпись слѣдующая: Францъ Исаковскій, секретарь его к. в.

III.

Мы Божею милостью Владиславъ IV, король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, жмудскій, мазовскій, инфляндскій, смоленскій, черниговскій, и наслѣдственный король шведскій, готскій и вандальскій, вельможному Янушу Кишце, воеводѣ полоцкому, гетману польному В. К. Литовскаго, пернавскому старостѣ нашему, искренно намъ любезному. Съ немалымъ прискорбіемъ узнали мы, что нѣкоторыя лица полоцкаго воеводства, находящіеся подъ вашею властью, тамошнимъ священникамъ русского богослуженія, находящимся въ уніи съ римско-католическою церковью, дѣлаютъ разныя беззаконія противъ верховной власти нашего королевскаго величества и съ большимъ оскорбленіемъ духовнаго сана: въ духовную юрисдикцію искони имъ принадлежащую и въ церковныя владѣнія съ давнихъ временъ учрежденныхъ на славу Божію незаконно вмѣшиваются, это не можетъ насъ не озабочивать, поэтому желаемъ, чтобы ваша милость всѣхъ священниковъ уніятовъ въ городѣ Полоцкѣ и имѣющихъ свои церкви и отправляющихъ богослуженіе въ имѣніяхъ полоцкой экономіи, именемъ короля отъ всякихъ оскорбленій охранялъ, и строго наблюдалъ, чтобы имъ находящимся подъ нашей защитой и протекціей, ни малѣйшаго не дѣлалось беззаконія, за что мы повелѣли, на всякомъ мѣстѣ и во всякое время подвергать безпощадно строгому наказанію, вопреки чего ради наши милости и своей обязанности вы по-

ступать не должны. Данъ въ Варшавѣ мѣсяца мая 28 дня, лѣта господня 1638, царствованія нашего польского VI, а шведского въ VII годъ. Къ этому письму печать В. К. Лит. приложена, подпись руки его королевскаго величества, слѣдующая: Владиславъ король (Vladislaus Rex), къ вельможному воеводѣ полоцкому. За священниками уніатами, также подпись съ приложеніемъ печати слѣдующая: Мартинъ Тризна, референдарій и камергеръ В. К. Лит.

IV.

А четвертое письмо г. воеводы полоцкаго слѣдующаго содержанія: Янушъ Кишка, полоцкій воевода, гетманъ польный В. К. Л., староста пернавскій и проч.

Извѣщаемъ всѣхъ вообще и каждаго особо, кому слѣдуетъ объ этомъ знать, какъ преподобнымъ духовнымъ лицамъ, ясневельможнымъ, вельможнымъ, благороднымъ панамъ, дворянамъ полоцкаго воеводства, моимъ милостивымъ государямъ и братіи, также именитому магистрату и всему народу города е. к. в. Полоцка, что показывана мнѣ привилегія е. к. в. милостиваго государя нашего, тысяча шестьсотъ тридцать пятого года, марта четырнадцатаго дня. Дана и принадлежитъ, какъ всѣмъ высокопреподобнымъ, преподобнымъ духовнымъ отцамъ, такъ и вообще народу греческой религіи, находящемуся въ исповѣдываніи св. уніи, въ которой, вычитавъ волю и повелѣніе его королевскаго величества, милостиваго государя нашего, чтобы въ извѣстныхъ городахъ, а именно въ городѣ е. к. в. Полоцкѣ, лицамъ какъ свѣтскимъ такъ и духовнымъ, не было позволено строить церквей греко-дизъунитской вѣры, отправлять публично богослуженіе, а также совершать какія бы то ни было духовныя требы. Сверхъ того, я имѣю письмо его королевскаго величества, въ которомъ его коро-

левское величество волею и милостью своею соизволивъ поручить мнѣ, чтобы лицъ духовныхъ, находящихся въ воеводствѣ и епархіи полоцкой, уніятской религіи именемъ его королевскаго величества защищалъ, имѣлъ ихъ подъ своимъ покровительствомъ и властью его королевскаго величества, охранялъ ихъ отъ всѣхъ обидъ, препятствій и оскорбленій со стороны диссидентовъ этой религіи, если бы что нибудь подобное терпѣли.

Въ обоихъ случаяхъ, согласно воли и желанію его королевскаго величества, также согласно съ привилегіею и письмомъ мнѣ даннымъ, по данной мнѣ власти и начальству отъ его королевскаго величества надъ отцами неуніятами, такъ и надъ панами тамошними дворянами и именитыми мѣщанами полоцкими, требуемъ, и именемъ его королевскаго величества напоминаемъ, дабы никто не осмѣлился въ томъ городѣ строить неуніятскія церкви, отправлять публично богослуженіе и обучать въ школахъ и дома дѣтей.

А притомъ, чтобъ никакихъ бунтовъ, заговоровъ противъ религіи уніятской, помѣхъ, безпокойствъ, богохульствъ (какъ недавно случилось), угрозъ и нагодой не осмѣливались дѣлать.

Но если бы кто былъ секретно или явно въ этомъ обличенъ, тотъ подвергнется законному наказанію; но я, сверхъ сего, налагаю за вину, въ пользу его королевскаго величества пятьдесятъ, а для себя воеводы и войта десять тысячъ злотыхъ польскихъ, на что издавъ это письмо, съ приложеніемъ печати, собственноручно подписываюсь.

Писанъ въ Кривичахъ, тысяча шестьсотъ сорокъ третьяго года мѣсяца сентября четырнадцатаго дня. На этомъ письмѣ печать приложена, а подпись руки слѣдующая: Янушъ Кишка, воевода полоцкій и войтъ, польный гетманъ Вел. Кн. Литовскаго, своею рукою.

Всѣ эти четыре письма, представленные въ судъ, по просьбѣ преподобнаго отца Іосифа Шумлянскаго, въ городскія книги вписаны, съ которыхъ и эта скрѣпа подъ городскою Радѣтскою печатью, съ подписью писарской моей руки, въ нынѣшнемъ тысяча шестьсотъ сорокъ восмомъ году мѣсяца марта шестого дня, выдана. Писанъ въ Полоцкѣ.

Иванъ Дзягилевичъ писарь города его королевскаго величества Полоцка.

II.

ИСТОРІЯ ИКОНЫ
ВИЛЕНСКОЙ
ОСТРОБРАМСКОЙ БОГОРОДИЦЫ.

Въ Вильнѣ отъ того мѣста, гдѣ находится православный соборъ литовскихъ митрополитовъ, по направленію къ югу, поднимается по склону горы улица, называемая Остробрамскою. Это весьма оживленное, бойкое мѣсто, особенно послѣ устройства петербурго-варшавской желѣзной дороги. Идя отъ каѳедральнаго собора вверхъ по Остробрамской улицѣ, не въ дальнемъ разстояніи встрѣчаемъ двѣ православныя обители: направо—монастырь Живоначальной Троицы, налѣво—св. Духовскій. Вся эта мѣстность изстари православная. Здѣсь былъ русскій гостинный дворъ, здѣсь жили, преимущественно русскіе люди. Троицкій монастырь построенъ супругой великаго князя литовскаго Ольгерда, Маріей, на мѣстѣ мученической кончины святыхъ, литовскаго происхожденія, Антонія, Іоанна и Евстафія. Св. Духовскій же монастырь основанъ св.-Духовскимъ церковнымъ братствомъ въ началѣ XVII вѣка, возлѣ Благовѣщенской церкви, сооруженной около 1,500 года русскою великою княжной, дочерью Іоанна III, Еленой, бывшею въ замужествѣ за великимъ княземъ литовскимъ Александромъ. Послѣ этихъ монастырей и церквей Остробрамская улица преграждается каменными городскими воротами,—остатокъ древнихъ укрѣпленій Вильны. Эти одни изъ пяти воротъ Кремля, называвшіяся прежде по имени сосѣдняго монастыря Троицкими, со времени же введенія церковной уніи, то есть около 1596 г., эти

ворота стали называться Острыми, по имени мѣстности, называвшейся Острымъ концомъ. Брама по польски значитъ ворота; острая брама значитъ острыя ворота, отсюда и названіе Остробрамской или по-русски Островоротной улицы. Надъ воротами часовня, и въ ней древняя православная икона Островоротной Богородицы. Она написана на двухъ сколоченныхъ дубовыхъ доскахъ, въ вышину съ небольшимъ 2½ аршина, а въ ширину 2 аршина. Ликъ Пресвятой Богородицы выражаетъ смиреніе. Недостаетъ лишь архангела Гавріила (который нерѣдко пишется на особой доскѣ), чтобы была полная икона Благовѣщенія.

Часовня эта и самая икона принадлежатъ католическому костелу св. Терезіи, находящемуся рядомъ съ воротами. Владѣя часовней, р.-католики не допускаютъ совершать предъ иконой моленія по православному обряду. Ксендзы сумѣли, по своему обыкновенію, связать съ Островоротною иконой разныя вымышленныя сказанія: будто бы икона эта есть святыня *католической* Вильны, и ея чудотворная сила оказывается лишь въ пользу католиковъ и поборниковъ польщизны.

Разкажемъ исторію иконы и часовни Островоротной Богородицы.

Уже въ XIV вѣкѣ городъ Вильна раздѣлялся на 5 половицъ: русскую, литовскую, купеческую, нѣмецкую и еврейскую. Русская половица занимала серединную и восточную часть Вильны, самую лучшую и большую часть города *), половица литовская занимала часть сѣверную, купеческая—южную, нѣмецкая и еврейская западную. Эти половицы опредѣлились особенно рельефно, когда при Гедиминѣ и Ольгердѣ городъ Вильна тамъ, гдѣ его не ограждали рѣки и горы, былъ обнесенъ отчасти каменною стѣной, отчасти деревянною оградой. Въ послѣдствіи великій князь литовскій и король польскій Александръ Казиміровичъ, въ 1505 году, повелѣлъ виленскимъ жителямъ обнести весь городъ каменною стѣной, и въ слѣдующемъ году, городская каменная стѣна была окончена **). Въ началѣ XVI вѣка въ городской стѣнѣ было четверо воротъ: 1) Кревскія, названныя потомъ Троицкими, а со времени введенія церковной уніи,

*) Respublica Moscoviae et urbes. Лейденъ, 1580 г.—Балинскій.

**) Стѣна эта вмѣстѣ со своими воротами окончательно разрушена въ 1794 г., исключая Замковыхъ и Острыхъ воротъ; первыя упразднены въ 1837 году, послѣднія существуютъ.

Острыми; 2) ворота Полоцкія, потомъ получившія названіе Спасскихъ отъ близь лежащей Спасской церкви; 3) Керновскія или Вилейскія ворота, между домомъ человѣколюбиваго общества и недавно построенною часовней Александра Невскаго на Георгіевской площади; 4) ворота Трокскія, бывшія на Трокской улицѣ, возлѣ дома графа Тышкевича. Въ концѣ XV вѣка построены еще пятыя ворота — Замковыя, ведущія въ Нижній замокъ, иначе Кривой городъ.

Послѣ 1331 года, князь Ольгердъ отправился съ войскомъ на югъ Россіи воевать съ монголами; экспедиція была благополучна: Ольгердъ разбилъ три орды кочевавшія въ Подоліи, загналъ ихъ за Дунай, и земли отъ Кіева до Очакова, отъ Путивля до Дона, были имъ завоеваны; кромѣ того, онъ вторгнулся и въ Крымскій (Херсонесскій) полуостровъ и разрушилъ городъ Херсонъ (древній Корсунь). Послѣ этой экспедиціи Ольгердъ привезъ съ собой не мало вещей и украшеній церковныхъ, которыя и были розданы виленскимъ православнымъ церквамъ. Въ числѣ украшеній находилась икона Островоротной Богородицы, подаренная потомъ св.-Троицкимъ монахамъ, которые, слѣдуя православно-русскому обычаю *), поставили ее надъ своими Троицкими воротами. Венденскій каноникъ, ксендзъ Даніилъ Лодзяга, жившій въ концѣ XVII вѣка, такъ свидѣтельствуетъ объ этомъ: „Великій князь литовскій Ольгердъ обогатилъ сокровищницы свои безчисленными херсонесскими драгоцѣнностями. Семейство этого князя большую часть церковныхъ украшеній раздарило православнымъ церквамъ города Вильны, къ числу коихъ принадлежитъ благодатная икона Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, находящаяся нынѣ въ часовнѣ отцовъ кармелитовъ надъ городскими воротами, называемыми обыкновенно Острыми" **). Это случилось, по всей вѣроятности, около 1345 г. Около этого времени самъ Ольгердъ тайно принялъ православную вѣру, по вліянію своей жены Маріи и далъ полную свободу христіанамъ ***).

---

*) Этого обыкновенія нѣтъ у поляковъ; у нихъ существуетъ обыкновеніе ставить при дорогахъ и воротахъ статуи св. Іоанна Предтечи.

**) Dzieje narodu litewskiego, соч. Нарбута, V, 137.

***) Кс. Кульчинскій: Specimen Ecclesiae Ruthenicae, Парижъ 1859 г., (перепечатана съ римскаго изданія 1733 г.)—Domowe wiadomości o W. Ks. Litewskiém (перепечатано въ виленской іезуитской типографіи въ 1763 году).—К. С. Бандке: Dzieje narodu polskiego.

Есть еще и другое мнѣніе на счетъ происхожденія Остробрамской иконы. Въ *Памятной книгѣ о явленныхъ иконахъ Пресвятой Богородицы* (Москва 1851) упоминается, что 14-го апрѣля 1341 года явилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы въ Вильнѣ на городскихъ воротахъ. Это сказаніе можетъ относиться лишь къ Островоротской иконѣ. Дѣйствительно, здѣшній народъ убѣжденъ въ справедливости явленія этой иконы и издревле праздновалъ день 14 апрѣля. Даже и ксендзы празднуютъ его съ тѣхъ поръ, какъ присвоили икону Островоротной Богородицы, съ тою только разницей, что для отличія отъ православныхъ празднуютъ цѣлую недѣлю подъ именемъ праздника Покрова св. Іосифа. О праздникѣ 14 апрѣля можно прибавить еще слѣдующее: Извѣстно, что Ольгердъ и Кейстутъ Гедиминовичи порѣшили свергнуть съ престола своего брата великаго князя литовскаго Явнута (который исповѣдывалъ православную вѣру и имѣлъ при своемъ дворѣ не мало единовѣрцевъ), что и было исполнено Кейстутомъ. Вслѣдъ за этимъ Ольгердъ былъ признанъ великимъ княземъ литовскимъ. Отъ него, тогда еще язычника, пострадали за свою православную вѣру три литовца, служившіе при дворѣ великаго князя Явнута: Антоній Миклей *) 14-го января, Іоаннъ Куклей 24-го апрѣля и Евстафій Нижило 13-го декабря. Въ 1364 году былъ установленъ въ честь ихъ митрополитомъ московскимъ св. Алексіемъ и константинопольскимъ патріархомъ Филоѳеемъ праздникъ **). Но когда пришлось опредѣлять, котораго числа должно быть этому празднику, то нашли самымъ удобнымъ праздновать его вмѣстѣ съ праздникомъ явленія чудотворной иконы Островоротной Богородицы, уже празднуемымъ виленскими жителями.

Въ пользу православнаго происхожденія Островротной иконы можно прибавить еще и то, что никто изъ католиковъ не упоминаетъ, чтобъ она изстари была католическою. Авторъ *Реляціи о чудотворной иконѣ Пресвятой Богородицы, что въ Вильнѣ на Острыхъ Воротахъ*, перваго ксендзовскаго сочине-

---

*) Въ русскихъ лѣтописяхъ Антоній называется Круглецъ, Іоаннъ Кумецъ.

**) Іезуитъ В. Кояловичъ: Miscelanca rerum, Вильна 1650 г.— Кс. И. Кульчинскій.—Т. С. Бандке.—Игнатій Даниловичъ: Skarbiec dyplomatow, Вильна 1860 г.—Митр. черниговскій Филаретъ, *Исторія русской церкви*.

нія о чудотворной Островоротной иконѣ, напечатаннаго въ Вильнѣ въ 1823 году, опредѣлительно говоритъ, что онъ рѣшительно ничего не знаетъ кому принадлежала Островоротная часовня и икона до 1671 года, т. е. до присвоенія ея кармелитами. О католическомъ же происхожденіи Островоротной часовни и иконы, положительно нѣтъ ни одного свидѣтельства, ни стараго, ни новаго, ни истиннаго, ни даже подложнаго.

Съ тѣхъ поръ какъ икона Пресвятой Богородицы находилась надъ Острыми воротами, лицомъ внутрь города, жившіе около сего мѣста православные (католики здѣсь вовсе не жили), стали питать большое уваженіе къ сей иконѣ и построили при ней надъ воротами небольшую деревянную часовню, гдѣ теплились предъ иконой лампады и свѣчи *), внизу же, вблизи воротъ, была построена такая же деревянная небольшая церковь св. Петра; поддержаніемъ великолѣпія въ той и другой занималось по преимуществу православное братство.

Въ 1458 году основано было въ Вильнѣ церковное православное братство **). Спустя не многое время, это братство, вслѣдствіе чрезвычайной многочисленности участвующихъ въ немъ, раздѣлилось на 8 вѣтвей, названныхъ также братствами. Эти братства были нижеслѣдующія: 1) панское, иначе дворянское; 2) виленскаго городскаго чиноначалія; 3) купеческое; 4) шляпочниковъ; 5) сапожниковъ; 6) портныхъ; 7) кожевниковъ и скорняковъ и 8) росское, состоявшее изъ шапочниковъ, сермяжниковъ и ногавичниковъ ***); росское братство находилось при Георгіевской церкви ****). Самое названіе сихъ братствъ достаточно показываетъ, что онѣ были въ ходу, главнымъ образомъ, въ ремесленномъ сословіи; онѣ считались отраслями св. Троицкаго (купеческаго) братства и притомъ отъ него зависящими, въ кружку котораго вносили даже извѣстную сумму денегъ. Тѣмъ не менѣе, каждое изъ нихъ содержало при своей церкви

*) Relacya o cudownym Obrazie N. Maryi Panny, ktory w Wilnie na Ostrey bramie, Вильна 1823 года.—Крашевскій, Wilno, Вильна 1840—42 года.—Кс. Ролевичъ: Wiadomości o cudownych obrazach, Вильна 1863 г.—Коротынскій: Wilno, во всеобщей энциклопедіи польской.

**) О православ. церков. братствахъ, соч. Флерова, Спб. 1857.

***) Ногавичниками называются портные брюкъ для простолюдиновъ.

****) Архимандритъ св. Троицкаго монастыря Арсеній Хрулькевичъ въ Wizerunkach.

госпиталь для больныхъ, богадѣльню для бѣдныхъ и первоначальное училище. Такимъ образомъ, болѣе другихъ пользовалось значеніемъ и извѣстностью братство купеческое, учрежденное при церкви св. Троицы, которое съ 1589 года имѣло свою гимназію, типографію и право ставропигіи, т. е. благодаря патріарху константинопольскому Іеремія II, посѣтившему въ упомянутомъ году Вильну, оно зависѣло въ дѣлахъ духовныхъ непосредственно отъ самого патріарха.

Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Вильнѣ будетъ введена церковная унія, тѣ изъ виленскихъ братчиковъ и священиковъ, которые не желали никакой сдѣлки ни съ поляками, ни съ папами, около 1590 года пріобрѣли участокъ земли напротивъ Св. Троицкой церкви, рядомъ съ Благовѣщенскою, и на немъ построили деревянную церковь съ монастыремъ. Между тѣмъ, въ 1609 году, по повелѣнію короля Сигизмунда III, виленскія православныя церкви были переданы уніатамъ, и тогда весь православный людъ перешелъ отовсюду въ эту ново-построенную церковь. При сей церкви образовалось очень многолюдное церковное братство, которое, несмотря на неоднократныя запрещенія польскихъ королей, подъ страхомъ денежнаго и тѣлеснаго наказанія, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ и твердостью продолжало подвизаться за православіе и учредило при новой своей церкви: госпиталь для больныхъ, богадѣльню для нищихъ, училище для образованія дѣтей, гимназію и типографію. *) Кромѣ того, Святодуховское братство построило каменный монастырь и церковь Св. Духа, оконченные въ 1640 году и по нынѣ существующіе. Среди ожесточенной враждебности ксендзовъ и поляковъ св.-Духовскіе братчики выказали почти сверхъ-человѣческую энергію и самоотверженіе и положили неимовѣрные труды на уходъ за больными, на вспомоществованія неимущимъ, на занятія по гимназіи, на громадныя постройки и, наконецъ, на борьбу съ строжайшими запрещеніями со стороны королей и всяческими препятствіями со стороны поляковъ.

Съ 1621 г. по 1626 годъ вице-канцлеръ великаго князя литовскаго. Степанъ Пацъ и виленскіе бургомистры Игнатій и Степанъ Дубовичи, на участкѣ земли, находящемся между Ос-

*) Братская типографія пала въ концѣ XVIII вѣка. Братская гимназія открыта въ 1617 году, первымъ директоромъ ея былъ Леонтій Карповичъ, а послѣ него М. Смотрицкій.

трыми воротами, Благовѣщенскою церковью и строившеюся тогда св.-Духовскою, воздвигли каменный монастырь и костелъ св. Терезіи, гдѣ и поселили монаховъ, такъ-называемыхъ кармелитовъ-босыхъ. *) Участокъ земли для сихъ построекъ былъ такъ малъ и узокъ, что костелъ св. Терезіи значительно загромоздилъ собою улицу и заслонилъ церковь Благовѣщенскую и отчасти св. Духовскую. Поселившіеся при Острыхъ воротахъ кармелиты-босые принялись усердно подавлять православіе и все русское, употребляя всѣ средства. Имѣя въ виду присвоить Островоротную часовню и икону, они съ первыхъ дней своего здѣсь пребыванія, стали особенно чествовать православную икону Островоротной Богородицы и собирать къ часовнѣ не только католиковъ, но и православныхъ, у которыхъ тогда были лишь двѣ церкви: св.-Духовская и Благовѣщенская (остальныя были переданы уніятамъ). Эта тактика произвела свое дѣйствіе, и многіе изъ православныхъ перестали чуждаться кармелитовъ-босыхъ и считать ихъ врагами. Ловкимъ кармелитамъ удалось также уничтожить православную церковь св. Петра, принадлежавшую святотроицкимъ монахамъ (тогда уже уніатамъ) и находившуюся у самыхъ Острыхъ воротъ, напротивъ ихъ костела; въ 1633 году виднѣлся лишь ея фундаментъ **).

Возстаніе малороссовъ подъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго дало случай полякамъ убѣдиться, что на приверженность уніатовъ къ Польшѣ имъ полагаться нельзя. Потому, какъ только кончилась въ 1667 году война, поляки болѣе прежняго принялись подавлять уже не только русскую народность и православную вѣру, но и самихъ уніятовъ. Потерявъ восточную Малороссію и Кіевъ, они тѣмъ болѣе старались укрѣпиться въ сѣверо-западномъ краѣ и особенно въ Вильнѣ. Въ противодѣйствіе православному св. Духовскому братству, кармелиты учредили свое братство св. Іосифа, утвержденное папою Климентомъ IX, мая 21-го 1669 года. Члены этого братства обязаны ***): 1) праздновать всѣ (ихъ не мало) праздники Пр. Богородицы, св. Іосифа обручника и св. Терезіи; 2) каждый четвергъ слушать обѣдню въ Островоротномъ костелѣ; 3) въ

*) Іезуитъ Кояловичъ.—Крашевскій.

**) Дѣло объ омежеваніи св. Троицкой горы съ 1633 года.—Relacya.—Wizerunki i roztrząsania naukowe, журналъ издаваемый кс. И. Шидловскимъ въ Вильнѣ съ 1834—40 годъ.

***) Manuale confraternitatis s. Josephi, Познань 1678 г.

праздники Пр. Богородицы, Св. Іосифа и св. Терезіи исповѣдываться и причащаться; 4) поучать другихъ латинской вѣрѣ; 5) наконецъ всѣми силами стараться втягивать въ свое братство и другихъ. Іосифовскимъ братчикамъ прощаются всѣ ихъ грѣхи въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) при поступленіи въ братство; 2) въ праздникъ обрученія Пр. Богородицы (23 января); 3) въ праздникъ обрученія св. Іосифа (19 марта); 4) въ праздникъ Пр. Богородицы Шкаплерной (16 іюля); 5) въ праздникъ св. Терезіи (15 октября); 6) при смерти каждаго изъ братчиковъ. Далѣе, грѣхи прощаются братчикамъ также, сообразно тому, 1) сколько разъ они будутъ находиться у обѣдни въ Островоротномъ костелѣ; 2) сколько разъ будутъ на братскомъ совѣтѣ; 3) сколько разъ будуть присутствовать при крестномъ ходѣ; и наконецъ 4) сколько разъ будутъ говоритъ въ пользу латинской вѣры: во всѣхъ этихъ случаяхъ грѣхи прощаются каждый разъ на 60 дней.

Около 1670 года польскимъ правительствомъ была назначена особая коммиссія для осмотра виленскихъ церквей, которой и вмѣнено было въ обязанность упразднять не только православныя, но и уніятскія церкви, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы русскія войска, владѣвшія Вильной съ 1655 по 1661 годъ, совершенно ихъ ограбили и на столько опустошили, что совершать богослуженіе въ нихъ нельзя. Эта-то коммиссія, въ 1671 году году, передала кармелитамъ босымъ костела св. Терезіи православную часовню и икону Островоротной Богородицы *). Кармелиты поставили икону на время въ свою часовню при костелѣ св. Терезіи; на мѣсто старой часовни построили новую, деревянную, очень маленькую, куда снова и перенесена икона. Перенесеніе это устроено было самымъ торжественнымъ образомъ: въ немъ участвовали виленскій епископъ Александръ Сапѣга и его капитулъ, литовскіе сенаторы, городскіе чины и толпы пановъ; произнесено было нѣсколько проповѣдей, поучали даже посреди Островоротной улицы **).

---

*) Relacya.—Кс. Кульчинскій.—Wizerunki.—ДокументыОстробрамскихъ Кармелитовъ, въ публичной библіотекѣ въ Вильнѣ. Точно таже коммисія, дѣйствуя по указанію митрополита Г. Коленды, закрыла церковь св. Петра и Павла на Зарѣчьи, въ церкви же Спасской и Вознесенскомъ монастырѣ устроенъ городской госпиталь.

**) Relacya.

Построенная кармелитами часовня была уже католическая и, такимъ образомъ, чудотворная православная икона сдѣлалась принадлежностью латинскихъ монаховъ. Уніятскіе монахи св. Троицкаго монастыря противъ такого присвоенія въ началѣ не протестовали, потому что икона эта не давала имъ дохода, а еще болѣе потому, что незадолго передъ этимъ они получили другую чудотворную икону, икону Виленской Богородицы, перенесенную изъ собора Успенія Пр. Богородицы въ ихъ св. Троицкую церковь *).

Но видя что Островоротная часовня стала давать хорошій доходъ кармелитамъ, святотроицкіе монахи потребовали возвращенія ея, какъ старинной принадлежности своего монастыря, и представили на то неоспоримыя доказательства. Разумѣется, кармелиты не захотѣли уступить, и вотъ между двумя монастырями завязался процессъ, продолжавшійся очень долго. Перейдя множество низшихъ инстанцій, процессъ былъ представленъ, наконецъ, на разрѣшеніе папы. Не было никакой возможности опровергнуть доказательства, представленныя троицкими уніятами, но папа, дабы не дать преимущества полусхизматикамъ уніятамъ, придумалъ новое, вовсе не относящееся къ дѣлу положеніе, на которомъ и основалъ свое рѣшеніе. Онъ присудилъ оставить часовню въ обладаніи того монастыря, который ближе къ Острымъ воротамъ, зная хорошо, что такое рѣшеніе будетъ въ пользу кармелитовъ **). Это было уже въ началѣ XIX вѣка, когда Вильна принадлежала къ Россійской имперіи. Такимъ образомъ, несправедливое предпочтеніе, оказанное папой босымъ кармелитамъ - означало ни болѣе, ни менѣе, какъ поддержку польщизны въ старорусскомъ краѣ, возвращенномъ Россіи. Преосвященный Анатолій, бывшій минскій архіепископъ, въ отношеніи къ г. синодальному оберъ-прокуроры, отъ 24-го марта 1832 г. доказывалъ, что Островоротная икона Богоматери есть «древнее достояніе православной церкви» ***). Вслѣдствіе этого состоялось высочайшее повелѣніе о передачѣ костела св. Терезіи и монастыря, принадле-

*) Wizerunki.

**) Литовскій митрополитъ высокопреосвящен. Іосифъ: „Слова и привѣтствія,“ Спб. 1860 г.

***) Дѣло объ упраздненіи костеловъ по виленской губерніи, съ 1832—1835 г., находящееся въ литов. дух. консисторіи.

жащихъ кармелитамъ-босымъ въ Вильнѣ, православному духовенству; такимъ образомъ, Островоротная часовнѣ и икона должны были быть возвращены опять православнымъ. Но высочайшее повелѣніе было искусно обойдено, какъ увидимъ ниже.

Съ 1671 года, съ котораго начинается католическій періодъ въ исторіи Остробрамской иконы, и до 1715 при Острыхъ воротахъ не случилось ничего замѣчательнаго. Въ 1715 г. вспыхнулъ въ Вильнѣ пожаръ, отъ котораго сгорѣла и Островоротная часовная; но икона была спасена и поставлена въ костелѣ Св. Терезіи. Не скоро кармелиты принялись за постройку новой часовни; они занялись ею, когда нововведенное ими сорокачасовое богослуженіе значительно увеличило ихъ доходы. *) Часовня была построена около 1744 года, изъ камня, въ томъ видѣ, въ какомъ находится и до сихъ поръ. Кармелиты устроили торжественное освященіе часовни и перенесеніе въ нее иконы. Ксендзы стали изрѣдка служить и миссы, чего не было въ старой часовнѣ **).

Въ 1773 году первый раздѣлъ Польши островоротнымъ кармелитамъ удалось получить отъ папы Климента XIV два посланія отъ 5-го апрѣля, которыми дарованы пяти праздникамъ Островоротнаго костела (Св. Терезіи) полные отпуски, т.-е. всѣмъ принимавшимъ какое-либо участіе въ этихъ праздникахъ отпускались всѣ грѣхи безъ исключенія ***). Въ 1779 году папа Пій VI, буллой отъ 30-го апрѣля, даровалъ Островоротному братству св. Іосифа очень обширную власть и различныя индульгенціи; сверхъ того, всѣ милости, дарованныя ему разными папами, призналъ за братствомъ на вѣчныя времена ****).

Папскія посланія и отпуски грѣховъ не мало способствовали оживленію фанатизма въ островоротныхъ братчикахъ, и они всѣми силами стремились подавить въ Вильнѣ православіе. Но тѣмъ не менѣе, это послѣдне было на столько сильно, что

---

*) Relacya.—Проповѣди ксендза Роберта. Вильна 1770. „О сорокочасовыхъ богослуженіяхъ", см. Сов. Лѣт. 1866 года № 38. Документы кармелитовъ-босыхъ въ виленскомъ музеѣ.

**) Relacya.—Документы кармелитовъ Остробрамскихъ.

***) Документы кармелитовъ-босыхъ.

****) Хроника Островоротнаго приходскаго костела, ксендза Казиміра Залескаго, находящаяся въ рукописи въ вилен. публич библіотекѣ.

до конца прошлаго столѣтія св.-Духовское православное братство процвѣтало, его типографія печатала книги, гимназія воспитывала молодежь, и дѣвичій монастырь былъ наполненъ.

Хотя католики уже долгое время владѣли Остробрамскою иконой, но до 1794 года она между ними не считалась чудотворною. Правда, ксендзъ, авторъ сочиненія объ Островоротной иконѣ, напечатаннаго въ Вильнѣ въ 1823 г., называющагося *Реляціей*, утверждаетъ, что Островоротная икона была всенародно признаваема католиками чудотворною еще въ XVII вѣкѣ. Тоже повторяютъ Крашевскій, Сырокомля и ксендзъ Ролевичъ. Но ни одинъ изъ этихъ писателей не указываетъ, откуда почерпнуты эти свѣдѣнія. По этому мы тщательно пересмотрѣли всѣ сочиненія, спеціально описывающія чудотворныя иконы въ сѣверозападномъ краѣ: *Море Господней благодати, разливаемое Богомъ въ Польшѣ при иконахъ Спасителя и Богородицы*, сочиненіе ксендза Яцка Пруща; *) *Церковную исторію Литвы*, сочиненіе профессора бывшаго виленскаго университета іезуита Віюка Кояловича; сборникъ католическихъ пѣсенъ—такъ-называемыя кантычки **); *Сарматскую физіономію Польши и Литвы*, сочиненіе профессора

*) Мы руководствуемся вторымъ изданіемъ, дополненнымъ и напечатаннымъ въ 1740 году въ Краковѣ. Ксендзъ Яцко (Гіацинтъ) Прущъ, принадлежащій къ лучшимъ польскимъ писателямъ XVIII вѣка, составилъ названное сочиненіе о чудотворныхъ иконахъ не только по печатнымъ источникамъ, но и по сообщеннымъ ему отовсюду разными лицами свѣдѣніямъ. Онъ самъ собиралъ данныя по канцеляріямъ мѣстныхъ епископовъ. Авторъ этого сочиненія, столь компетентный въ нашемъ дѣлѣ, не слыхалъ даже, чтобы кто нибудь изъ католиковъ отъ давнихъ временъ до 1740 года считалъ икону Островоротной Богородицы чудотворною.

**) Протестанты въ XVI столѣтіи начали впервые распространять въ народѣ молитвенники и кантычки. Въ противодѣйствіе имъ, къ тому же средству прибѣгали и ксендзы и распространяли свои кантычки. Пѣсни, вошедшія въ составъ кантычекъ, по большей части, историческаго содержанія: въ нихъ поется про чудотворныя иконы и ихъ чудеса. Въ кантычкахъ не забыта ни одна изъ здѣшнихъ чудотворныхъ иконъ, кромѣ Островоротной; о ней нѣтъ и помину въ кантычкахъ напечатанныхъ до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

бывшаго виленскаго университета, іезуита А. Нарамовскаго *); *Исторію литовскаго народа*, сочиненія Ѳ. Нарбута; описаніе 94 генеральныхъ ревизій Островоротныхъ костела и монастыря съ 1627 года по 1788 годъ, произведенныхъ ксендзами присылаемыми изъ Рима; далѣе—нѣсколько десятковъ письменныхъ документовъ бывшихъ островоротныхъ кармелитовъ**), нѣсколько десятковъ духовныхъ календарей ***) съ разными замѣтками виленскихъ ксендзовъ, нѣсколько десятковъ проповѣдей, произнесенныхъ въ Островоротномъ (Св. Терезіи) костелѣ, и, наконецъ, не мало другихъ сочиненій. Всѣ эти сочиненія не могли бы обойдти молчаніемъ чудотворенія Островоротной иконы, еслибъ объ нихъ до того времени было говорено. Но намъ не удалось встрѣтить въ нихъ ни одного, хотя бы самаго слабаго, намека на признаваніе католиками этой иконы чудотворною до 1794 года.

Наконецъ, надо замѣтить и то многозначащее обстоятельство, что икона Островоротной Богородицы не коронована, согласно католическому обыкновенію. Въ 1630 году возникъ у католиковъ обычай надѣвать чудотворнымъ иконамъ короны, освѣщенныя самими папами и надѣленныя ими разными отпусками грѣховъ. Обрядъ этотъ называется *коронаціей* и считается признаніемъ данной иконы чудотворною со стороны непогрѣшимыхъ папъ. Коронація иконы совершается самымъ торжественнымъ образомъ, съ разными обрядами и церковными процессіями, которыя должны проходить чрезъ нѣсколько тріумфальныхъ воротъ, заранѣе устроенныхъ къ этому празднику.

---

*) Настоящее заглавіе: Facies rerum Sarmaticarum in facie Regni Poloniae, Magnique Ducatus Litvaniae. 2 тома. Вильна 1724 и 26 годовъ. Въ 1-мъ томѣ сего сочиненія находится особая глава о здѣшнихъ чудотворныхъ иконахъ и явленныхъ чудесахъ.

**) Здѣсь кстати замѣтить, что послѣ островоротныхъ кармелитовъ при ихъ бывшемъ костелѣ не осталось никакихъ бумагъ, какъ значится въ хроникѣ ксендза Залескаго, но въ настоящее время часть кармелитскаго архива (откуда взята—сказать положительно не можемъ) находится въ виленскомъ музеѣ. Сверхъ того, намъ удалось отыскать опись бывшаго кармелитскаго архива, изъ которой видно, что еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія взяты изъ подъ описи самые интереснѣйшіе документы островоротныхъ кармелитовъ.

***) Ксендзовскіе календари обыкновенно называются рубрицеллами.

Годовщина коронаціи празднуется ежегодно. Коронованныхъ такимъ образомъ иконъ считается въ самомъ Ватиканѣ 216,—въ остальномъ Римѣ 104, у насъ болѣе 21, и въ самой Вильнѣ—двѣ. Изъ сказаннаго ясно видно, что еслибъ икона Островоротной Богородицы, находящаяся въ главномъ городѣ здѣшняго края и на глазахъ у всѣхъ, была признаваема католиками прежде 1794 г. чудотворною, то оставить ее безъ *кронаціи* въ XVIII вѣкѣ не могли бы—ибо здѣшніе ксендзы имѣли въ эту эпоху особенное расположеніе совершать этотъ религіозный обрядъ надъ чудотворными иконами и съ 1717 по 1786 г. успѣли укороновать не *менње* 21 икону *).

Ксендзы объявили Островоротную икону чудотворною съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлали ее орудіемъ демонстрацій, направленныхъ противъ Россіи. Въ 1794 г., возстаніе поляковъ распространилось и въ западно-русскихъ областяхъ. Въ Вильнѣ поляки начали мятежъ, подъ предворительствомъ полковника Ясинскаго, съ рѣзни безоружныхъ. Въ ночь на 19-е апрѣля русскіе солдаты, бывшіе въ Вильнѣ, частію были перерѣзаны оружіемъ благословеннымъ ксендзами; частію предательски обезоружены и заперты въ костелѣ Казиміра съ своимъ командиромъ генераломъ Арсеньевымъ. Гетмана Коссаковскаго, противившагося такимъ низкимъ поступкамъ пановъ и ксендзовъ, обвинили въ измѣнѣ и повѣсили на рынкѣ. 7-го іюля русскія войска подъ начальствомъ Кнорринга и Зубова окружили крамольную Вильну, въ которой надъ импровизованнымъ гарнизономъ начальствовалъ Мейеръ. Зубовъ атаковалъ городъ съ предмѣстья Зарѣчья, а Кноррингъ со стороны Острыхъ воротъ. Два дня сряду продолжалаьь атака: Русскихъ убито 1,700 человѣкъ, въ томъ числѣ полковники Дѣевъ и Короваевъ **).

Изъ самой Острововотной часовни, чрезъ пять круглыхъ отверстій, которыя до того времени были заставлены алтаремъ (престоломъ), ксендзы стрѣляли въ русскихъ, и одинъ изъ нихъ, кармелитъ Цѣлица, убилъ Дѣева, когда онъ осматривалъ войска. Въ самыхъ Острыхъ воротахъ дѣйствовали тогда два орудія. 31-го іюля русскіе взяли Вильну ***). Вслѣдъ за тѣмъ

*) Кс. Ролевичъ.—Encyklopedya powszechna.
**) Korrespondent krajowy i zagraniczny (газета), Варшава того же 1794 г.
***) Тамъ же.

по третьему раздѣлу исчахшей въ крамолахъ Польши, Вильна сдѣлалась русскимъ городомъ.

Первый генералъ-губернаторъ князь Рѣпнинъ и вообще русская администрація въ Вильнѣ были введены панами и ксендзами въ заблужденіе. Не зная что въ Островоротной часовнѣ находится православная чудотворная икона Богородицы, они повѣрили полякамъ, что это главная католическая святыня города Вильны и всей Литвы, издревле будто бы пользующаяся особеннымъ уваженіемъ католиковъ. Въ 1795 году Рѣпнинъ не только подтвердилъ распоряженіе бывшей польской администраціи о недозволеніи торговать у Острыхъ воротъ, но даже, повѣривъ сказкѣ, будто бы въ Вильнѣ издревле существуетъ обычай, изъ уваженія къ великой католической святынѣ, ходить чрезъ Острыя ворота съ открытыми головами, подобно тому какъ это дѣлается въ Москвѣ въ Спасскихъ воротахъ,— приказалъ всѣмъ и каждому соблюдать этотъ обычай, будто бы освященный древностью *). Ксендзы съ своей стороны стали распускать слухи, будто русскіе были поражены во время приступа чудодѣйственною силой иконы и потому велѣли отдавать ей такое почтеніе. Понятно, какое впечатлѣніе производили подобные разказы.

Съ этого времени поляки стали почитать Острыя ворота и часовню какъ польскую твердыню, какъ политическій памятникъ.

Значеніе и богатство часовни расло. Во время мятежа приходскій костелъ св. Никодима и Іосифа **), находившійся вблизи, пришелъ въ совершенный упадокъ, и его прихожане, ли-

---

*) Документы Островоротныхъ кармелитовъ.

**) Бывшая православная церковь св. Георгія. Церковь св. Георгія построена св. Троицкимъ православнымъ братствомъ во второй половинѣ XV вѣка. Она была деревянная и приходская; при ней находилось братство отъ мѣстности получившее названіе росскаго. Церковь св. Георгія передана, въ 1664 году, уніатскимъ митрополитомъ Колендой іезуитамъ, которые устроили въ ней костелъ св. Никодима и Іосифа, падшій окончательно во время польскаго мятежа 1794 года. Потомъ поближе Острыхъ воротъ, воздвигнутъ новый костелъ только во имя одного св. Никодима, упраздненный за мятежъ 1831 года. Здѣсь кстати замѣтить, что послѣ упраздненія православной церкви св. Георгія, костелъ Пр. Богородицы снѣжной переименованъ въ костелъ св. Георгія.

лишившись своего костела, начали собираться при Островоротной часовнѣ. Мало того, около этаго времени палъ также и дѣвичій православный монастырь, а церковь его Благовѣщенія Пресв. Богородицы, обращенная въ приписную часовню при св. Духовской церкви, вскорѣ точно также пришла въ упадокъ. Такимъ образомъ всѣ чествовавшіе Пр. Богородицу волей-неволей принуждены были собираться на молитву при Островоротной часовнѣ. Доходы часовни, гдѣ ксендзы поставили, чего прежде не было, органъ, значительно увеличились *).

Въ 1812 году Островоротные монастырь, костелъ и часовня были обращены французами въ казармы; престолы (алтари) уничтожены, иконы, въ томъ числѣ и икона Островоротной Богородицы, во многомъ испорчены, все опустошено **).

Послѣ вѣнскаго конгресса, а еще болѣе послѣ изгнанія въ 1816 году іезуитовъ изъ Петербурга, въ краѣ начались приготовленія къ мятежу. Въ самой Вильнѣ возникло нѣсколько братствъ, съ тайною политическою цѣлію, какъ братство (т. е. общество) уличниковъ, филоматовъ, лучезарныхъ, филаретовъ и объединенія *). Братство уличниковъ (шубравцовъ) стремились къ тому, чтобы сблизить польскихъ пановъ-обывателей съ здѣшнимъ народонаселеніемъ, а главное, чтобъ уронить русское правительство и русскую народность. Предсѣдателемъ этого общества былъ извѣстный Андрей Снядецкій, родной братъ ректора виленскаго университа Ивана Снядецкаго. Для успѣшнѣйшаго достиженія польскихъ цѣлей уличниками издавался въ Вильнѣ политическій журналъ подъ названіемъ *Уличныя свѣдѣнія* (Brukowe wiadomości), съ 1817 по 1822 года, имѣвшія громадное вліяніе на поляковъ ****). Братство филоматовъ, образовавшееся въ исходѣ 1818 года, поставило своею цѣлью ополяченіе здѣшняго русскаго края посредствомъ сельскихъ училищъ. Основателемъ сего общества былъ Ѳома Занъ, прочими членами всѣмъ извѣстные поборники польщизны: Адамъ Мицкевичъ, Осипъ Ежовскій, Иванъ Чечотъ, Францъ Малевскій, Иванъ Верников-

---

*) Рапортъ ксендзовъ кармелитовъ-босыхъ о монастыряхъ съ 1804 года, за 103, находящійся въ виленскомъ музеѣ.

**) Виленскій Вѣстникъ.—Киркоръ: Przechadzki po Wilnie.

***) Рапортъ о лучезарныхъ и филаретовъ генерала Новосильцева отъ 13 мая 1824 года.—Relacya.

****) Ю. Бартошевичъ, Historya literatury polskiey, Варшава 1861 года.

скій, Эдуардъ Одынецъ, Александръ Ходзько и многіе другіе. Братство лучезарныхъ, основанное въ 1820 году, было нечто иное, какъ братство филоматовъ, предназначенное для студентовъ университета. Въ средѣ сихъ братствъ, основано тогда же новое общество, уже чисто-мятежное, подъ названіемъ Филаретовъ. Цѣлью Филаретовъ было *соединеніе общихъ силъ для возстановленія Польши въ границахъ 1772 г.*

Въ 1822 году закрытъ органъ уличниковъ; въ слѣдующемъ же 1823 году названныя виленскія общества упразднены, а многіе члены нхъ арестованы; слѣдствіе началось надъ ними генер. Новосильцевымъ. Въ это время образовалось новое политическое братство подъ названіемъ Объединенія. Братство Объединенія стремилось къ объединенію здѣшнихъ сословій, конечно, въ лонѣ католической вѣры, и для того они основали многочисленныя церковныя братства, вымышляли сподручныя чудеса католическихъ иконъ, явленныя исключительно полякамъ. и распускали на народѣ всяческіе слухи объ этихъ чудесахъ.

Не наше дѣло разсказывать, что именно сдѣлали вышесказанные политическія братства, основанныя въ сѣверо-западномъ краѣ; упомянемъ лишь, что мятежъ 1831 года и громадное развитіе польщизны въ здѣшнемъ русскомъ краѣ показываютъ, на сколько эти братства успѣли въ своихъ дѣйствіяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что до этого времени здѣшняя мелкопомѣстная шляхта и мѣщане не знали польской грамоты и говорили на своемъ родномъ русскомъ языкѣ.

Чтобъ усыпить русское правительство, братство Объединенія облеклось въ форму церковнаго братства, *духовнаго соучастія*, основаннаго кармелитомъ-босымъ Доминикомъ и утвержденнаго папой Григоріемъ XV, 27-го января 1623 года, Братство *духовнаго соучастія* весьма мало извѣстно въ католическомъ мірѣ; но за то, поляки, готовившіе мятежъ 1831 года, дали ему устройство по своему произволу и членовъ его обязали: 1) часто молиться другъ за друга; 2) *всячески* помогать другъ другу; 3) имѣть образокъ Богоматери Островоротной; 4) наконецъ исповѣдываться и причащаться *ежемѣсячно*, если нѣтъ возможности чаще. Членамъ братства Объединенія прощаются всѣ грѣхи: при поступленіи въ братство, при ежемѣсячной исповѣди и наконецъ при ихъ смерти.

Въ 1631 году, былъ заключенъ *союзъ* между краковскимъ университетомъ и монахами кармелитами-босыми, кармелит-

ская часовня св. Михаила и Іосифа въ Краковѣ признана университетской и при ней введено братство *духовнаго соучастія*, переименованное тогда въ Унію, Объединеніе. *Союзъ* въ 1635 году утвержденъ папой Урбаномъ VIII, братчикамъ дарованы весьма многіе отпущенія грѣховъ. Августа 15 дня, тогоже 1635 года братчики на совѣтѣ порѣшили просить кармелитовъ составить имъ уставъ, что и было сдѣлано. Число братчиковъ вскорѣ весьма увеличилось; студенты, профессора и польскіе паны приняли въ немъ самое горячее участіе. Члены братства Объединенія только то и дѣлали, что пропагандтровали латинство; не принадлежащихъ же къ польской націи и къ католической вѣрѣ ругали, колотили, а подъ часъ и топили въ рѣкѣ Вислѣ. Слѣдствіемъ сихъ постоянныхъ безпорядковъ, вредныхъ всякому благоустроенному государству, было то, что по ходатайству краковскаго университета 10 октября 1786 года, костельное братство Объединенія въ Краковѣ упразднено, въ часовнѣ же братской устроенъ университетскій театръ *). Это братство, упраздненное въ Краковѣ, въ 1823 году введено при Островоротной часовнѣ.

Самое важное дѣло братства Объединенія въ Вильнѣ состояло въ обращеніи Островоротной иконы и часовни въ орудіе для разжиганія политическихъ страстей, для возбужденія ненависти къ русскимъ. Предъ нею совершались уличныя молебствія, и проповѣди ксендзовъ искусно подготовляли мятежъ.

Въ 1823 году въ Вильнѣ вышло не разъ упомянутое нами сочиненіе подъ заглавіемъ: *Реляція о чудотворной иконѣ Богоматери, которая въ городѣ Вильнѣ на Острыхъ воротахъ*. Въ этой реляціи находится сказочная исторія объ Островоротной иконѣ и ея чудесахъ; затѣмъ помѣщены разныя молитвы и пѣсни, относящіяся къ Островоротной иконѣ, и въ заключеніе длинное поученіе о братствѣ Объединенія.

Продажа *Реляціи* пошла весьма успѣшно. Для вящшаго успѣха народу раздавали ее и даромъ. Понятно, что желающихъ принадлежать къ братству Объединенія нашлось весьма много. Островоротные кармелиты обзавелись хоромъ, который по субботамъ и праздникамъ Богоматери пѣлъ въ Островоротной часовнѣ, или среди улицы; толпы народа собирались сюда,

*) Unio philadelphica, Краковъ 1760 г.—О. Мучковскій: Bractwa jezuickie akademickie, Краковъ 1845 г.

кто на молитвы, кто изъ любопытства. Насталъ юбилей 1826 года *), праздникъ продолжавшійся цѣлый годъ. За это время побывали въ Вильнѣ многія тысячи разнаго народа и возвращались изъ Вильны съ юбилея непремѣнно съ *Реляціей*, такъ-какъ ксендзы, поляки, студенты виленскаго университета и воспитанники виленской р.-католической духовной академіи усиленнѣйшимъ образомъ трудились надъ убѣжденіями народа по части Островоротныхъ католическихъ чудесъ.

Реляція, празднованіе юбилея и учрежденіе братства Объединенія повели къ распространенію славы древней, будто бы католической иконы Островоротной Богородицы и чудесъ, явленныхъ отъ нея исключительно католикамъ. Въ 1829 году, часовню украсили великолѣпно, ликъ Островоротной Богородицы очистили, причемъ онъ подновленъ извѣстнымъ польскимъ живописцемъ Канутомъ Русецкимъ **). Говорятъ, что когда сняли съ иконы ризу, то на ней находилась славянская надпись: „Честнѣйшую Херувимъ.“ Икона писана въ византійско-русскомъ стилѣ ***). Въ 1830 году одна изъ католическихъ дамъ построила вдоль Островоротной улицы, вблизи часовни, галлерею, чтобы, не сообщаясь съ простымъ народомъ, молиться Богу ****).

Положительно доказано, что на мятежъ 1831 года въ Вильнѣ собирались деньги по преимуществу въ Островоротной часовнѣ, и въ самое возстаніе пѣлись въ ней революціонные гимны; то же было предъ мятежемъ 1863 года. За преступленія 1831 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе отъ 1832 года о передачѣ 190 костеловъ въ томъ числѣ и Островоротнаго костела и монастыря православному духовенству. Но Островоротный костелъ и древняя православная икона до сихъ поръ остаются въ рукахъ р.-католиковъ. Польская партія перетолковала Высочайшее повелѣніе, въ которомъ повелѣвалось передать *Виленскій* костелъ кармелитовъ-босыхъ православному духовенству и на мѣсто настоящаго *Виленскаго* костела св. *Терезіи* или что тоже Островоротнаго, назначила къ передачѣ кармелитскую часовню, находящуюся за рѣкой Виліей, назвавъ ее костеломъ св. Терезіи. Скажемъ нѣсколько словъ и объ этой часовнѣ.

*) О „сорокочасовомъ богослуженіи.“ Совр. Лѣт. 1866 г., № 38.
**) Киркоръ.
***) Крашевскій.—Кс. Ролевичъ.—Коротинскій.
****) Крашевскій.

О благосостояніи островоротныхъ кармелитовъ заботились болѣе другихъ Огинскіе. Витебскій воевода, Марціанъ Огинскій и жена его Ѳекла, въ 1702 году, послѣ выхода изъ Вильны шведскихъ войскъ и упадка іезуитскаго костела св. Варвары (бывшая православная церковь св. Варвары), находящагося въ предмѣстьи Рыбакахъ, подарили Островоротнымъ кармелитамъ домъ и другія хозяйственныя строенія, на правомъ берегу рѣки Виліи, на томъ же предмѣстьи. Тамъ былъ устроенъ каменный небольшой костелъ св. Іосифа. Этотъ-то *Завилейскій* костелъ св. *Іосифа* назначили къ передачѣ православному духовенству, вмѣсто *Виленскаго*, т. е. Островоротнаго костела св. *Терезіи*. Дѣло о передачѣ длилось два года и православное духовенство отказалось принять сказанный костелъ св. Іосифа; потому она вмѣстѣ со своимъ фундушемъ досталась гражданскому вѣдомству. Вмѣсто часовни въ настоящее время стоитъ одна колокольня *).

Вслѣдствіе секуляризаціи въ 1842 году духовныхъ имѣній въ западномъ краѣ, Островоротный монастырь кармелитовъ босыхъ существовать дольше не могъ и, въ 1844 году переданъ православному духовенству, а костелъ ихъ отданъ ксендзамъ. Благодаря этому обстоятельству, церковная печать, на которой до тѣхъ поръ было изображеніе св. Терезіи, замѣнена ксендзами новою, съ изображеніемъ Островоротной Богородицы; костелъ же св. Терезіи переименованъ въ костелъ Богородицы Островоротной. Въ это же время сдѣланъ входъ въ часовню съ улицы, открытый для всѣхъ, и при костелѣ образованъ впервые и приходъ **).

Въ 1853 году (начало крымской компаніи) въ Вильнѣ составлены три польскіе молитвенника, посвященные Острымъ воротамъ; они изданы въ Парижѣ виленскимъ жителемъ М. В. Молитвенники эти появились въ продажѣ въ Вильнѣ лишь послѣ выѣзда изъ сего города И. Г. Бибикова, и состав-

---

*) Raport o klasztorach XX. Karmelitow-Bosych, съ 1804 года за № 103.—Документы тѣхъ же.— Дѣло объ упраздненіи костеловъ по виленской губерніи съ 1832 по 1835 годъ.—Wizerunki.— Крашевскій т. II.

*) Хроника ксендза Залескаго съ 1849 года, о которой выше говорено. Въ это же время построены виленскимъ генералъ-губернаторомъ Мирковичемъ св. Духовскія ворота, находящіяся возлѣ Островоротнаго костела и принадлежащія св. Духовской православной церкви.

лены такъ, что на нихъ стоитъ остановиться съ нѣкоторою подробностію.

Одинъ изъ сихъ молитвенниковъ носитъ названіе: *„Островоротный олтарикъ, составленный каноникомъ ксендзомъ Л. Г.“* Этотъ островоротный молитвенникъ называется обыкновенно *большимъ*; въ немъ 1068 страницъ печати и 24 гравюры, копіи иконъ прославившихся въ польской исторіи. Вообще молитвенникъ изданъ изящно, и кромѣ молитвъ, заключаетъ въ себѣ, составленныя Крашевскимъ и Владиславомъ Сырокомлею, — хронику островоротной часовни и иконы и опись чудесамъ, ею явленнымъ. Молитвы олтарика раздѣляются на посвященныя исключительно Островоротной иконѣ и на молитвы святымъ, прославившимся въ польской исторіи. Молитвы эти такъ ловко составлены ксендзомъ Л. Г., что незамѣтнымъ образомъ знакомятъ васъ съ польскою исторіей. Кромѣ того, въ молитвенникѣ находится литанія Св. Казиміру, сочиненная въ Вильнѣ іезуитами. Въ этой литаніи находятся слѣдующія слова: «Св. Казиміръ, побѣдитель враговъ моли Бога о насъ *). Съ 1794 года этой литніи въ большей части молитвенниковъ нѣтъ; а если въ нѣкоторыхъ и встрѣчается, то съ пропускомъ приведеннаго во-гласа. Между тѣмъ, въ молитвенникѣ *большемъ* находится и литанія св. Казиміру и сказанный возгласъ: «Св. Казиміръ, *побѣдитель враговъ*, моли Бога за насъ.»

Другой островоротной молитвенникъ, изданный М. В., называется *Богослуженіе Островоротной Богородицѣ*. Въ немъ страницъ 558 и 12 гравюръ. Въ этомъ молитвенникѣ, въ числѣ прочаго, помѣщенъ революціонный гимнъ, которой пѣли при Островоротной часовнѣ во время польскаго мятежа

---

*) Въ жизнеописаніяхъ Казиміра, распространенныхъ въ средѣ здѣшняго народа, говорится, будто Казиміръ, умершій въ 1484 г., прибылъ въ 1518 году къ польскимъ войскамъ, стоявщимъ лагеремъ близь Полоцка, перевелъ ихъ чрезъ рѣку Двину и разбилъ русскія войска, сидя на бѣлой лошади. Подобнымъ образомъ и на слѣдующій годъ, предводительствуя 6,000 польскихъ жолнеровъ, тотъ же Казиміръ будто бы разбилъ въ пухъ и прахъ 60,000 русскихъ солдатъ. Такъ повѣствуетъ, напримѣръ, извѣстный іезуитъ Петръ Скарга, котораго *Житія Святыхъ*, въ истекшемъ году опять появились въ продажѣ. Судя по этому, подъ словомъ враговъ, должно разумѣть *москалей*.

1831 года. Гимнъ, напечатанный въ молитвенникѣ, значительно смягченъ и начинается словами: «Марія святая! Мать избавленія! Вотъ предъ тобою народъ Твой въ печали...“

Третій молитвенникъ—*Островоротный олтарикъ меньшой*. Въ немъ 548 страницъ и 12 гравюръ; онъ точно также изданъ въ Парижѣ, но годъ его изданія, подобно тому какъ и выше сказанныхъ молитвенниковъ, не показанъ. Въ немъ также встрѣчаемъ и хронику Островоротной иконы и часовни, и литанію св. Казиміру со словами: „побѣдитель враговъ моли Бога за насъ.“ Наконецъ въ немъ находятся молитвы, посвященныя статуѣ Спасителя, находящейся на предмѣстьи Вильны *Снипишкахъ* и игравшей очень важную роль въ мятежныхъ демонстраціяхъ 1861 г. *)

Казалось бы, достаточно было трехъ молитвенниковъ посвященныхъ Острымъ воротамъ; но въ началѣ 1860 года появился еще четвертый, изданный притомъ въ Вильнѣ. Его заглавіе слѣдующее: *Олтарикъ Островоротной Богородицы, составленный ксендзомъ I. Менуе.* Страницъ 604.

И въ молитвенникѣ ксендза Менуе точно также находится ложная хроника Острыхъ воротъ; далѣе—топографическое описаніе ихъ, похвалы островоротному настоятелю ксендзу Залевскому и тенденціозное описаніе чудесъ, явленныхъ въ Острыхъ воротахъ; кромѣ того, помѣщенъ гимнъ, составленный Габріелой Пузыниной по случаю Высочайшаго повелѣнія 1832 года о передачѣ Островоротнаго костела, слѣдовательно и часовня православному духовенству. Въ гимнѣ говорится, что уже не разъ при Острыхъ воротахъ поражены враги поляковъ и католицизма; поэтому „да повторится и въ настоящее время точно то же чудо“. Наконецъ въ этомъ молитвенникѣ находится любопытный уставъ Островоротнаго политическаго *братства Обьединенія.* Выше мы имѣли случай говорить о братствѣ *Обьединенія* и о томъ, что ему дали видъ церковнаго братства *Духовное соучастіе.* Уставъ этотъ, какъ онъ напечатанъ въ молитвенникѣ ксендза Менуе, заключается въ слѣдующемъ: Братчики должны ежедневно бывать у Острыхъ воротъ, привлекать туда же и другихъ, проходя черезъ Острыя ворота снимать шапку, объ Остробрамѣ на сколько силъ хватитъ писать, равно какъ читать и слушать что объ ней пишутъ и го-

*) Chrześcianin u stop cudownéj statui P. Jezusa na Snipiszkach w Wilnie, соч. кс. Менуе, Вильна 1860.

ворятъ ксендзы и поляки, ежемѣсячно исповѣдываться, принимать участіе въ Острobрамскихъ богослуженіяхъ, процессіяхъ, слушать проповѣди, изображеніе Остробрамской иконы имѣть у себя дома, бывать у Остробрамскихъ обѣдней, жертвовать на пользу костеловъ, часовень и алтарей, путешествовать по чудотворнымъ мѣстамъ и разнымъ костеламъ, всему разсказывать объ Остробрамѣ, участвовать въ разныхъ братствахъ, преимущественно же въ Островоротномъ братствѣ *Объединенія*, носить на шеѣ медалики, образки, но болѣе всего эмблемы братствъ. Эмблема братства — медаликъ Остробрамской Богородицы, носимый на шеѣ на металической цѣпи, означающей, что подобно кольцамъ въ цѣпи должны держаться другъ друга и братчики *).

Остробрамскимъ братчикамъ прощаются грѣхи: говорящимъ при встрѣчѣ съ другими, (вмѣсто русскаго *здравствуйте*) niech będzie pochwalony Jezus Chrystus, равно какъ и отвѣчающимъ: na wieki, Amen—каждый разъ за 100 дней; тѣмъ, кто назоветъ съ благочестіемъ имя Остробрамской Богородицы, за 25 дней;—участвующимъ въ утреннихъ богослуженіяхъ за 300 дней;—въ вечернихъ т. е. когда поютъ Литанію, за 200 дней;—участвующимъ въ богослуженіяхъ: во время праздника Успенія Пр. Богородицы, во вторники послѣ Пасхи и Троицына дня, на третій день послѣ Рождества Христова, и въ праздникъ св. Катерины за 7 лѣтъ;—тому кто зайдетъ въ Остробраму съ благочестивою цѣлью, каждый разъ за 60 дней; участвующимъ въ Остробрамскихъ богослуженіяхъ въ праздники безпорочнаго Зачатія, Покрова Пр. Богородицы, сорокачасоваго богослуженія, при вступленіи въ число братчиковъ, при ежемѣсячной исповѣди и наконецъ при смерти братчикамъ прощаются всѣ грѣхи **). Здѣсь кстати замѣтить, что папскими отпустами воспользоваться нельзя иначе, какъ необходимо каждый разъ молиться (достаточно прочесть 5 разъ молитву: *Отче нашъ* и столько же *Богородице Дѣво радуйся*), съ цѣлью дабы Богъ далъ побѣду католикамъ, а напротивъ, искоренилъ бы тѣхъ, кто римско-

*) Уставъ Островоротнаго братства Объединенія въ молитвенникѣ названъ: Sposób służenia N. Maryi Pannie.

**) Профессоръ краковскаго университета Осипъ Мучковскій, Bractwa.—Relacya.

католической вѣры не исповѣдуетъ (какими въ Россіи православные) *).

Чтобы завлечь въ братство, буде окажется возможнымъ, и православныхъ, ксендзы обязали братчиковъ *Объединенія* произносить символъ вѣры не тотъ, который обыкновенно принятъ у католиковъ, но никейско—константинопольскій, принятый по преимуществу въ православной церкви; но къ этому символу, ксендзы отъ себя дали приставку, которая чрезвычайно рельефно показываетъ цѣль не только братства, но и здѣшняго ополяченнаго католицизма, такъ какъ символъ, обезображенный приставкой, названъ просто *символомъ вѣры;* значитъ обязателенъ для всѣхъ, кто исповѣдуетъ Христіанство. Вотъ приставка.

«Я вѣрую, что папа получилъ отъ Іисуса Христа власть давать отпусты, и что эти отпущенія грѣховъ, на самомъ дѣлѣ, очень полезны душѣ. Я подъ присягой обѣщаю безъусловно повиноваться римскому папѣ. Ни минуты не колеблясь, я согласенъ на все, что опредѣлено каноническимъ правомъ и постановленіями соборовъ, въ особенности Тридентскимъ. Я также съ своей стороны осуждаю и предаю анаѳемѣ и проклятію всѣ тѣ мнѣнія и вѣры, которыя осуждены и преданы проклятію папами. Всѣми силами я буду держаться католической вѣры, твердо и ненарушимо; ибо безъ нея нѣтъ спасенія души. Я буду *поучать, проповѣдывать и неотступно требовать,* чтобы, равнымъ образомъ, держались той же католической вѣры, и (*мои крѣпостныя*) *и всѣ прочія лица, какимъ-нибудь образомъ отъ меня зависящія.* Я тотъ же N. обѣщаю, даю обѣтъ и принимаю присягу исполнить все вышеизложенное; да поможетъ мнѣ Господь Богъ и Св. Евангеліе. Аминъ.»

Вотъ какая присяга находится въ молитвенникѣ, изданномъ въ 1860 году въ Вильнѣ и находящемся у насъ по настоящее время въ продажѣ **), присяга, исполненная пропаганды и которую произносить островоротные братчики *Объединенія* обязаны дважды въ годъ, если не чаще. Молитвенники островоротные

---

*) Такъ папы и богословы. Принять слѣдующій терминъ: «Si pro s. Matre Ecclesiae exaltatione et necssitatibus, achaeresum extirpatione, pios ad Deum prececs funderint.

**) Второе изданіе сдѣлано въ 1861 году. См. Kuryer Wileń. того же года.

продавались всюду и притомъ по неимовѣрно дешевной цѣнѣ, да и теперь продаются. Чтобы дать понятіе о средствахъ, какими распространялись эти книги, приведемъ слѣдующее указаніе. Въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*, въ декабрѣ 1861 года *) была напечатана весьма знаменательная статья извѣстнаго Владислава Сырокомли, подъ заглавіемъ: *Коробейщики въ Литвѣ, коробейщики въ Англіи, 'очень желательно подобныхъ коробейщиковъ образовать и у насъ.* Авторъ этой статьи, примѣрами Англіи и другихъ странъ, приглашалъ желающихъ брать на плечи коробки, наполненныя польскими книгами, медальками, братскими эмблемами и Островоротными молитвенниками, и отправляться по деревнямъ и селамъ ради большаго распространенія ихъ. Сырокомля такъ оканчиваетъ свою статью: „Въ настоящее время **) необходимость просвѣщать народъ весьма *настоятельна*... Опять повторяемъ вамъ: книги хорошія и книги дешевыя намъ необходимы, равно какъ и необходимы, коробейщики, чтобъ ихъ разносить по деревнямъ и селамъ.“

Послѣ сего призыва, польскіе агитаторы то и дѣло пускались съ коробками по деревнямъ продавать польскія книги, братскія эмблемы и Островоротные молитвенники и этимъ подготовлять народъ къ мятежу.

Въ 1858 г. возлѣ Острыхъ воротъ основано училище подъ названіемъ *Рукодѣльная школа Островоротной Богородицы въ Вильнѣ*“. Островоротная школа была женская, и въ нее принимались не только дѣти, но даже и старыя женщины разныхъ вѣроисповѣданій. Лица, принадлежавшія къ сей школѣ, ходили ежедневно въ Острыя ворота и участвовачи въ уличныхъ богослуженіяхъ, дома обучались польской грамотѣ и польской исторіи. Словомъ, Островоротная школа, ни болѣе, не менѣе, какъ коллегія de propagande fide, гдѣ воспитывались будущіе агитаторы польщизны и притомъ изъ среды женщинъ, которыя въ здѣшнемъ краѣ, какъ всѣмъ извѣстно, заправляютъ всѣми дѣлами. Школа была очень многолюдна.

Въ 1860 году при Острыхъ воротахъ основана такъ называемая *Лавка нищихъ*. Въ лавкѣ нищихъ продавались по очень дешевой цѣнѣ медалики, эмблемы разныхъ братствъ, образки,

---

*) №№ 94 и 95 отъ 1-го и 5-го декабря 1861 г.

**) Это было 5-го декабря 1861 г., и здѣшній край уже былъ на военномъ положеніи.

польскія простонародныя книги *), польскіе молитвенники, особенно Островоротные. При лавкѣ находился и трактиръ, гдѣ нищіе получали столъ, на что были обращаемы деньги вырученныя на польскія книги и братскія эмблемы. За то, какъ только настали мятежныя демонстраціи, то дѣти изъ рукодѣльной школы, и нищіе получающіе въ трактирѣ пищу были, посылаемы по городу приглашать народъ въ Острыя ворота пѣть революціонныя гимны и участвовать въ демонстраціяхъ, направленныхъ противъ Россіи, какъ увидимъ**).

Что касается самой Островоротной часовни, то она въ 1857 г. отдѣлана великолѣпно, наружная сторона передней стѣны окрашена голубцомъ, а внутреннія стѣны свѣтло-зеленою краской, матерія на церковную одежду выписана изъ Франціи. Заведенъ былъ постоянный хоръ. Толпы народа собирались ежедневно къ Острымъ воротамъ слушать пѣніе и музыку. Въ это же время польская партія, по своему обыкновенію, дабы заставить русскихъ молчать и не мѣшать ксендзамъ, распускала слухи, будто на украшеніе Островоротной часовни отпущены деньги изъ государственнаго казначейства. Въ 1858 и 1859 годахъ повторялись тѣ же собранія народа при Островоротной часовнѣ, съ каждымъ днемъ все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Пани и паненки отовсюду пріѣзжали въ Вильну на поклоненіе, будто бы изстари католической, чудотворной иконѣ Островоротной Богородицы, распѣвали предъ нею сначала духовные, а потомъ революціонные гимны. Съ половины мая 1861 г. начались въ Вильнѣ политическія демонстраціи, и Ост-

*) Здѣсь кстати замѣтить то, что польская простонародная письменность весьма богата, какъ количествомъ, такъ равно и качествомъ изданій. Съ 1834 до конца 1863 года печаталось для простонародія нѣсколько польскихъ газетъ и журналовъ отъ одного до двухъ листовъ еженедѣльно. Болѣе всѣхъ были распространяемы и поддерживали польщизну журналы «Крестьянинъ» и «Воскресное чтеніе.» Кромѣ того, простонародныя книги (брошюры) были распространяемы массами въ средѣ здѣшняго народа, по преимуществу же сочиненія ксендза Антоневича, Григоровича, Гревы, Эстковскаго, Яховича, Ломпы, Осмянскаго, Шмида, Веселовскаго и др. Между тѣмъ, мы замѣтимъ мимоходомъ, до сихъ поръ не рѣшаемся приступить къ изданію русской народной газеты, Высочайшее повелѣніе о которой состоялось еще въ январѣ 1863 года.

**) Островоротная школа теперь не существуетъ.

роворотная часовня сдѣлалась главнымъ ихъ притономъ. Здѣсь пѣлись революціонные гимны съ половины мая до 20-го іюня въ концѣ богослуженія, съ 20-го іюня по 1-е іюля при зажженыхъ свѣчахъ, при чемъ ксендзы были въ полномъ облаченіи, а наконецъ съ 1-го іюля по 16-е декабря революціонныя польскія демонстраціи предъ Островоротною иконой происходили просто на улицѣ. Іюля 31-го собралось здѣсь болѣе пяти тысячъ народа. Пользуясь этимъ многолюдствомъ, польскіе агитаторы предложили толпѣ отправиться за городъ, на болѣе свободное мѣсто, именно на Бельмонты, гдѣ польскіе аристократки танцовали съ пьяными виленскими сапожниками, въ знакъ единства и равенства. Августа 4-го собралось при Островоротной часовнѣ тысячи три народа; снова агитаторы пригласили ихъ идти съ роволюціонными гимнами за городъ, на Снипишки, къ статуѣ Спасителя; тамъ долго пѣли революціонные гимны, бесѣдовали на счетъ возстановленія Польши и ругали правительство. Августа 6-го собралось слишкомъ двѣ тысячи народа и ихъ научили отправиться на Погулянку, но русскіе солдаты не пустили, и толпа возвратились въ Острыя ворота въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ. Августа 14-го ксендзъ въ Островоротномъ костелѣ, въ своей проповѣди, весьма краснорѣчиво приглашалъ не переставать пѣть революціонные гимны. *

Въ 1862 году, когда по преимуществу собирались деньги на предстоявшій мятежъ, въ Островоротной часовнѣ находилось неимовѣрное число разныхъ золотыхъ и серебяныхъ приношеній (офяръ); изъ приношеній сдѣланы четыре колонны, находящіяся возлѣ престола. ** Все ли это въ цѣлости въ Островоротной часовнѣ, или же много пошло до лясу, мы положительно сказать не можемъ, а говорятъ разно; тѣмъ болѣе, что поляки нерѣдко замѣшивали свои иконы въ мятежъ. Передъ мятежемъ 1831 года, короны бердичевской Богородицы и Спасителя, чрезвычайно дорогія, пропали безъ вѣсти, въ концѣ тридцатыхъ годовъ опять нашлись; около 1847 г. опять пропали; въ концѣ крымской компаніи сдѣланы новыя ***). Не знаемъ, что случи-

---

*) Дѣло о политическихъ демонстраціяхъ въ виленской губерніи 1861 года. С. Сѣраковскій соч. Цылова, Вильна 1867 г.

**) Przewodnik po Wilnie, соч. Киркора. Вильна, 1862 г.

***) Кс. Ролевичъ.

лось съ ними въ 1863 г.; нѣтъ никакихъ данныхъ сомнѣваться, что подобная пропажа офяръ могла бы случиться и въ Островоротной часовнѣ. Зная о политическомъ значеніи этой часовни, графъ Муравьевъ намѣренъ былъ передать Островоротную икону православному духовенству, а часовню упразднить, но ловко распущенный слухъ, будто упраздненіе Островоротной часовни непремѣнно возбудитъ народное негодованіе, былъ причиной того, что дѣло не состоялось.

Но опасенія едва ли были справедливы: Островоротная часовная и уличныя богослуженія въ почетѣ не у народа, а у ксендзовъ и польскихъ пановъ; это часовня панская, а не народная.

Мы убѣждены, что не только правительство, но даже и большинство католиковъ здѣшняго края не знали объ Остробрамскихъ злоупотребленіяхъ; слѣдовательно, если они и принимали въ нихъ невольное участіе, то это происходило просто на просто отъ того, что были введены въ заблужденіе поляками. Словомъ, польщизна лишена силы *возстановленія*, но за то въ состояніи всемъ и всему привить язву *разложенія*.

И. Козловскій.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ ФИЛАРЕТЪ, МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ И КОЛОМЕНСКІЙ.

(Матеріалы для очерки его жизни и ученой дѣятельности).

Великіе люди наши отходятъ отъ насъ, одинъ за другимъ... Вотъ ужъ нѣсколько десятковъ лѣтъ мы то и дѣло опускаемъ въ могилу дорогія всѣмъ намъ лица. Скоро, кажется, вся слава нашего вѣка перейдетъ въ минувшее, намъ останутся одни воспоминанія. Грустно!... Но есть обстоятельство еще грустнѣе. Великіе люди отходятъ оставляя

намъ богатое наслѣдіе, а мы?... Поражаемые ихъ внезапной кончиной, мы горюемъ и плачемъ въ первые дни ихъ утраты но, Боже мой! гдѣ прочные, *фактическіе* слѣды нашего уваженія къ нимъ? и долго-ли длится наша живая, почтительная память о нихъ? Чуть только могила сокроетъ въ себѣ дорогіе останки, мы говоримъ уже: «пора привыкнуть къ великой потерѣ!» Затѣмъ вихрь житейскій уноситъ насъ далѣе и далѣе, и тонетъ въ немъ не только горе наше, но мало по малу и всякое воспоминаніе объ отшедшей славѣ. И великая жизнь какъ часто уходитъ отъ насъ, не оставляя по себѣ въ нашей памяти ни цѣльнаго образа, ни существенныхъ очертаній. Гдѣ напр. наши свѣдѣнія объ Евгеніѣ, Иннокентіѣ, Филаретѣ Черниговскомъ?... А вѣдь было время, мы тяжко скорбѣли надъ ихъ гробами, и что же?.. Явилась одна-другая горячая статья,—и кончено дѣло. А затѣмъ ни слова ни думы!... Такъ ли нужно уплачивать долгъ нашъ избранникамъ Божіимъ? Что сдѣлали *они* для насъ? И что *мы* сдѣлали для нихъ?.. Отчего же это нѣтъ у насъ изслѣдованій о великихъ людяхъ? Отчего это равнодушіе и забвеніе скорое? Отчего эта лѣность заматерѣвшая? Печальное, необъяснимое явленіе!

Больно было-бы думать, что подобное отношеніе наше падетъ на долю недавно почившаго высокопреосв. Филарета. О нѣтъ! память о немъ должна пережить много поколѣній. Съ полнымъ убѣжденіемъ повторяемъ справедливыя слова о немъ »Моск. Вѣдомостей»: Это былъ великій умъ, какихъ во всякую эпоху и во всякой странѣ бываетъ немного. Личность его—неистощимый предметъ изученія, которое не преминетъ внести новыя силы въ наше сознаніе, въ наше просвѣщеніе. Какъ же не пожелать отъ всего сердца, чтобы прошедшая жизнь великаго ума, за всѣмъ слѣдившаго, на все отзывавшагося и во всемъ принимавшаго участіе, поскорѣе раскрылась въ правдивомъ словѣ, для созерцающей мысли и разумѣнія! Мы слышимъ, что біографіей почившаго владыки уже нѣсколько лѣтъ съ любовію занимается Н. В. Сушковъ; мы знаемъ, какъ сердечно-близокъ былъ святителю извѣстный жизнеописатель нашъ А. Н. Муравьевъ; знаемъ, что у самаго источника свѣдѣній о немъ находится историкъ московской академіи и троицкой семинаріи: отъ нихъ и другихъ дѣятелей, стоявшихъ въ виду святителя, ждемъ мы драгоцѣнныхъ, достойныхъ очерковъ его жизни. Уваже-

ніе къ почившему святителю давно уже сдѣлалось естественнымъ и завѣтнымъ чувствомъ у всякаго, кто имѣлъ радость читать безсмертныя творенія богомудраго архипастыря; легко понять, что за пищу, что за силу получитъ оно въ подробномъ разсказѣ о его свѣтоносной, многоплодной жизни!

Съ своей стороны, подъ вліяніемъ скорби о его незамѣнимой утратѣ, мы собираемъ въ настоящемъ очеркѣ все, что уже было сказано о славномъ архипастырѣ, въ разное время, во многихъ отдѣльныхъ изданіяхъ. »*Усердіе невозбранно*» сказалъ однажды усопшій владыка. И видитъ Богъ, какъ пламенно желали бы мы, трудомъ болѣе достойнымъ принести дань памяти святителя, который, по недосягаемой несравнимой величости своего значенія, пріобрѣлъ всѣ права на всеобщее, глубоко-благоговѣйное вниманіе. Но, богатые желаніями, мы ограничены и своими силами, и своими источниками, и предѣлами предлежащаго изданія. Въ настоящій разъ, насъ, какъ дѣятелей школы и служителей роднаго слова, занимаетъ исключительно *учебная и литературная* дѣятельность преосв. Филарета. И вотъ, хоть неискусной рукою, но внимательнымъ сердцемъ, собираемъ въ одно цѣлое разсѣянныя во многихъ мѣстахъ отрывочныя свѣдѣнія о ней. Имѣя въ виду преимущественно духовныхъ читателей, мы, безъ всякихъ притязаній на полноту или оригинальность, просто передаемъ то, что прочли, сводимъ вмѣстѣ то, что не всякому удобно вспомнить и даже имѣть подъ рукою: собранное вмѣстѣ, оно ярче освѣжится въ памяти и яснѣе предстанетъ предъ нами дорогой образъ почившаго.

I.

Святитель московскій Филаретъ родился въ 1782 году, во второй день праздника Рожд. Христова, въ г. Коломнѣ и получилъ при св. крещеніи имя Василія. Отецъ его, Михаилъ Ѳедоровичъ Дроздовъ, былъ протоіереемъ каѳедральнаго Успенскаго собора въ томъ же городѣ. Въ домашнемъ кругу на отрока Филарета особенно благодѣтельно было вліяніе доброй, христіански-благочестивой и свѣтлымъ умомъ одаренной матери; такимъ образомъ изъ домашняго воспитанія онъ вынесъ прекрасный залогъ будущей свѣтлой дѣятельности: это—чистое, духомъ искрен-

няго благочестія проникнутое сердце. Признательно помнилъ это впослѣдствіи великій святитель, и «доброе семейство благочестиваго служителя алтаря Господня всегда почиталъ онъ незамѣнимою школой для посвящающихъ себя духовному служенію». Василій Михайловичъ учился сперва въ коломенской семинаріи, а когда семинарія эта была упразднена, онъ въ 1798 г. подалъ просьбу митрополиту Платону о принятіи его въ Троицкую семинарію; по испытаніи, онъ записанъ былъ въ философскій классъ, гдѣ не могъ не обратить на себя вниманія отличными своими дарованіями и быстрыми успѣхами въ наукахъ. Тогдашнія училища духовныя, даже лучшія, были небогаты средствами къ развитію необыкновенныхъ дарованій юноши; Господь Самъ, Своими путями, довершилъ его образованіе. Въ 1803 г. мы уже видимъ его учителемъ греческаго и еврейскаго языковъ въ той же семинаріи, которая дала ему окончательное образованіе. »Первыя учебныя должности, какія возложены были на него начальствомъ, способствовали приготовленію въ немъ богомудраго богослова и церковнаго витіи. Преподаваніе двухъ священныхъ языковъ Библіи познакомило его съ коренными источниками христіанскаго вѣроученія и съ писаніями богопросвѣщенныхъ отцовъ греческихъ. Творенія св. Григорія Богослова своимъ глубокомысліемъ особенно были угодны его духу и съ такою любовію были имъ изучаемы, что нѣкоторыя стихотворенія Григорія, на греческомъ языкѣ, сохранились у него въ свѣжей памяти до позднихъ лѣтъ жизни. Высокія дарованія молодаго наставника и особенно его церковныя проповѣди скоро обратили на него самое доброе и почтительное вниманіе маститаго архипастыря Москвы». (*) Въ 1806 г. онъ былъ опредѣленъ въ званіе проповѣдника, при Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ, и въ этомъ же году мы встрѣчаемъ первое, появившееся въ печати, его произведеніе; это было «*Слово на день торжества освобожденія обители преподобнаго Сергія отъ нашествія враговъ* (отъ осады поляко—литовцами), *говоренное 1806 года, января 12, греческаго и еврейскаго*

(*) Моск. Вѣдом. 1867 № 260, слова протоіерея А. В. Горскаго.

языковъ учителемъ Василіемъ Дроздовымъ. На оборотѣ заглавнаго листа напечатано слѣдующее одобреніе: *»Я сіе сочиненіе читалъ и ничего въ немъ не нахожу къ печатанію сомнительнаго. Платонъ, митрополитъ московскій.»* Въ то время еще не было въ обычаѣ у скромныхъ дѣятелей науки печатать свои проповѣди, да и не легко это было по разнымъ обстоятельствамъ; нужны были ужь особенно сильныя причины, ради которыхъ сочиненіе являлось въ свѣтъ. Проповѣдь Василія Михайловича своимъ изданіемъ обязана м. Платону: она такъ чрезвычайно ему понравилась, что онъ самъ, за своимъ одобреніемъ, повелѣлъ ее напечатать и самъ неоднократно читалъ ее другимъ. По поводу той же проповѣди Платонъ писалъ (отъ 4 марта 1806 г.) къ своему викарію Августину: *»а у меня проявился отличный проповѣдникъ, учитель Дроздовъ. Я сообщу его проповѣдь, и удивитесь.»* (*) Выслушавъ другое его слово, на великій пятокъ, Платонъ, не обинуясь, при всѣхъ окружавшихъ его, съ врожденною ему откровенностію и благодушіемъ, отдалъ Василію Михайловичу первенство надъ собою въ проповѣданіи. Слово это также было напечатано въ томъ же 1806 г. Сохранилась еще одна проповѣдь Дроздова, относящаяся ко врмени его учительства и остающаяся въ рукописи; она произнесена имъ 23 августа 1808 года, на освященіе храма св. Троицы въ Махрищскомъ монастырѣ (**). Великій проповѣдникъ, дѣйствительно, слышится уже въ этихъ первыхъ опытахъ; пламенное краснорѣчіе и необоримая сила мысли въ нихъ производятъ потрясающее вліяніе; они дѣйствуютъ свѣжо и сильно и на теперешняго читателя: что же было тогда! Но намъ нѣтъ надобности искать другихъ тогдашнихъ впечатлѣній, когда предъ нами цѣлый рядъ отзывовъ Платона. Иногда Платонъ сравнивалъ его съ Аѳанасіемъ Александійскимъ. На экземплярѣ одной его проповѣди Платонъ надписалъ о немъ: tu es princeps praeconum» (т. е. ты глава проповѣдниковъ). Отъ современниковъ м. Пла-

---

(*) Твор. св. отцевъ въ р. перев. 1864, кн. 5 и 6, стр. 601.

(**) Замѣчательные отрывки изъ всѣхъ этихъ проповѣдей приведены въ той же книгѣ Твореній св. от., стр. 602—615, и въ отдѣльномъ изданіи: «Исторія Троицкой семинаріи,« С. Смирнова. М. 1867. стр. 416—429.

тона г. Снегиревъ слышалъ такой его отзывъ о Василіи Михайловичѣ: «*я пишу по человѣчески, а онъ пишетъ по ангельски.*» Когда открылось въ Коломнѣ, на родинѣ Василія Михайловича, священническое мѣсто, то прихожане просили Платона дать имъ въ священники Дроздова. Но прозорливый Платонъ сказалъ имъ на это: »*Дамъ я вамъ его! я его берегу на свое мѣсто*«. Высокое вниманіе святителя къ своему любимцу неразъ выражалось такъ-же ярко. Однажды, послѣ прогулки въ рощѣ Корбухи, Платонъ, садясь въ карету, мимо другихъ его провожавшихъ, подалъ руку свою Дроздову, съ словами: »*Ты меня одинъ поддержишь*» (*).

Такъ, еще на первыхъ порахъ дѣятельности В. М. Дроздова, Платонъ, возвышеннымъ даромъ прозорливости, съумѣлъ понять и оцѣнить необыкновенныя дарованія молодаго учителя; такъ искренно возлюбилъ его и берегъ для лучшаго будущаго. Въ 1808 г., 16 ноября, Василій Михайловичъ былъ постриженъ въ монашество, съ именемъ Филарета, а 21 ноября посвященъ Платономъ во іеродіакона. Въ концѣ того же года, по опредѣленію Коммисіи духовныхъ училищъ, въ преобразовываемую с.-петербургскую духовную академію были взываемы лучшіе наставники изъ разныхъ семинарій; и вотъ, въ числѣ ихъ, по указанію ректора с.-петербугской академіи, архимандрита Евграфа, былъ вызванъ и Филаретъ, тогда уже іеродіаконъ и учитель риторики въ Свято—Троицкой семинаріи. Съ величайшею неохотою отправлялся онъ въ Петербургъ; но былъ еще человѣкъ, который болѣе его скорбѣлъ о разлукѣ съ нимъ, это былъ самъ Платонъ. Какъ убѣдительно и трогательно проситъ онъ, въ своемъ донесеніи св. Сvноду (отъ 28 декабря 1808 г.), чтобы «возвратили ему его Филарета! *Особливо* о іеродіаконѣ Фи-»ларетѣ *усердно* прошу св. правительствующій Сvнодъ—»обратить его паки въ Троицкую семинарію, гдѣ онъ, яко »сходственно съ его желаніемъ, можетъ лучшій успѣхъ «оказать для общей пользы; и какъ я объ немъ *особливое* «прилагалъ, въ разсужденіи его воспитанія, отеческое ста-

(*) См. книгу Снегирева: Жизнь моск, митрополата Платона М. 1856 стр. 61—62.

«раніе, то сіе *много послужитъ къ утѣшенію моей старости;* а его единаго отбытіе удобно можетъ вознаграждено быть изъ другихъ училищъ.» (*). Платонъ, какъ видите, усиливался даже ослабить достоинства своего избранника предъ св. сунодомъ: «онъ тутъ больше успѣетъ, его и другіе—молъ—легко замѣнять для васъ, а мнѣ ужъ отдайте его,» какъ бы такъ говоритъ и молитъ старецъ—святитель. Но Промыслъ судилъ иначе: Филаретъ не возвратился къ Платону.

Мы съ намѣреніемъ такъ долго остановились на первыхъ годахъ дѣятельности о. Филарета: изъ нихъ ясно видно, какого высокаго интереса должна быть полна эта жизнь. И если можетъ быть, потомъ мало нашлось людей, которые умѣли любить и цѣнить Филарета также искренно и тепло, какъ нѣкогда любилъ и цѣнилъ его Платонъ; то несомнѣнно были люди, которые все-же глубоко его чтили и передáвали на бумагу, или хоть слагали въ сердцѣ слова и дѣла Филарета. И конечно, только далекое будущее откроетъ, сколько въ этой жизни возвышеннаго и трогательнаго. Далѣе мы уже не можемъ вести своего разсказа съ прежнею подробностію (да не въ этомъ и главная цѣль наша); бѣгло прослѣдимъ дальнѣйшую судьбу о. Филарета *до его появленія на каѳедрѣ московской.*

Въ Петербургѣ новыя обязанности потребовали отъ него новыхъ усилій къ самообразованію и вмѣстѣ открыли ему болѣе широкое и болѣе видное поприще для дѣятельности. Прибывъ въ Петербургъ, о. Филаретъ представилъ, на латинскомъ языкѣ, конспектъ словесности, въ которомъ, согласно предписанію коммисіи, изложилъ, по какимъ книгамъ предполагаетъ преподавать уроки и съ какихъ предметовъ начать обученіе студентовъ. По разсмотрѣніи конспекта въ коммисіи, 23 февраля 1800 г. Филаретъ опредѣленъ инспекторомъ семинаріи и профессоромъ философскихъ наукъ съ званіемъ академическаго баккалавра; 28 марта того же года, въ праздникъ Пасхи, онъ рукоположенъ въ іеромонаха; въ августѣ, съ учрежденіемъ при семинаріи александровскаго училища, назначенъ ректоромъ его, съ оставленіемъ и въ прежней дол-

(*) Истр. спб. дух. академіи, Чистовича, стр. 183, пр. **

жности; 8 февраля 1810 года, онъ перемѣщенъ въ академію баккалавромъ и преподавалъ въ ней часть догматическаго богословія и церковную исторію. Въ 1811 г., по порученію коммиссіи духовныхъ училищъ, онъ обозрѣвалъ уѣздныя училища въ Петербургѣ—александроневское и петропавловское и приходскія. Съ этого года начинается громкая извѣстность его, какъ проповѣдника. Еще не часто является онъ на церковной каѳедрѣ, но слова его на св. Пасху, на день Пятидесятницы, на Рожд. Христово возбудили уже въ обществѣ высокое мнѣніе о немъ, какъ о проповѣдникѣ. А выборъ дней для проповѣданія его показываетъ, какъ смотрѣло уже и тогда на молодаго инока его ближайшее начальство. 30 іюня того же года онъ уже получаетъ отъ Государя наперсный крестъ съ драгоцѣнными камнями, а 8 іюля возводится въ санъ архимандрита. Учебная дѣятельность его усложняется болѣе, и болѣе. Независимо отъ своихъ прямыхъ обязанностей, онъ, по порученію коммисіи духовныхъ училищъ, преподавалъ окончившимъ курсъ воспитанникамъ семинаріи наставленіе въ должности служителей церкви и руководствовалъ ихъ въ чтеніи свящ. писанія и св. отцевъ. Въ академіи преподаетъ онъ, одинъ за другимъ, нѣсколько предметовъ. При чтеніи каноническаго и церковнаго права, преподаны были имъ истолковательныя примѣчанія на первыя 39 правилъ апостольскихъ. Разборъ этотъ не оконченъ преимущественно потому, что профессоръ одинъ несъ труды, которые предположено было раздѣлять съ двумя баккалаврами. При чтеніи Герменевтики, архимандритъ Филаретъ сперва предложилъ общія понятія и главныя положенія науки, а потомъ приступилъ къ дѣйствительному истолкованію свящ. писанія, т. е. предложилъ опыты теоріи и практики, дабы видны были основанія практики въ теоріи и польза теоріи въ практикѣ. Въ послѣднемъ отношеніи изучена была книга Бытія, причемъ изслѣдованіе коснулось имени писателя, времени, предмета, намѣренія и внутренняго порядка св. книги. Такимъ образомъ составлены были истолковательныя «*Записки на книгу Бытія*», напечатанныя гораздо позже. Сверхъ того преподаны и составлены имъ: «Introductiones in singulos libros veteris Testamenti, in supplementum libri classici conscriptae» и «*Опытъ истолкованія псалма* LXVII» (Да воскреснетъ Богъ), какъ труднѣйшаго изъ

псалмовъ. Преподаваніе библейской исторіи и древностей церковныхъ (въ 1810—1812 г., съ жалованіемъ 1100 р. асс.) послужило для него поводомъ составить «Начертаніе исторіи и древностей церковныхъ отъ начала міра до конца 1 вѣка по Р. Хр.» Его слово тогда уже было исполнено глубокихъ богословскихъ созерцаній; душа его любила часто погружаться въ тайны креста Христова, въ тайны дѣйствія Духа святаго въ душахъ облагодатствованныхъ. Труды въ изъясненіи писанія показывали также стремленіе къ таинственному и сокровенному. 11 марта 1812 г. архимандритъ Филаретъ назначенъ ректоромъ академіи и профессоромъ богословскихъ наукъ. Въ слѣдующемъ году, по порученію коммисіи, онъ обозрѣвалъ с.-петербургскую духовную семинарію по учебной части и представилъ свои предположенія относительно производства испытаній вообще (*). Коммисія, утвердивъ его предположенія, положила ввести указанный имъ образъ испытанія и въ академіи. Вслѣдъ за тѣмъ имъ предложены были правила для составленія разрядныхъ списковъ студентовъ академіи, и правила эти были утверждены. Въ томъ же году, среди множества прямыхъ своихъ занятій, онъ, по вызову Ал. Ник. Оленина, излагаетъ письменно мысли свои, переданныя въ бесѣдѣ съ нимъ о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 года. Тогда же онъ произноситъ свое извѣстное слово при гробѣ свѣтлѣйшаго князя Смоленскаго, въ присутствіи и. и. в. великихъ князей Николая Павлвича и Михаила Павловича. Объ этомъ словѣ дошло до насъ слѣдующее письмо тогдашняго оберъ-прокурора св. сѵнода, князя А. Н. Голицына, къ товарарищу министра внутреннихъ дѣлъ, О. П. Козодавлеву: «Милостивый государь мой, Осипъ Петровичъ! Честь имѣю препроводить къ вашему превосходительству *десять* экземпляровъ слова, говореннаго при гробѣ князя Смоленскаго *извѣстнымъ* нашимъ проповѣдникомъ, архимандритомъ Филаретомъ. Сочиненіе сіе доставить вамъ, надѣюсь, *большое* удовольствіе. *Публика приняла его съ особою похвалою* (**). Не за-

(*) См. у Чистовича, стр. 222—224.

(**) Русская правда, литературный альманахъ. Кіевъ, 18[illegible] стр. 91.

будьте, что это пишетъ вельможа, полный воспоминаній о временахъ блистательной Екатерины 2-й, человѣкъ, далеко неотрѣшившійся отъ житейской суеты. И онъ-то спѣшитъ послать это слово, да еще *десять* экземпляровъ, спустя уже *недѣлю* послѣ погребенія свѣтлѣйшаго князя, значитъ, едва только было отпечатано слово. Проходитъ еще недѣля и (іюня 29) самъ государь императоръ почтилъ проповѣдника необыкновенно-значительнымъ знакомъ своего вниманія: за неусыпные труды въ образованіи юношества и за назидательныя поученія, государь сопричислилъ его къ ордену св. равноапостольнаго князя Владиміра *второй* степени, большаго креста: награда безпримѣрная не только для того, но и для нашего времени! Въ слѣдующемъ году, 13 августа, при учрежденіи академической конференціи, въ первомъ торжественномъ собраніи ея, о. ректоръ произноситъ рѣчь о судьбахъ новосозданной обители духовнаго просвященія, о духѣ, въ коемъ должно развиваться ея дальнѣшее существованіе. (*) Члены конференціи, почетные доктора богословія, митрополитъ спб. Амвросій, архіепископъ черниговскій Михаилъ и архіеп. минскій Серафимъ, при первомъ же случаѣ избранія докторовъ богословія, въ тотъ же самый день признали достойнымъ этой степени о. ректора академіи, архимандрита Филарета. А 27 августа того же года, за успѣшное окончаніе перваго академическаго курса, отличные труды и способность къ образованію юношества, Филаретъ удостоенъ былъ высочайшаго рескрипта, съ изъявленіемъ всемилостивѣйшаго благоволенія, и награжденъ пожизненнымъ пенсіономъ (**). Въ началѣ слѣдующаго курса, о. ректоръ составилъ «Обозрѣніе богословскихъ наукъ, въ отношеніи къ преподаванію ихъ въ высшихъ духовныхъ училищахъ, и разсмотрѣлъ съ строгимъ вниманіемъ всѣ конспекты по главнѣйшимъ предметамъ ученія, представленные наставниками академіи, каждымъ по своему предмету. Въ «Обозрѣніи» онъ обращаетъ особенное вниманіе наставниковъ, въ ряду историческихъ книгъ ветхаго завѣта, на книгу Бытія, изъ учительныхъ—на книги Экклезіаста и

---

*) См. рѣчь эту у Чистовича, стр. 230—233.
**) Рескриптъ у Чистовича, стр. 237.

Пѣснь Пѣсней, изъ пророческихъ—на книгу Исаіи. Псалтирь, представляя собою какъ бы сокращеніе в. завѣта, заключаетъ чтеніе ветхозавѣтныхъ книгъ. Изъ новозавѣтныхъ особенно указываются евангеліе Іоанна и посланія апостола Павла къ римлянамъ, коринѳянамъ и евреямъ. Въ своемъ конспектѣ о. ректоръ обнаружилъ такую широту взгляда, что еще и доселѣ нѣкоторыя изъ изчисленныхъ имъ наукъ не получили самостоятельнаго значенія и остаются въ соединеніи съ другими науками (богословіе пророческое и богословіе символическое). Въ отношеніи къ конспектамъ по всѣмъ другимъ предметамъ, о. ректоръ сократилъ или распространилъ ихъ объемъ, примѣнительно къ цѣли и времени ихъ преподаванія и установилъ опредѣленность понятій въ тѣхъ пунктахъ и вопросахъ, которые могли сдѣлаться сами предметами недоразумѣній или подать къ нимъ поводъ.

Еще въ августѣ 1814 года, коммисія духовныхъ училищъ, столько разъ уже пользовавшаяся трудами о. ректора, приняла его въ свои постоянные члены, вслѣдствіе именнаго высочайшаго указа. Желая имѣть вѣрныя и обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи училищъ московскаго округа, чрезъ годъ послѣ его открытія, коммисія поручила въ 1815 г. члену своему, архимандриту Филарету, обозрѣть московскую академію, съ нѣкоторыми семинаріями ея округа. На пути туда ректоръ академіи обозрѣвалъ семинарію с.-петербургскую, новгородскую и тверскую, гдѣ въ это время совершился первый курсъ образованія по новому плану. Потомъ произвелъ обозрѣніе семинарій московскаго округа—ярославской, костромской, владимірской, спасовиѳанской и московской, вмѣстѣ съ находящимися при нихъ, и на пути между ними, училищами. Въ духѣ усердія и званія, его постоянно одушевлявшемъ, архим. Филаретъ довелъ до конца возложенное на него порученіе и въ самое краткое время представилъ коммисіи отчетъ о состояніи обозрѣнныхъ имъ училищъ, какъ по части учебной и экономической, такъ равно и дѣлопроизводной, въ совершенной ясности и во всей желанной подробности. Принявъ въ особенное уваженіе тру-

*) Конспектъ ректора у Чистовича, стр. 272—275.

ды и ревностнѣйшую попечительность арх. Филарета въ исполненіи этого порученія, коммиссія изъявила ему совершенную благодарность, а государь императоръ, по ея представленію, всемилостивѣйше пожаловалъ ему панагію. Понятно послѣ этого, сколько жизни вносилъ о. архимандритъ въ разсужденія коммиссіи, которая пользовалась его личными наблюденіями надъ состояніемъ учебной и хозяйственной части въ петербургской и моск. академіяхъ и во многихъ семинаріяхъ обоихъ округовъ. Среди столькихъ работъ, Филаретъ успѣваетъ еще въ томъ же 1815 г. составить „*Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православной восточной, грекороссійской церкви*, которые и были напечатаны по распоряженію св. синода. Въ слѣдующемъ году выходитъ въ свѣтъ *Начертаніе церковно-библейской исторіи*. Книга эта, образовавшаяся изъ уроковъ *перваго* академическаго курса, остается и доселѣ руководствомъ для наставниковъ и учебною книгою для воспитанниковъ академіи. Въ томъ же году являются „*Записки на книгу Бытія*". Сочиненіе это посвящено государю императору Александру, недавно передъ тѣмъ возвратившемуся съ полей великихъ битвъ. Въ прекрасномъ посвященіи архимандритъ Филаретъ, между прочимъ, говоритъ: „Среди радостныхъ сонмовъ, Тебя срѣтающихъ, воззри, съ обычнымъ Тебѣ снисхожденіемъ, и на сію малую длань, возносящую къ Тебѣ *нѣкія крупицы отъ преломленія хлѣба духовнаго*. Ты не позволишь, благочестивѣйшій Государь, изъяснять здѣсь, почему наипаче приличествуетъ Тебѣ приношеніе хлѣба *духовнаго*. Что же приносятся токмо *нѣкія крупицы*,—прости духовной скудости приносящаго". Такъ скромно выражается о своемъ трудѣ авторъ, а между тѣмъ это былъ *первый* въ Россіи опытъ вполнѣ ученаго, основательнаго изъясненія священнаго писанія. Трудъ этотъ немедленно былъ изданъ по высочайшему повелѣнію. Въ 1816 г. Филаретъ опредѣленъ членомъ совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго общества, а въ 1817 г. членомъ главнаго правленія училищъ и принималъ участіе въ трудахъ его во время усиленныхъ мѣръ къ устроенію народнаго образованія на прочныхъ основаніяхъ, выясненныхъ предшествовавшими полувѣковыми опытами. Какъ ни велики были всѣ эти сторонніе труды о. Филарета, но главное и неусыпное

вниманіе его было обращено на ввѣренную ему академію. Здѣсь труды его поистинѣ изумительны и результаты высоко-благодѣтельны. Ставъ во главѣ академіи, онъ учредилъ въ ней порядокъ, сдѣлавшійся правиломъ для всѣхъ академій. Первые два академическіе курса, прошедшіе подъ его руководствомъ, вполнѣ оправдавъ правительственныя заботы, дали церкви знаменитыхъ пастырей, обществу достойныхъ членовъ, духовнымъ училищамъ образованныхъ и надежныхъ наставниковъ, наукѣ талантливыхъ и трудолюбивыхъ дѣятелей *). А что было въ академіи до него? Вотъ замѣчательныя слова самого ректора, которыми онъ недавно поднялъ часть завѣсы, упадшей на прошедшее академіи: «При двухъ ректорахъ, предшествовавшихъ мнѣ (говоритъ Филаретъ), академія, вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, имѣла разрозненное направленіе. Случай борьбы между каѳедрами богословія и словесности сдѣлался причиною того, что студенты слишкомъ мало занимались сочиненіями. Были студенты, почти оставившіе занятія богословскими науками, потому что академикъ преподаватель возбудилъ въ нихъ сильную страсть къ математическимъ наукамъ. Я пришелъ безъ достаточнаго приготовленія къ тому, что мнѣ предлежало. Мнѣ должно было преподавать то, что не было мнѣ преподано. Наши тогдашнія библіотеки не скудны были старыми книгами, но не доставляли свѣдѣній о движеніи наукъ въ ближайшее время. При всемъ томъ, когда студентамъ изъяснено было, что нужно единство и участіе направленія, соотвѣтственнаго ихъ назначенію и достоинству академіи: сіе напоминаніе оказалось сѣменемъ, брошеннымъ на добрую землю; посильные уроки мои принимаемы были со вниманіемъ; занятія студентовъ усилились и, наконецъ, изъ страстныхъ любителей математики вышли достойные магистры богословія„ **) Какъ зорко и внимательно слѣдилъ о. ректоръ за направленіемъ молодыхъ питомцевъ и какъ дорожилъ имъ, можетъ служить нѣкоторымъ доказательствомъ слѣдующій частный случай. Одинъ изъ слушате-

*) Изъ 2 курса вышелъ между прочими извѣстный протоіерей И. М. Скворцевъ.

**) Прав. обоз. 1867 № 10, замѣтки, стр. 89.

лей академіи, Александръ Протопоповъ (бывшій потомъ архіепископъ тобольскій и сибирскій Аѳанасій), въ чреду свою, подалъ на разсмотрѣніе проповѣдь: профессоръ красноречія въ академіи, архимандритъ Леонидъ, написалъ на проповѣди его: „расположеніе и слогъ сего слова довольно хороши“. Но ректоръ Филаретъ, прочитавши ее, написалъ на ней же: *духъ сего слова драгоцѣннѣе самаго слога* *). Подобными отрывочными воспоминаніями можно, конечно, наполнить многія страницы. Довольно сказать, что живая память о дѣятельности Филарета въ академіи, слава его преподаванія и проповѣдническаго дара, переходитъ отъ старшихъ ея воспитанниковъ къ слѣдующимъ, отъ отцовъ къ дѣтямъ, и перейдетъ къ дальнѣйшимъ поколѣніямъ.

Таковъ былъ знаменательный и многотрудный путь Филарета въ теченіи семи лѣтъ его служенія въ академіи до каѳедры епископской. И вотъ уже настало время увѣнчать высокой наградой такіе многосторонніе и полезные труды неутомимаго архимандрита и ректора. Митрополитъ петербургскій Амвросій, любившій о. Филарета какъ сына, рѣшился избрать его себѣ въ помощника епископскаго служенія. Когда Филаретъ узналъ отъ своего архипастыря о предстоящемъ назначеніи, онъ необинуясь сказалъ ему: «*если хотите наградить меня этимъ саномъ, то епископство не честь, но подвигъ* **). Но владыка-митрополитъ не оставилъ своего намѣренія: обремененный дѣлами обширной митрополіи и не имѣя по ней викарія себѣ (дотолѣ были только викаріи новогородской митрополіи, епископы старорусскіе) и вмѣстѣ съ тѣмъ предчувствуя скорую кончину свою, онъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе на учрежденіе викарія по с.-петербургской епархіи и представилъ въ это званіе ректора академіи Филарета. Ученость дарованія и неутомимое трудолюбіе Филарета уже хорошо были извѣстны вниманію императора, и онъ Высочайшимъ указомъ 23 іюля того же года утвердилъ его избраніе въ званіе викарія с.-петербургской епархіи, съ наименованіемъ епископомъ ревельскимъ и съ

---

*) Странн. 1867 N. 1, стр. 13 прим. 3.

**) Моск. Вѣд. 1867 г. № 260, слово пр. А. В. Горскаго.

оставленіемъ въ должности ректора академіи. 5 августа совершено было его рукоположеніе. *) Участіе его въ епархіальномъ управленіи не входитъ въ нашъ очеркъ. Новое высшее служеніе въ санѣ епископскомъ не отдалило его отъ академіи. Изъ трудовъ его по управленію академіею, упомянемъ о его предложеніи въ 1817 году—ввести въ нее преподаваніе англійскаго языка; самъ же онъ позаботился пріискать наставника по этому предмету изъ постороннихъ ученыхъ. Почти три курса академіи прошли подъ его ближайшимъ опытнымъ руководствомъ. Въ то же время онъ исполнялъ различныя порученія отъ коммисіи духовныхъ училищъ; такъ, онъ произвелъ обозрѣніе с.-петербургской семинаріи по всѣмъ ея частямъ; въ 1818 г. онъ вновь обозрѣвалъ московскую академію, гдѣ въ это время окончился первый курсъ. Его проницательному взору представлено было высшею властію—обозрѣть первые опыты трудящихся въ академіи и направить ихъ стремленія вѣрнѣе къ цѣлямъ духовнаго образованія. Такъ какъ при этомъ нужно было, по испытаніи, избрать профессоровъ и учителей для открываемаго по новому образованію казанскаго округа, то коммисія духовныхъ училищъ, съ высочайшаго соизволенія, поручила преос. Филарету присутствовать при семъ испытаніи. Вмѣстѣ съ этимъ, ему же, совмѣстно съ московскимъ архіепископомъ, предоставлено избрать *внѣшнихъ* дѣйствительныхъ членовъ новооткрываемой конференціи московской духовной

*) Замѣчательно, что въ день хиротоніи его, во время обѣденнаго стола, послѣ многолѣтій государю и св. сvноду, когда архіепископъ черниговскій Михаилъ провозгласилъ было здоровье митрополита Амвросія, и пѣвчіе запѣли многая лѣта, митрополитъ вдругъ остановилъ ихъ и велѣлъ пѣть: *Со святыми упокой*. Но какъ никто не смѣлъ начать, то онъ началъ самъ и пѣлъ съ пѣвчими до конца. Предчувствіе митрополита сбылось скоро, въ слѣдующемъ же году, 21 мая, онъ скончался въ Новогородѣ. Чрезъ два дня получено было въ Петербургѣ извѣстіе о его кончинѣ, и въ тотъ же день, послѣ вечерни, преосв. Филаретъ почтилъ память усопшаго панихидой въ Лаврѣ (Странн. 1860 май, отд. I стр. 208—210).

академіи. За исполненіе сего порученія преосв. Филаретъ пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Въ томъ же 1818 году онъ вновь обозрѣвалъ семинаріи новогородскую, тверскую, виѳанскую и московскую. Такая неутомимая, многоплодная дѣятельность обратила на него особенное благоволеніе государя, и высокое вниманіе его не замедлило почтить преосв. викарія самымъ почетнымъ образомъ. 13 мара 1819 года, менѣе тѣмъ *чрезъ два года* по рукоположеніи въ епископа, преосв. Филаретъ былъ пожалованъ архіепископомъ тверскимъ и въ томъ же году августа, 18—членомъ свят. сунода. Въ санѣ архіепископа, по званію члена конференціи, преосв. Филаретъ наблюдалъ за испытаніемъ по классу богословскихъ наукъ, при окончаніи третьяго учебнаго курса въ петербургской академіи. Съ 7 августа 1819 г. приведенъ былъ въ дѣйствіе одинъ изъ полезнѣйшихъ проэктовъ преосв. Филарета. Въ теченіе семи лѣтъ его управленія академіею, отъ ежегоднаго штатнаго оклада на академію, за удовлетвореніемъ всѣхъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ потребностей, образовался остатокъ, въ деньгахъ и матеріалахъ, до 85,000 р. Изъ нихъ 35 т. оставлено для академическаго хозяйства, для облегченія его въ будущемъ, а остальные 50,000 р. внесены въ государственный заемный банкъ, неприкосновенно навсегда, съ тѣмъ, чтобы употреблять только проценты съ нихъ—2,500 р. въ годъ—на самонужнѣйшія пять главныхъ потребностей академіи, поровну на каждую: на содержаніе академической церкви, на изданіе назидательныхъ книгъ, на поощреніе наиболѣе полезнаго дѣятеля академіи, на дополненіе къ жалованью болѣе прочихъ занимающаго съ достоинствомъ одну изъ важнѣйшихъ академическихъ каѳедръ и наконецъ на пособіе чинамъ академіи, при вопіющей нуждѣ кого нибудь изъ нихъ. Коммисія признала этотъ проэктъ и легкоисполнимымъ и вполнѣ соотвѣтствующимъ пользѣ академіи и довела объ этомъ до свѣдѣнія государя императора. Утвердивъ проэктъ, государь изъявилъ благоволеніе свое преосв. архіепископу Филарету за такое полезное предложеніе. Конференція академіи выразила свою признательность преосв. Филарету избраніемъ его въ свои почетные члены; коммисія дух. училищъ, утвердивъ это представленіе, оставила его и дѣйствительнымъ членомъ конференціи, по уваженію от-

личныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ по ученой части. Въ 1820 году преосв. Филаретъ былъ перемѣщенъ въ Ярославль. Въ этомъ году онъ вновь обозрѣвалъ московскую академію, также нѣкоторыя семинаріи, уѣздныя и приходскія училища. Въ 1821 г. 3 іюля, переведенъ былъ въ Москву, въ санѣ же архіепископа и священно-архимандрита Троицко-Сергіевской лавры. Какъ въ этомъ, такъ и въ 1823 году, при окончаніи 4 и 5 учебнаго курса въ с.-петербургской академіи, архіепископъ московскій, какъ дѣйствительный членъ конференціи, въ качествѣ депутата, наблюдалъ испытаніе по богословскому и философскому классамъ. Въ 1821 году, по его предложенію, совмѣстно съ ректоромъ академіи (преемникомъ пр. Филарета) епископомъ ревельскимъ Григоріемъ, удостоенъ степени доктора богословія протоіерей Г. П. Павскій, первый магистръ перваго курса, а тогда уже профессоръ академіи и законоучитель с.-петербургскаго университета. Этимъ избраніемъ воздана была честь о. протоіерею за его переводъ священныхъ книгъ на русскій языкъ и за основательные уроки богословія въ университетѣ и еврейскаго языка—въ академіи.

Это обстоятельство даетъ намъ поводъ коснуться трудовъ самого преосв. Филарета въ дѣлѣ перевода св. писанія, о чемъ прежде мы не упомянули, не желая дробить разсказа объ этомъ. Еще въ 1816 г. (23 февраля) государь императоръ Александръ, въ своемъ повелѣніи св. сvноду, указалъ необходимость переложенія Новаго Завѣта съ древняго славянскаго на новое россійское нарѣчіе и изданія его вмѣстѣ съ древнимъ славянскимъ текстомъ подобно тому, какъ уже издано было, съ дозволенія св. сvнода, посланіе къ римлянамъ. Во исполненіе сей высочайшей воли, св. сvнодъ и приступилъ немедленно къ переводу новаго завѣта. Первымъ движителемъ сего священнаго дѣла въ средѣ іерарховъ былъ преосв. Филаретъ. Какъ пастырь стада Христова, онъ хотѣлъ прежде всего, чтобы сокровища спасительнаго ученія были открыты для всѣхъ. И его побужденіямъ и трудамъ преимущественно обязана церковь русская тѣмъ, что въ первый разъ увидѣла слово Христово и писанія апостоловъ на своемъ языкѣ. 30 марта 1819 г. уже оконченъ былъ переводъ четырехъ евангелистовъ, который въ томъ же году вышелъ

и *вторымъ* изданіемъ, а въ 1820 послѣдовали новыя изданія его. Въ 1820 же году появилась „Книга дѣяній св. апостоловъ", на славянскомъ и русскомъ языкахъ; въ 1821 г. „Десять посланій св. апостоловъ"; а въ 1822 г. вышелъ *весь* новый завѣтъ, также на славянскомъ и русскомъ языкѣ, и въ томъ же году явилось *третье* изданіе его. Всѣ эти переводы изданы были иждивеніемъ россійскаго библейскаго общества, согласно указанію государя императора, и во всѣхъ этихъ переводахъ дѣятельное участіе принималъ, вмѣстѣ съ Михаиломъ, митрополитомъ новгородскимъ *) и Серафимомъ митрополитомъ московскимъ, преосвящен. Филаретъ, еще въ санѣ архіепископа тверскаго. Тогда же приступлено было и къ переложенію ветхозаветныхъ книгъ съ первоначальнаго языка, и если оно не было доведено до конца, то не по винѣ трудившихся. Изъ книгъ в. завѣта вышла только „Книга хваленій или Псалтирь" на россійскомъ языкѣ, изданная въ 1822 г. въ Спб.; въ томъ же году вышло изданіе ея въ Москвѣ, въ сунодальной типографіи: въ переводѣ ея, вмѣстѣ съ Серафимомъ, митрополитомъ новгородскимъ и Симеономъ, архіепископомъ ярославскимъ, принялъ ближайшее участіе и преосв. Филаретъ, тогда уже архіепископъ московскій. Его же перу, кажется, принадлежатъ и „Возглашенія къ Христолюбивому читателю", помѣщенныя въ началѣ переводовъ—Евангелія и Псалтири. Какъ жадно былъ принятъ вѣрующими этотъ переводъ, можно судить по тому, что въ слѣдующемъ 1823 году вышло уже *одинадцатое* изданіе Псалтири **). И такъ, преимущественно подвигами преосв. Филарета, слово Божіе стало доступнымъ для простыхъ умовъ и сердецъ народа русскаго.

Въ августѣ 1823 г., императоръ Александръ явилъ самое сильное доказательство своего высокаго уваженія

---

*) Въ 1821 году онъ уже скончался, не имѣвъ утѣшенія видѣть окончательнаго изданія и своихъ трудовъ въ переводѣ св. писанія.

**) Въ 1824 году Новый Завѣтъ былъ изданъ и московскимъ библейскимъ обществомъ на русскомъ языкѣ. Дальнѣйшій ходъ изданія этихъ переводовъ намъ неизвѣстенъ.

къ достоинствамъ архіепископа Филарета. Въ это время, присутствуя въ св. сvнодѣ, архіепископъ Филаретъ испросилъ было себѣ временное увольненіе въ свою епархію; министръ духовныхъ дѣлъ, кн. Голицынъ, обявилъ ему на сіе, *открыто,* высочайшее соизволеніе, и въ то же время собщилъ, *секретно*, высочайшую волю—исполнить, прежде отъѣзда, особое порученіе государя. Немедленно передано было архіепископу подлинное письмо цесаревича Константина Павловича къ императору, отъ 14 января 1822 года, содержащее въ себѣ торжественное отреченіе отъ престола, и повелѣно было написать проэктъ манифеста о назначеніи наслѣдникомъ великаго князя Николая Павловича. При этомъ государю угодно было, чтобы актъ сей, оставаясь въ глубокой тайнѣ, хранился въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, пока прійдетъ время привести его въ исполненіе. Архіепископъ сейчасъ же обратилъ вниманіе на то, что храненіе акта въ глубокой тайнѣ, *въ Москвѣ,* и имѣющее быть возшествіе на престолъ *въ С.-Петербургѣ*—видимо не согласуются между собою, тогда какъ между ними должна быть самая неразрывная связь. Слову архіепископа объ этомъ оказано было полное вниманіе: высочайше повелѣно было—списки съ акта хранить и въ С.-Петербургѣ, въ государственномъ совѣтѣ, въ сvнодѣ, и въ сенатѣ, о чемъ упомянуть и въ самомъ манифестѣ. Составивъ и вручивъ порэктъ кн. Голицыну, архіепископъ испросилъ дозволеніе—откланяться государю; но при свиданіи былъ удержанъ императоромъ еще на нѣсколько дней, для могущихъ встрѣтиться въ проэктѣ поправокъ. Межъ тѣмъ самъ государь уѣхалъ въ Царское Село. Проходитъ нѣсколько дней. Архіепископъ видитъ, что продолженіе его пребыванія вожбудаетъ любопытство въ Петербургѣ, гдѣ всѣмъ уже было извѣстно, что онъ уволенъ въ епархію; желая отклонить всякій поводъ подозрѣвать въ этомъ замедленіи какую-то тайну, онъ испрашиваетъ позволеніе прибыть въ Царское Село, подъ видомъ посѣщенія кн. Голицына, и тамъ исполнить высочайшую волю. И на этотъ разъ слову его было оказано полное вниманіе. Въ Ц. Селѣ получилъ архіепископъ отъ князя свой проэктъ, уже прочтенный государемъ, и видя въ немъ нѣкоторыя слова и выраженія подчеркнутыя, архіепископъ старался проникнуть, почему они не соотвѣт-

ствуютъ мыслямъ императора, и замѣнилъ ихъ другими.—Какъ во всемъ этомъ сильно сказалось довѣріе и высокое вниманіе императора къ преосвящен. Филарету, видно изъ того еще, что объ этомъ актѣ знали только графъ Аракчеевъ, да кн. Голицынъ, что составленіе его государь не поручилъ даже тому, кого онъ называлъ *«мой искренній»*,—Н. М. Карамзину, и даже сказалъ ему и женѣ его объ этомъ только осенью 1823 года, когда ужъ дѣло было окончено. Такимъ образомъ только *пять* лицъ удостоены были такого довѣрія государя, и *третьимъ* между ними является преосв. Филаретъ, и является не по близкимъ своимъ личнымъ отношеніямъ къ императору, какъ Аракчеевъ и Голицынъ, но единственно по своимъ высокимъ достоинствамъ, сіявшимъ издали, изъ стѣнъ уединенной келліи. Въ 1825 г., въ день приведенія къ присягѣ императору Николаю Павловичу, архіеп. Филаретъ, въ москов. Успенскомъ соборѣ, всенародно вынулъ изъ серебрянаго ковчега завѣщаніе импер. Александра и отреченіе цесаревича, показалъ всѣмъ, что печать цѣла, произнесъ слово и прочелъ завѣщаніе и отреченіе. Затѣмъ прежде приступленія къ присягѣ, архипастырь, осѣняя всѣхъ, громогласно сказалъ: *разрѣшаю и благословляю*. Эти неожиданныя слова святителя произвели глубоко—успокоительное дѣйствіе, особенно, когда они разнеслись между народомъ. Потомъ началась присяга. Узнавъ объ этомъ, императоръ былъ очень доволенъ. Наконецъ въ 1826 году, преосв. Филаретъ привѣтствовалъ императора Николая рѣчью при вступленіи его въ Успенскій соборъ для совершенія коронованія, и въ этотъ торжественный день, возведенъ былъ въ санъ митрополита московскаго и коломенскаго.

Здѣсь, согласно плану своего труда, мы останавливаемся: отсутствіе матеріаловъ не позволяетъ намъ идти далѣе. Не забудемъ сказать одно только, что рукою преосв. Филарета писанъ былъ манифестъ 19 февраля 1861 года, даровашій свободу 23 милліонамъ русскихъ людей. О всѣхъ событіяхъ московской сорокашестилѣтней дѣятельности святителя мы упомянемъ только слѣдующими словами

(*) Р. арх. 1867. вып. 10, стр. 1318—1319.

2-го отдѣленія Имп. акад. наукъ: «Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ московскій Филаретъ являя въ маститой старости своей неоскудѣваемую мощъ духа, кромѣ обширныхъ занятій своихъ по управленію дѣлами церкви, не переставалъ посвящать свои силы и другимъ подвигамъ своего высокаго призванія. Онъ дѣятельно участвовалъ въ пересмотрѣ перевода на русскій языкъ евангелія и апостола, напечатанныхъ нынѣ по повелѣнію св. сунода. По случаю совершившагося тысячелѣтія Россіи, онъ для молебнаго пѣнія составилъ примѣнительно къ празднованному событію особою молитву и особыя же возглашенія послѣ обычныхъ многолѣтій, и еще прежде, 19 августа, привѣтствовалъ рѣчью Его Императорское Величество въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ, полагая въ основаніе своего краснорѣчиваго слова мысль о предстоявшемъ 8 сентября великомъ народномъ торжествѣ.»

Усопшій первосвятитель состоялъ членомъ академіи наукъ, всѣхъ духовныхъ академій, почетнымъ членомъ московскаго университета, с.-петербургской медико-хирургической академіи, московскаго общества любителей Россійской словесности, с.-петербургскаго Императорскаго человѣколюбиваго общества, археологическаго общества, Императорскаго новороссійскаго университета и многихъ другихъ ученыхъ и благотворительныхъ учрежденій...

Вотъ все фактическое, что мы знаемъ о московскомъ святителѣ, что даютъ намъ всѣ наши источники!

III.

ОРИГИНАЛЬНЫЯ ПИСЬМА.

(*Окончаніе* *).

Другая фальшь «Виленскихъ писемъ»,— болѣе практическая и оттого болѣе вредная, есть ложное понятіе о религіозной сторонѣ здѣшняго руско-польскаго вопроса, незнаніе или игнорированье силы и дѣйственности православія, связи его съ исторіей и жизнію Россіи, отношенія къ папству и полонизму. На этой точкѣ зрѣнія г. N. является и жалкимъ обскурантомъ, и даже индифферентистомъ. Разовьемъ эту тему подробнѣе.

Отъ неправильнаго или неточнаго названія предмета, онъ принимаетъ въ сознаніи читателя фальшивый обликъ и значеніе. Неточность и неправильность словъ и выраженій есть очевидный признакъ сбивчиваго или односторонняго представленія мыслителя. Если такой недостатокъ изложенія замѣченъ, если такая неточность и неправильность терминологіи объяснена и доказана; то въ статьяхъ, упорствующихъ въ этихъ несовершенствахъ остается предположить одно изъ двухъ: или незнаніе или упрямство. Такой незавидный выборъ предложитъ теперь автору „Виленскихъ писемъ." Въ этихъ письмахъ г. N., чуть не на всякой строчкѣ, употребляетъ слова: „клерикалы, клерикальная партія, клерикализмъ",— примѣняя эти названія

*) См. кн. 11 Вѣст. Зап. Россіи.

къ людямъ русскимъ—православнымъ. По поводу тѣхъ же названій, также неудачно употребленныхъ однимъ изъ виленскихъ корреспондентовъ „Виленскаго Вѣстника,“ мы помѣстили въ III отдѣлѣ 2-й, за 1867 г., книжкѣ нашего „Вѣстника“ нарочитую статью, подъ заглавіемъ: „Неудачное и обидное qui pro quo.“ Въ этой статьѣ такъ послѣдовательно, такъ непоколебимо доказано, что въ средѣ исповѣдниковъ православія немыслимы клерикалы, клерикальная партія, предполагающая всегда сепаратизмъ, реакцію statu quo, эгоистическое отстаиванье отдѣльныхъ, личныхъ, внѣшнихъ интересовъ, безусловное подчиненіе своей мысли и дѣятельности главѣ партіи,— въ этой, говоримъ, статьѣ такъ наглядно развита мысль, что клерикальная партія возможна только въ средѣ почитателей папства, какъ доктрины политической, какъ въ средѣ, имѣющей не только ни отъ кого независимаго, но даже господствующаго надъ всѣми своими—ктобъ они ни были: цари или рабы—сектантами предводителя,—что автору „Виленскихъ писемъ“ опять повторимъ, предстоитъ незавидный выборъ одного изъ двухъ, указанныхъ выше названій. И въ самомъ дѣлѣ: чтожъ это будетъ съ нашею прессой, если она будетъ упорствовать въ самомъ уродливомъ смѣшеніи понятій, если для нея не существуютъ никакія вразумленія, доказательства? Что будетъ и съ нами самими, съ нашей наукой, если изобличенная сегодня фальшь, ниспровергнутая теорія, клевета, ложь, завтра снова топорщится, чтобъ стать на ноги? Не сдѣлаемся ли мы похожими тогда на того пьянаго шляхтича, который, отойдя отъ кабака саженей на двадцать, вмѣсто шага впередъ, началъ дѣлать два шага назадъ и опять очутился въ томъ же кабакѣ? Уже ли это значило бы прогрессировать? И вы, г. N., (и никто) не опровергнули нашихъ доводовъ, не доказали, что люди, которымъ вы усвоили названіе клерикаловъ, заклеймены имъ по праву, что они точно—партія, что ихъ мысли и стремленія пропитаны клерикальнымъ революціо-

низмомъ, анархіей, дуализмомъ; на какомъ же основаніи вы назвали людей самыхъ консервативныхъ, самыхъ благонамѣренныхъ, тѣмъ именемъ, которое менѣе всего имъ прилично, и о значеніи котораго вы не имѣете даже яснаго представленія? Послѣдняя истина особенно подтверждается тѣмъ, что вы даже не знаете, кому усвоить названіе клерикаловъ, клерикальной партіи. По указанію здраваго смысла и установившемуся понятію о клерикальной или *ультрамонтанской* партіи, если не вся она, то хоть большая и дѣятельнѣйшая часть ея контингента, должна состоять изъ особей духовнаго званія; между тѣмъ, по вашему ученію, эту партію составляютъ какія-то иныя личности, непринадлежащія къ клиру, отъ котораго клерикальная партія и получила свое названіе: вы постоянно выгораживаете духовенство изъ группы клерикальной партіи, такъ что она, по вашему, выходитъ не клерикальною, а Богъ вѣстъ какою и чьею партіей.

Нѣтъ ли, однако, причинъ, на основаніи которыхъ авторъ „Виленскихъ писемъ" усвоилъ извѣстнымъ ему (и только) личностямъ названіе клерикаловъ, клерикальной партіи? Если такія причины и существуютъ въ сознаніи автора, то онѣ должны быть слишкомъ индивидуальны, своеобразны и, во всякомъ случаѣ, несостоятельны и секретны. Пока этимъ секретомъ г. N. не подѣлился съ читателями, мы имѣемъ основаніе утверждать категорически, что онъ употреблялъ эти названія по наслышкѣ, со словъ другихъ. Чтобы хоть сколько нибудь освѣтить этотъ мракъ и осмыслить укоризны г. N., подскажемъ ему нѣсколько тѣхъ единственныхъ quasi—причинъ, которыя могли его ввести въ заблужденіе на счетъ лицъ и предметовъ, о которыхъ идетъ теперь дѣло: „Я потому, скажетъ (положимъ) г. N., называю васъ клерикалами, что вы ставите международный, русско-польскій вопросъ на почвѣ религіи, что вы православіе смѣшиваете съ русскою народностью, въ *католичествѣ* ищете и причинъ разлада съ нами поля-

ковъ, и невозможности примиренія, и опасеній за будущее.“ Если бы г. N, дѣйствительно, на основаніи такихъ соображеній назвалъ клерикалами извѣстныхъ ему людей, то симъ послѣднимъ остается только благодарить его за усвоеніе имъ самаго раціональнаго взгляда на вещи и въ тоже время подивиться близорукости г. N. и неумѣнію его называть предметы и лица точными ихъ именами.

Мы много разъ сказали и доказали, что религія есть душа, жизнь народа, что съ ея утратой или перемѣной измѣняется міросозерцаніе, характеръ, дѣятельность, исторія, судьба народа, что народы отстаиваютъ религію всѣми силами и средствами, какими одарилъ ихъ Творецъ, что въ большинствѣ кровополитій, посредственно или непосредственно, наступательно или оборонительно, принимала участіе религія и что эти кровополитія всегда бывали самыя упорныя, ожесточенныя и продолжительныя; потому что народъ защищалъ цѣлость и неприкосновенность своей жизни. Мы не указываемъ на частности какъ потому, что онѣ указаны нѣсколько разъ на страницахъ „Вѣстника“, такъ и потому, что онѣ извѣстны всякому, умѣющему находить въ историческихъ событіяхъ подлинный ихъ смыслъ и направленіе. И теперь, что берется на востокѣ, какъ не изувѣрствующій исламизмъ съ утратившимъ всякое терпѣніе христіанствомъ; кто поддерживаетъ жизнь полумертвой Турціи, какъ не р.-католичество, желающее побѣды ислама надъ православіемъ и неразъ уже стоявшее рядомъ съ чтителями магомета въ борьбѣ ихъ съ *истинными* чтителями Христа. Только близоруіе не видятъ подъ разными ухищреніями и отводами западнаго въ восточный вопросъ вмѣшательства подлинной, руководящей его мысли и опасенія, чтобы не восторжествовали греки и славяне надъ магометанами. Сегодня учавствуя въ коллективныхъ нотахъ вмѣстѣ съ Россіей, а завтра говоря съ улыбкой: это было сдѣлано изъ вѣжливости къ гостю; на сценѣ идя объ руку съ Россіей, а за кулисами подставляя ей ногу; сочиняя сего-

ня одну, а завтра другую комбинацію для рѣшенія восточнаго вопроса, сегодня умывая руки отъ вмѣшательства въ расчетъ восточныхъ христіанъ съ своими притѣснителями, а завтра бомбардируя дерзкими, неосновательными нотами Сербію и Румынію за мнимыя въ нихъ вооруженія и волненія; вооружаясь съ ногъ до головы сами, когда никто не нападаетъ, не угрожаетъ и запрещая это дѣлать восточнымъ христіанамъ, когда противъ нихъ вооружаются, ихъ рѣжутъ мусульмане,—западники думаютъ этими натяжками, интригами и противорѣчіями, запутать слишкомъ ясный, восточный вопросъ, удержать Россію отъ фактическаго его разрѣшенія, задержать или устранить преобладаніе на востокѣ родственнагоРоссіи православнаго элемента въ ущербъ папскаго. Только близорукіе могутъ вѣрить, что Наполеонъ влюбленъ въ султана, въ благосостояніе Турціи, въ утопію извѣструю подъ именемъ равновѣсія Европы: онъ только боится усиленія вліянія на востокъ Россіи и освобожденія православія восточнаго отъ стѣсненія и угнетенія его латинской пропагандой и мусульманскимъ насиліемъ, потому что тогда р.-католики бѣжали бы сами съ востока, а съ ними вмѣстѣ оказалась бы излишнею и западная опека надъ востокомъ, а греки съ славянами составили бы ту естественную, родственную коалицію, которая не страшилась бы никакой другой коалиціи, ту силу, о которую сокрушалось бы всякое насиліе. Но тогда какъ другія религіи вели войны оборонительныя, политическая доктрина папства и исламъ разширялись и укрѣплялись посредствомъ войнъ наступательныхъ. Когда только въ дѣлѣ прозелитизма и подавленія другихъ вѣроученій интрига оказывалась средствомъ недостаточнымъ, доктрина эта пускали въ ходъ мечъ и всяческое свое насиліе. Въ рукахъ римскихъ первосвященниковъ религія неразъ была орудіемъ и принципомъ политическимъ: религіей Христа прикрывались властолюбивые замыслы папы, догматизировалась его мірская власть, главенство надъ церковью, господство надъ

всѣми государями и подданными, принявшими папское ученіе. Внутренній духъ христіанства до того стушевывается, что подъ этою казистостью, напыщенностью, превознесеніемъ, властолюбіемъ не легко признать чистое, духовное, простое, смиренномудрое ученіе „Смирившагося даже до смерти крестныя.“ Такая *внѣшность* религіи, непосредственно зависящая отъ внѣшняго значенія главы ея, естественно требуетъ внѣшнихъ средствъ къ ея защитѣ, поддержкѣ и распространенію. И теперь папство поддерживается не истиной, чистотой и прочностью своего ученія, а лептами св. Петра, коалиціями, конвенціями, конференціями, ружьями Шасспо, наемными зуавами и проч. Наполеонъ III знаетъ, что развѣнчать папу изъ его царскаго величія, сдѣлать его тѣмъ, что онъ долженъ быть по духу ученія истинно-христіанскаго, — сдѣлать его только римскимъ архіепископомъ, значитъ пошатнуть въ самомъ основаніи міръ папскій, приблизиться къ духу православія, предоставить послѣднему право господства надъ умами и сердцами человѣчества, видоизмѣнить отношенія другъ къ другу царствъ и народовъ, — видоизмѣнить судьбу вселенной, — и онъ отстаиваетъ въ лицѣ папы преобладаніе папства, и онъ силится задерживать успѣхи православія, всемірное значеніе представительницы его Россіи. Ревнивое нежеланіе отдать Италіи естественную ея столицу, столицу древняго міра, владѣвшую когда-то и Летиціей (Парижемъ) вчастности, и Галліей (Франціей) вообще, составляетъ уже цѣль второстепенную, случайную, счастливо только совпадающую съ желаніемъ оставить за папой столицу міра, видѣть ее столицей папства. И папы очень хорошо понимаютъ такое сочетаніе, когда такъ упорно, отстаиваютъ свое земное величіе, когда съ высоты балкона церкви Петра и Павла посылаютъ свое благословеніе urbi et orbi (городу (Риму) и міру).

Но ни въ чьемъ умѣ и сердцѣ не перепуталась такъ нераздѣльно политика съ религіей, какъ въ умѣ и сердцѣ

поляковъ: они болѣе крайніе ультрамонтаны, чѣмъ испанцы. Фанатизмъ ихъ росъ и ширился вмѣстѣ съ очевидностью безнадежности политической; въ своемъ ослѣпленіи, религію они считали орудіемъ своихъ революціонныхъ замысловъ, ихъ религія, въ лицѣ своихъ представителей, была унижена до кощунственнаго и богопротивнаго вмѣшательства въ самыя преступныя затѣи во время послѣдняго мятежа,— до внушенія рѣзни москалей, до стрѣльбы изъ револьвера и проповѣди о разнообразномъ истребленіи русскихъ, до предводительства шайками разбойниковъ и личнаго участія въ душегубствѣ и проч. Не можемъ же мы допустить чтобъ истинно-христіанское религіозное настроеніе мятежниковъ могло ужиться рядомъ съ душегубствомъ, клятвопреступленіемъ, казнокрадствомъ, которыми ознаменовали свою дѣятельность эти усердные фанатики въ самый разгаръ ихъ религіозныхъ отправленій. Молитва, касающаяся потребностей духа, должна быть несравненно духовнѣе, спокойнѣе и достойнѣе Бога и человѣка.

Съ другой стороны, характеръ истиннаго христіанства всего болѣе, всего явственнѣе отразился на православной Россіи и судьбахъ ея. Православіе сдѣлало Россію тѣмъ, чѣмъ она есть: оно собрало воедино разрозненныя—было ея части, оно установило и закрѣпило связи ея семейныя, общественныя, гражданскія, международныя, оно проникло русское законодательство, создало наши нравы и обычаи, наше міросозерцаніе и исторію, оно спасало Россію въ годину опасности и торжествовало ея успѣхи, освящало ея радости, во время милосердыхъ посѣщеній Божіихъ,—словомъ оно образовало ту типичность народа русскаго, которой онъ отличается отъ всѣхъ другихъ народовъ, и съ измѣненіемъ которой измѣнится его судьба, его исторія, и онъ перестанетъ быть народомъ русскимъ.

Сознавая такое значеніе религіи вообще и такое отношеніе православія къ русской народности вчастности, латино-польскій фанатизмъ прежде всего и больше всего и

усиливался разорвать въ подвластныхъ Польшѣ областяхъ русскихъ ту связь, какая существуетъ между народомъ русскимъ и его религіей, связать эти области съ Польшей путами папства и тѣмъ стушевать его народность, измѣнить его міросозерцаніе, порвать его связи съ остальной Россіею, создать новую эпоху его исторіи. И во время недавняго бунта польскаго всего очевиднѣе проявилось ожесточеніе ксендзо-шляхетскаго революціонизма противъ православнаго монархизма,— властолюбія и притязательности папства противъ незлобія, миролюбія и нестяжательности православія, — представителей политической доктрины папской, противъ представителей и лучшихъ сыновъ православія.

Если такъ,—а несомнѣнно такъ, то тѣхъ, кого г. N. называетъ „клерикалами, клерикальною партіей," нужно точнѣе назвать людьми истинно-русскими, истинно-православными, вполнѣ изучившими исторію папства и православія, Польши и Россіи, ясно понимающими отношеніе религіи къ народности, связь православія съ судьбой и исторіей Россіи, вліяніе ультрамонтанъ на всесвѣтныя революціи вообще и польскіе бунты вчастности,—невозможность полнаго, искреняго примиренія ультрамонтанъ съ православными, повсемственныя, тысячелѣтнія интриги и посягательства ихъ противъ православія.

Мы не имѣемъ охоты слѣдить за г. N. въ той непроходимой словесной трущобѣ, которая названа имъ „Виленскими письмами"; это былъ бы трудъ и неблагодарный и невозможный. Поэтому мы будемъ останавливаться на тѣхъ только выходкахъ этихъ писемъ, которыя имѣютъ нѣсколько опредѣленный смыслъ и которыхъ нелѣпость болѣе крупна и вредна. Къ числу такихъ нелѣпостей мы относимъ не только упорное нападеніе на насъ за то, что мы употребляемъ слово паписты вмѣсто католиковъ, но и негодованіе на тѣхъ, которые нераздѣляютъ съ г. N. этой нелѣпости. Въ IX письмѣ, въ которомъ задоръ автора

„Оригинальныхъ писемъ" дошелъ,—пользуемся *любезностью* автора,—«до умопомѣшательства", говорится въ укоръ мрачному сонмищу, что оно „условилось не употреблять словъ: *католикъ, католицизмъ.*" Да, мы не употребляемъ этихъ словъ безъ ограниченія ихъ эпитетомъ *римскій,* какъ это дѣлаемъ мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Такому нежеланію употреблять названныя г. N. слова предшествовало не „условіе", которое относится къ изобрѣтательности автора «Виленскихъ писемъ», а знаніе дѣла, категорическое убѣжденіе въ несоотвѣтствіи этихъ словъ называемымъ ими предметамъ. Такое убѣжденіе не есть капризъ, желаніе «дразнить», а результатъ ясныхъ, непоколебимыхъ соображеній и выводовъ раціональныхъ, историческихъ, каноническихъ. Для вразумленія тѣхъ, которые не знаютъ значенія словъ: католикъ, католическій и, по наслышкѣ, усвояютъ ихъ одному римскому католицизму,—мы сгруппировали эти соображенія и выводы въ нарочитой статьѣ, подъ заглавіемъ: „Кто истинные католики?", помѣщенной въ 3 книжкѣ за 1864 г., Вѣстника Западной Россіи. Въ этой статьѣ такъ ясно, разносторонно, непобѣдимо доказано, что римская церковь, отпавшая назадъ тому тысячу лѣтъ отъ единенія съ церковью вселенскою (католическою), привнесшая въ ученіе Христово и апостольское много изобрѣтеній человѣческихъ, подѣлавшая, для узаконенія этихъ вымысловъ, много натяжекъ, ложныхъ толкованій, подлоговъ, искаженій въ твореніяхъ св. отцовъ и даже въ соборныхъ постановленіяхъ, ставшая въ оппозицію со всѣми вѣрованіями христіанскими, особенно съ тѣмъ, въ которомъ всецѣло, неприкосновенно сбережено подлинное, истинное, смиренномудрое, вѣчное ученіе Христово,—утратила права на названіе католической,—что мы теперь не имѣемъ нужды повторяться. Намъ кажется, что г. N. нужно причислить къ группѣ людей, незнакомыхъ съ этою статьею и обсуждаемымъ ею вопросомъ, потому что онъ хоть на столько поддался бы силѣ и ясности

аргументаціи, что не посмѣлъ бы объяснять неупотребленія нами словъ: католикъ, католическій, католицизмъ однимъ «условіемъ,» соглашеніемъ.

Впрочемъ мы, какъ люди специально изучившіе и римское католичество и православіе, никогда не относились къ нимъ такъ сбивчиво, какъ тѣ, которые не могутъ дать себѣ отчета въ употребленіи такихъ или другихъ теологическихъ названій, эпитетовъ, и которые не знаютъ даже того, что православіе немыслимо безъ католичества (какъ мы его понимаемъ) и католичество безъ православія. Мы всегда различаемъ въ ученіи римской церкви тѣ его частности, которыя согласны съ ученіемъ Христовымъ, истолкованнымъ вселенскими соборами, отцами церкви *истинно*—вселенской, отъ наростовъ чисто человѣческихъ. Крупнѣйшіе изъ этихъ наростовъ: мірская, царская власть римскихъ первосвященниковъ, прямо противорѣчащая смиренію Христову и духу Его ученія, самозванное усвоеніе себѣ папами намѣстничества Христова и главенства въ Его церкви, неосновательное именованіе себя преемниками апостола Петра, всеобщее безбрачіе духовенства, допущенное съ видами удобнѣйшей пропаганды мірскаго владычества папы. Эти наросты составляютъ ту важную часть римской доктрины, которая чуть не равняется цѣлому, и неприкосновенность которой слишкомъ ревниво отстаиваетъ Ватиканъ; эти собственно наросты мы и называемъ «папствомъ, папскою доктриной», а исповѣдниковъ такого ученія—„папистами, ультрамонтанами" и пр. Грѣшно же было бы и неразумно называть такое ученіе католическимъ, въ истинномъ смыслѣ,—или что тоже, православнымъ, а сектантовъ его католиками или православными: въ такихъ важныхъ предметахъ, каковы предметы религіи, названіе, несоотвѣтствующее дѣлу, есть не ошибка, не неточность, а преступленіе, грѣхъ. Но тамъ, гдѣ мы говоримъ о римскомъ ученіи, римской церкви, какъ объ ученіи, о церкви христіанскихъ, о лицахъ, исповѣдующихъ это

ученіе, принадлежащихъ къ этой церкви, какъ о христіанахъ,—мы въ отличіе такой церкви, такого ученія, такихъ христіанъ отъ другихъ христіанъ, другаго ученія, другихъ церквей, называемъ ихъ римско-католическими, римско-католиками и т. п.

Изъ хаоса словъ и выраженій, названныхъ „Виленскими письмами,“ какъ будто кое-гдѣ проглядываетъ недовольство г. N тѣми серьезными мѣрами къ возрожденію здѣшняго края, какія внушаетъ мудрость, правда, исторія и чувство самосохраненія. Но не г. бы N. браться за оцѣнку мѣръ къ обрусѣнію здѣшняго края и произносить категорическіе приговоры дѣятельности его обрусителей.

Занимаясь своимъ писаніемъ, авторъ «Виленскихъ писемъ» весьма часто называетъ по имени „Московскія Вѣдомости“,—какъ авторитетъ, которымъ *будто бы* гарантируются его бредни, и противъ котораго *будто бы* нѣтъ апелляціи. Не думаемъ чтобы „Московскія Вѣдомости“ вошли въ коалицію къ какимъ-то N. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ „Московскія Вѣдомости“ какъ будто солидарны съ г. N, или онъ съ ними, мы рѣшительно отрицаемъ непогрѣшимость московской газеты, а особенно компетентность ея по вопросу объ обрусѣніи западной Россіи. Хотя эта газета занимается этимъ вопросомъ, быть можетъ, нѣсколько болѣе, чѣмъ сколько-то обязательно для газеты обще-русской, обще-европейской; но ея теоріи слишкомъ абстрактны и односторонни, а ея корреспонденты не всегда свободны отъ разлада съ истиной, отъ страсти къ эффекту и сочиненію. Не имѣя возможности провѣрить согласія теоріи съ дѣйствительностью, показанія корреспондентовъ съ текущею жизнію, не имѣя въ группѣ своихъ обязательныхъ сотрудниковъ, ни одного спеціалиста, изучившаго состояніе, потребности, даже исторію и этнографію западнаго края Россіи,— „Московскія Вѣдомости“, естественно, должны перебиваться философствованіемъ, вѣрой на слово корреспондентамъ, подобнымъ г. N., или какому нибудь

„Старожилу“, за старостью, вѣроятно, плохо видящему, что вокругъ него дѣлается,—должны зачастую резонировать голословно, впадать въ промахи, подвергаться опасности быть обманутыми; порой извиняться предъ читателями въ невѣрности сообщенныхъ свѣдѣній. Стоя твердо на почвѣ патріотической, „Московскія Вѣдомости“, кажется, не знаютъ участія, какое должна принимать въ этомъ прекрасномъ чувствѣ религія: къ религіозной, самой существенной сторонѣ западно-русскаго вопроса онѣ относятся весьма смутно; оттого и патріотизмъ ихъ въ этомъ случаѣ выходитъ какимъ-то отвлеченнымъ, лишеннымъ самой твердой и опредѣленной точки опоры, похожимъ на чувство безотчетное, хоть и прекрасное. Мы увольняемъ себя въ настоящемъ случаѣ отъ безконечнаго труда цитировать тѣ мѣста изъ московской газеты, которыя дали намъ право назвать ея патріотизмъ въ отношеніи къ здѣшнему краю одностороннимъ, отвлеченнымъ, ея взглядъ на религіозную сторону вопроса, несостоятельнымъ—тѣмъ болѣе, что мы имѣли уже случай многое сказать и доказать этой газетѣ, объ этомъ предметѣ.

А вотъ мы подошли и къ «мрачному сонмищу.» Мы не хотимъ знать, кому принадлежитъ *честь* изобрѣтенія этой безсмысленной фразы; мы только знаемъ, что имѣемъ счастіе принадлежать (по приговору г. N.) къ этому «сонмищу», которое такъ *остроумно* названо въ Виленскихъ письмахъ «мрачнымъ». Мы не спрашиваемъ даже, почему г. N. *своему* сонмищу усвоилъ *свой* мрачный эпитетъ, потому что считаемъ усвоеніе этого эпитета тѣмъ людямъ, которыхъ онъ группируетъ въ «сонмищѣ», лишеннымъ всякаго смысла и основанія. Если этотъ эпитетъ понимать въ точномъ его значеніи, то онъ какъ будто нарочно и сочиненъ для того сонмища, къ которому принадлежитъ N., разные *русскіе*. Незнакомцы, Старожилы и другія личности темныя, трущобныя, «мрачныя.» Не тѣхъ нужно отнести къ «мрачному сонмищу», которые стоятъ и дѣйствуютъ открыто, честно,

которые не имѣютъ причинъ прятаться съ своими именами и убѣжденіями за разными лжеименами (псевдонимами), которыхъ мысль и чувство ясны, какъ безоблачное, полуденное небо, которыхъ девизъ—счастіе Россіи, процвѣтаніе православія, возрожденіе западнаго края; а тѣхъ, которыхъ имена, генеалогіи, національности, религіи покрыты «мракомъ» неизвѣсноси, которыхъ умъ и сердце соперничествуютъ другъ съ другомъ въ мраколюбіи желаній, мыслей, стремленій.

Особая логика автора «Виленскихъ писемъ» всего нагляднѣй отразился въ «оригинальномъ» ихъ изложеніи. Это изложеніе такъ своеобразно, что его можно сравнить только съ изложеніемъ одного виленскаго публициста (Д. П.) и одного корреспондента «Виленскаго Вѣстника» изъ Москвы (Б.), часто вспоминаемаго г. N. Въ этихъ письмахъ мысли, чувства, представленія выдѣлываютъ такія быстрыя salto mortale, такія мудренныя комбинаціи, что слѣдить за ними, значитъ получить головокруженіе, а самыя грубыя противорѣчія составляютъ такой любимый пріемъ сочиненія, что нѣтъ никакой возможности установить опредѣленный взглядъ на подлинное значеніе мысли и чувства г. N. Прочитавъ извѣстную тираду, думаешь себѣ: а вотъ чего хочетъ, что думаетъ г. N.! Но не тутъ-то было! «Эврика» оказалось преждевременнымъ: чрезъ нѣсколько писемъ, тирадъ, иногда строкъ, г. N толкуетъ уже совсѣмъ другое, радикально, то есть, себѣ противорѣчитъ. Въ однѣхъ, напр. мѣстахъ, онъ называетъ здѣшнихъ русскихъ «нетерпимыми фанатиками, изувѣрами», въ другихъ, на тѣхъ же людей русскихъ, мещетъ громы за ихъ „вѣроисповѣдную сживчивость, терпимость»; тамъ осыпаетъ русскихъ туземцевъ, самою площадною бранью за ихъ космополитизмъ «ополяченье», тутъ, какъ ни въ чемъ не бывало, элегическимъ тономъ уже вопіетъ: „напрасно мы оскорбляли людей, которые на самомъ дѣлѣ вынесли на плечахъ своихъ судьбы здѣшняго края“; то кричитъ: „я не

взываю къ примиренію съ поляками", то (въ томъ же письмѣ) пренаивно увѣряетъ, что „цѣлью его (писемъ г. N) было, сказать *примиряющее* слово." Но можно ли исчислить всѣ противорѣчія, разсыпанныя на пространствѣ XV (!?!) длинныхъ-предлинныхъ писемъ человѣкомъ, который самоувѣренно возвѣщаетъ: „послѣдовательность — прежде всего" (письмо XI), а въ другомъ мѣстѣ уже находитъ ее излишнею и безцеремонно утверждаетъ: „въ письмахъ можно быть и не послѣдовательнымъ» (письмо X) ?! Спасибо хоть за откровенность!...

Мы сами чувствуемъ, что сдѣлали слишкомъ много чести „Виленскимъ письмамъ" такимъ широкимъ и обстоятельнымъ на нихъ отвѣтомъ. Притомъ складѣ и ладѣ, какими отличаются эти письма, они заслуживали бы одно презрительное молчаніе, если бы въ нихъ не сказалось зловредное, хоть и злосчастно выполненное, намѣреніе, еслибъ онѣ не такъ были солидарны съ „Вѣстью", „Новымъ временемъ", „Народовою Газетой", Дзенникомъ Познанскимъ" и проч.; еслибъ эти письма не прибавили и своего дѣтища къ той массѣ разныхъ уродливыхъ чадъ прессы, которая усиливается, въ послѣднее время, запутать очевидное дѣло, отвесть очи общественнаго мнѣнія въ другую сторону и затормозить, по своимъ силамъ и средствамъ, великое и неотложное дѣло обрусѣнія западной Россіи.

Еще два-три слова лично къ вамъ, г. N. Вы думали, что буква N. составляетъ такое непроницаемое забрало, подъ которымъ можно являться невидимкой когда угодно, гдѣ захочется, съ чѣмъ попало? Но вы слишкомъ довѣрчиво отнеслись къ этой буквѣ. Мы уже сказали выше, что знаемъ одного публициста (по его статьямъ) весьма похожаго на г. N., по складу своей логики; теперь категорически утверждаемъ, что этотъ публицистъ и г. N, какъ видно изъ статей, одна и таже личность. Стало быть мы узнали васъ, г. N, не „по когтямъ."

133

IV.

ЯГАЙЛО.

Историческій романъ

Въ 4-хъ частяхъ.

продолженіе (*)

ЧАСТЬ 1-я ГЛАВА 1-я.

1370—1392 г.

КЕРНОВО

Былъ знойный удушливый лѣтній вечеръ. Заходящее солнце, на половину спрятавшееся на горизонтѣ, за зеленой опушкой лѣса, окрасило своими лучами старый керновской замокъ, въ блѣднооранжевый цвѣтъ. Въ воздухѣ пахло дымомъ и смолистой гарью. Съ рѣки Виліи, омывающей подножіе-горы, на которой построенъ замокъ, началъ подниматься легкій туманъ. На полянѣ, раскинувшейся противъ восточной части замка и поросшей густой и высокой травой,—тамъ и сямъ-слышались крики дергача и трескъ кузнечиковъ. Изъ лѣсовъ, окоймляющихъ Керновъ, доносились то пѣніе иволги и соловья, то ревъ звѣрей, то кваканье лягушекъ, во множествѣ обитающихъ въ болотахъ Литвы... Наконецъ послышался конскій топотъ, послѣ чего изъ дубовой рощи на дорогу, ведущую

---

*) См. Кн. 11 Вѣст. Зап. Россіи.

чрезъ поляну къ воротамъ замка, тихою рысью выѣхали нѣсколько всадниковъ, а за ними, чрезъ нѣсколько мгновеній, длинной вереницей потянулись пѣшіе и конные вооруженные литовцы, жмудины и русины. Это уже были не тѣ полунагіе дикіе литовцы и кривичи, о которыхъ говорятъ лѣтописцы, современники Рингольда, Миндовга, Войшелка, Витенеса и другихъ литовскихъ князей, и весь костюмъ которыхъ состоялъ изъ невыдѣланной кожи зубра, лося, медвѣдя или волка, а единственнымъ оружіемъ были: простой лукъ, копье и тяжеловѣсная палица, въ оконечность которой забиты были острые кремни; но люди, усвоившіе себѣ общій видъ воина тогдашняго времени, повидимвму, отчасти знакомые съ военной дисциплиной крестоносцевъ. И только жмудины, собравшіеся въ этотъ отрядъ изъ темныхъ болотистыхъ лѣсовъ нижней Литвы на зовъ Ольгерда, какъ узнаемъ послѣ,--рѣзко отличались по костюмамъ отъ литовцевъ и русиновъ, и еще напоминали своихъ пра-прадѣдовъ. Тѣже звѣриныя головы вмѣсто сіяющихъ шлемовъ или татарскихъ остроконечныхъ шапокъ, какъ у прочихъ воиновъ, тотъ же лукъ, таже палица, тѣже грубыя сандаліи, таже нагая грудь, вмѣсто желѣзныхъ латъ,-ну-точь въ точь-во времена самого Палемона, сказочнаго героя Литвы. Весь отрядъ, состоявшій, повидимому, изъ двухъ или трехъ тысячъ человѣкъ, двигался стройно и спокойно; это былъ сторожевой полкъ громаднаго войска, собраннаго Ольгердомъ изъ русско-литовскихъ владѣній, на помощь брату своему князю Кейстуту, давно ушедшему въ Пруссію и превратившему въ пепелъ крѣпость рыцарей Ортельсбургъ, и, въ свою очередь, окруженному со всѣхъ сторонъ прусскими рыцарями.

Воеводами въ сторожевомъ полку были два молодые князья: Ягайло Ольгердовичъ и Витовтъ Кейстутьевичъ; они-то и ѣхали во главѣ всадниковъ, составляяшихъ ихъ свиту, состоящую изъ боярь и князей. Герой моего ро-

мана Ягайло Ольгердовичь, ѣхавшій на вороном татарскомъ конѣ, былъ одѣтъ въ железные бранные доспѣхи; сзади на снуркѣ въ безпорядкѣ спускалась на сѣдло мѣдвѣжья накидка шерстью вверхъ,-по формѣ похожая на рыцарскую мантію, или на черкесскую бурку, съ той только разницей, что послѣдняя на половину короче ея. На головѣ моего георя надѣтъ былъ золотой шлемъ, украшенный дорогими каменьями, игравшими на солнцѣ разноцвѣтными огнями. Изъ подъ приподнятаго забрала виднѣлся полуоткрытый узкій лобъ и два большіе голубые глаза, апатично смотрѣвшіе на крышу керновскаго замка. Лицо его, покрытое едва замѣтнымъ слоемъ дорожной пыли, носило на себѣ отпечатокъ усталости, изнѣженности и какой то болѣзненности, негармонировавшей съ лѣтами и возрастомъ моего героя. Во всѣхъ движеніяхъ, въ складкахъ платья, даже въ поступи, лошади замѣтно было что ея сѣдокъ очень лѣнивъ и неловокъ. Да, герой моего романа Ягайло Ольгердовичъ, любимый своими родителями и въ особенности своей матерью, княгинею Ульяніей Александровною, былъ избалованъ и изнѣженъ ею до крайности, вслѣдствіе чего онъ сдѣлался безхарактернымъ, капризнымъ, лѣнивымъ и подозрительнымъ. Отъ природы онъ былъ угрюмъ и молчаливъ, ни съ кѣмъ онъ не входилъ ни въ споры, ни въ разсужденія, и всегда со всѣми во всемъ соглашался,—чѣмъ составилъ при дворѣ о себѣ понятіе очень умнаго и дѣльняго князя. Княгиня, мать его, видя его постоянно молчаливымъ и угрюмымъ, пришла къ заключенію, что онъ одаренъ громаднымъ умомъ и потому, возлагая свои надежды на него, какъ на единственнаго будущаго владѣтеля западной Россіи,—старалась окружать его придворными русинами, преимущественно тверскими, пріѣхавшими съ Ульяніей Александровной. Такъ напримѣръ, до 16 лѣтъ, Ягайло ежедневно по нѣскольку часовъ учился грамотѣ, письменамъ и закону Божію у отца архимандрита Давида, духовника в. к. Ульяніи, ос-

тальное же время проводилъ въ теремахъ матери своей, окруженный мамками, няньками, боярынями и сѣнными дѣвицами, которыя расказывали ему разныя сказки, небылицы: о богатыряхъ, видѣніяхъ, о кіевскихъ и новогородскихъ вѣдьмахъ, духахъ-добрыхъ и злыхъ,-для которыхъ въ особенности не жалѣли черныхъ и красныхъ красокъ, о волшебникахъ и о всемъ чудесномъ, что такъ нравится дѣтямъ и чѣмъ сдѣлали Ягайлу робкимъ и суевѣрнымъ .....Другіе его братья, за такое предпочтеніе ему отъ родителей, ненавидили его и зачастую упрекали и оскорбляли его. Но Ягайло и тутъ не возражалъ имъ, а только плакалъ, стучалъ ногами, кусалъ губы, и если ужъ очень сильныя оскорблѣнія приходилось ему выслушивать, бился головою о лежанку и со слезами, въ изступлѣніи бросался къ матери и приносилъ жалобу на обидчиковъ. Разумѣется, сейчасъ же начиналась расправа, окончивавшаяся всегда не въ пользу подсудимыхъ, и въ особенности, если подсудимыя были дѣти Ольгерда, отъ первой его супруги княжни Маріи Ярославовны. Въ этихъ случаяхъ, мочиха была жестокой къ своимъ пасынкамъ. И только Андрей Ольгердовичъ, старшій сынъ Ольгерда, не попадалъ въ эту категорію, потому что самъ былъ удѣльнымъ княземъ полоцкимъ. Но за то мачиха уже заранѣе придумала планъ, какъ лишить его права-наслѣдника на отцовскій престолъ,— въ пользу Ягайлы....

Послѣ 16 лѣтъ, онъ очень часто бывая въ обществѣ отца и матери, иногда занимался ученіемъ ратнаго дѣла, а чаще всего ѣздилъ верхомъ въ антокольскіе лѣса на охоту за звѣрями, какъ говорилъ онъ своей матери, но на самомъ дѣлѣ онъ охотился за *рагутисницами*..... капище Рагутиса, кривичанскаго бога пьянства и веселья, которое вмѣстѣ со своимъ идоломъ, по повелѣнію первой супруги Ольгерда, Маріи Ярославны, было перенесено въ антокольскую рощу, куда переселились и жрецы его, называемые отъ историковъ питіонниками, а также и жрецы

рагутисницы.... а на томъ мѣстѣ, гдѣ было капище, построена церковь, называющая пятницкой.

За этими-то рагутисницами и охотился Ягайло въ дебряхъ антокольскихъ лѣсовъ, а тамъ для подобной охоты было полное раздолье.... Но объ этомъ помолчимъ до времени, иначе намъ пришлось бы начинать другой романъ; скажемъ только, что въ этихъ случаяхъ всегда сопровождалъ Ягайлу его конюшій-дядька Войдыйло, который, постигнувъ всю безхарактерность Ягайлы, умѣлъ заискать его любовь, довѣренность и, что называется, влѣзъ къ нему въ душу. Оставаясь съ нимъ на единѣ, Ягайло повѣрялъ ему все то, что говорила мать. и однажды сообщилъ что будетъ великимъ князямъ всей Литвы и Руси послѣ отца, а не Андрей; Войдыйло, какъ смѣтливый холопъ, зналъ, что это сбудется и, разумѣется, началъ угождать Ягайлѣ какъ только могъ, и всегда умѣлъ прикрывать настоящую цѣль охоты разными вымыслами. Пока о личности моего героя довольно, скажемъ теперь о его спустникѣ, Витовтѣ Кейстутьевичѣ, рядомъ ѣхавшемъ съ Ягайлой на бѣломъ конѣ. Какой контрастъ между обоими молодыми князьями! Сколько апатіи и болѣзненности на лицѣ Ягайлы, столько бодрости и энергіи на умномъ, полномъ жизни, лицѣ Витовта. Его проницательные глаза горятъ боевымъ огнемъ, его щеки покрыты легкимъ румянцемъ, который касается его орлинаго носа; что изобличаетъ въ немъ цвѣтущее здоровье, съ его полузапекшихся отъ дневнаго зноя устъ, не сходитъ добродушная улыбка. Его темные длинные волоса, выбивающіеся изъ подъ шлема, картинно ложатся по богатырскимъ его плечамъ. Росту онъ немного ниже Ягайлы,—но зато крѣпче и правильнѣе сложенъ. Одѣтъ онъ былъ почти также какъ и Ягайло, за малымъ исключеніемъ,- на шлемѣ его было бѣлое перо... Его лошадь, какъ будто чувствуя превосходство своего сѣдока надъ сосѣдомъ вороного спутника, бодро и горделиво поднимала свою голову,

надъ воронымъ конемъ. Между всадниками и отрядомъ, нѣсколько человѣкъ несли два знамена. На одномъ изъ нихъ, по голубому полю, вышитъ былъ большой восьмиконечный крестъ, съ какою то молитвой, па русскомъ церковномъ языкѣ и буквой: „Я"; на другомъ, древко котораго имѣло изображеніе змѣи, по ярко красному полю, вышитъ былъ Кавосъ,-литовской богъ войны, а подъ нимъ русскими буквами написано: *стягъ великаго князя Витовта*".

Отрядъ замыкали множество телегъ съ правизіей и разной утварью, необходимой при всякомъ ратномъ походѣ....

Доѣхавъ до глубокаго рва, находившагося передъ желѣзными воротами замка, воеводы приказали трубить. Одинъ конный латникъ, отдѣлившись отъ прочихъ, взявъ рожокъ, началъ трубить; звуки этого рожка понеслись далеко и, раскатываясь эхомъ по дремучимъ лѣсамъ, наводили на душу какое то непріятное, тоскливое чувство, подобное тому, какое производитъ па насъ скрипъ немазанаго колеса. Стадо голубей, спокойно сидѣвшихъ на кровлѣ замка, взвилось па воздухъ и начало описывать круга...

Но вотъ загремѣли ключи внутри замка, отворились ворота его, опустился подъемный мостъ и на немъ явился предъ молодыми князьями весь, какъ лунь сѣдой, литовскій бояринъ, управитель замка, а за нимъ нѣсколько литовцевъ, составлявшихъ гарнизонъ керновскаго замка.

Благодарю боговъ за гостей знатныхъ, принесенныхъ съ востока, гдѣ царствуетъ вѣчно лѣто, намъ на радость, привѣтствовалъ князей, по литовскому обычаю, старый управитель замка, низко кланяясь и придерживая одною рукою боярскую цѣпь, на которой висѣла татарская гривна.

Молодые князья, а за ними и свита ихъ, въѣхали чрезъ мостъ на площадку замка.

— Войдыйло! Сними меня съ коня, сонливо сказалъ Ягайло.

Войдыйло, находившійся позади Ягайлы, проворно соскочилъ съ своей лошади и, придерживая поводъ, снялъ съ сѣдла героя моего романа и поставилъ его на ноги. Это разсмѣшило Витовта; который, безъ всякой помощи, соскочилъ со своего коня и, потрепавъ по его потной шеѣ, отдалъ поводъ своему конюшему.

Ягайло Ольгердовичъ, замѣтивъ смѣхъ на лицѣ Витовта, сначала немного смутился, потому что онъ зналъ, что Витовтъ безъ причины никогда не смѣялся, а потомъ, самъ безсознательно засмѣявшись, обратился къ Витовту.

— Витовтъ! съ кого ты смѣешься? Спросилъ онъ у него.

— Съ тебя Ягайло, ты, словно изнѣженная баба, а не витязь.... Русскій повойникъ тебѣ слѣдовало бы надѣть на голову, вмѣсто рыцарскаго шлема, отвѣчалъ Витовтъ.

— А что же? обидѣвшись, спросилъ Ягайло.

— Да то, что самъ съ лошади соскочить не можешь...

— Да, кольчуга и броня тяжелы...

— Полно!... кольчуга тяжела!.. Не на войну тебѣ ходить бы, а... Витовтъ хотѣлъ продолжать, но посмотрѣвъ на Ягайлу, снова засмѣялся и замолчалъ.

— Договаривай, сказалъ Ягайло.

— Полотна ткать, да пряники тверскіе есть, договорилъ Витовтъ и замолчалъ. Ягайло прикусилъ губы, наступило долгое молчаніе.

— Ну что же ты замолчалъ?... Распорядись дружинниками-то-, гдѣ и кому ночлегъ держать: всѣмъ ли въ замкѣ, или только пѣшимъ... Да пойдемъ въ хоромы, мнѣ есть хочется, сказалъ Витовтъ.

— Распоряжайся, братъ, какъ хочешь,-не чинись сомной; ты больше моего смыслишь въ ратномъ дѣлѣ, отвѣчалъ Ягайло, стараясь не смотрѣть на Витовта.

Витовтъ Кейстутьевичъ приказалъ вождямъ поставить пѣшихъ латниковъ на ночь въ замокъ, а для конныхъ разбить шатры по окраинамъ поляны и на средину ея пустить на ночь связанныхъ по ногамъ лошадей на подножный кормъ, пошелъ съ братомъ своимъ Ягайлой за управителемъ замка въ хоромы; за ними понесли ихъ знамена, а также послѣдовали нѣсколько бояръ изъ свиты.

Не болѣе какъ чрезъ часъ, въ довольно обширной комнатѣ, передѣланной изъ нѣкогда бывшей при Кернусѣ языческой божницы,—въ память чего въ нишѣ между оконъ, выходившихъ на рѣку Вилію, поставленъ былъ домашній маленькій Перкунусъ,—за столами сидѣли на скамейкахъ, покрытыхъ коврами, Ягайло и Витовтъ, а съ ними свита ихъ и всѣ вожди сторожеваго полка. Судя по ломтямъ и крошкамъ хлѣба, а также по остаткамъ печеной говядины и обглоданнымъ костямъ, въ безпорядкѣ валявшимся на столѣ,—видно было что походный ужинъ только что окончился. Раскраснѣвшія лица присутствующихъ, шумныя веселыя рѣчи ихъ, пустые кубки и запахъ романеи изобличали въ этой бесѣдѣ присудствіе Рагутиса, бога пьянства. Даже самъ герой моего романа—Ягайло Ольгердовичъ, умытый и причесанный, наполовину пригубилъ свой кубокъ, отъ чего щеки его зардѣлись маковымъ цвѣтомъ и развязался языкъ. Только Витовтъ Кейстутьевичъ ничего не пилъ, его кубокъ стоялъ полный, онъ даже не дотрогивался до него. Онъ очень мало ѣлъ и во все время ужина не обращалъ никакого вниманія на окружающихъ и ихъ веселый разговоръ. Оперщись одною рукою на столъ, онъ весь отдался крѣпкой думѣ, которая несла его къ берегамъ Нѣмана въ Пруссію,—туда,—гдѣ находится обожаемый имъ отецъ его Кейстутъ Гедиминовичъ.

Въ то время управитель замка, находившійся тоже за столомъ, всталъ съ своего мѣста и, подойдя къ Витовту, низко поклонился ему.

— Княже милостивый! Зачѣмъ ты раньше времени

омрачаешь взоръ свой думой и грустью? Твой отецъ, нашъ великій литовскій кунигасъ, Кейстутъ Гедиминовичъ не въ плѣну еще у поганцевъ, а только въ осадѣ. Наши дружины подоспѣютъ и его выручатъ. Горевать пока еще нечѣмъ. Отвѣдай лучше романеи, она старая, дѣдовская, всю кручину какъ рукой сниметъ, говорилъ управляющій замкомъ, подвигая къ нему непочатый кубокъ.

— Благодарю тебя, бояринъ, за утѣшеніе; пусть слова твои слышатъ боги; романеи я пить не буду,—я отъ рожденія ни чего хмѣльнаго въ ротъ не беру. Подчивай лучше дружинниковъ—то нашихъ,—ласково отвѣчалъ Витовтъ.

— Ты не горюй, Витовтъ; мы дядю выручимъ, сказалъ Ягайло.

Витовтъ посмотрѣлъ на Ягайлу и снова засмѣялся,—грусть исчезла съ лица его.

— Ягайло нахмурилъ брови.

— Ну, ну, не сердись! вѣдь ты самъ просилъ меня быть повеселѣе, такъ и не сердись, когда я смѣюсь сказалъ Витовтъ, обнимая Ягайла и, наклонившись къ уху, шепотомъ сказалъ: пойдемъ со мной.

— Куда? Тоже шопотомъ спросилъ его Ягайло

— Куда поведу, туда и пойдемъ, отвѣчалъ также Витовтъ.

— А Войдылу можно взять? Спросилъ Ягайло у Витовта.

— Нѣтъ, провожатыхъ не нужно; я самъ дорогу знаю въ липовую рощу къ божницѣ Паяты.

— Къ божницѣ Паяты?

— Чего жъ ты испугался?

— Ночью въ лѣсъ?... Вѣдь ужъ солнце зашло, здѣсь звѣрей много, да и страшно двоимъ; возмемъ Войдылу...

— Нельзя, это тайна, которую я съ тобою должны хранить... Изъ липовой рощи мы еще пойдемъ въ одно мѣсто, заключилъ Витовтъ и, вставъ съ своего мѣста,

обратился ко всѣмъ бесѣдующимъ: „Любезная моя мать, княжна Бирута, прощаясь со мной, наложила на меня завѣтъ, когда я прибуду въ Керново, сходить въ липовую рощу и, сдѣлавъ въ храминѣ Паяты обильныя жертвы, вызвать духъ ея черезъ вайделотовъ и спросить объ участи нашего ратнаго похода... Жертвы я уже давеча отправилъ и самъ иду сейчасъ; пируйте бояре безъ меня,— сказалъ Витовтъ, надѣвая шлемъ и смотря на Ягайлу.

— Ну?! снова обратился къ нему Витовтъ.

— Идемъ, нерѣшительно сказалъ Ягайло, и надѣвъ шлемъ, всталъ съ своего мѣста.

Витовтъ Кейстутьевичъ, приказавъ управляющему замка не жалѣть для пирующихъ романеи и выкатить нѣсколько бочекъ аллусу для латниковъ — пѣшихъ и конныхъ, вышелъ съ Ягайлой изъ комнаты, въ сопровожденіи управляющаго замкомъ.

ГЛАВА 2-я.

Липовая роща и духъ Паяты *).

Выйдя изъ замка, Ягайло Ольгердовичъ и Витовтъ Кейстутьевичъ, свернули налѣво и по довольно узкой тропинкѣ, ведущей въ лѣсъ, — пошли ускореннымъ шагомъ. Направо у нихъ оставалась луговина, на окраинахъ которой конные латники расположились бивуакомъ. Пылающіе грудки, вокругъ которыхъ стояли, сидѣли и лежали латники и жмудины, освѣщали окрестность какимъ-то таинственнымъ огнемъ. Со всѣхъ сторонъ неслись звуки русской или литовской пѣсни. Кривичи и литовцы, современники Ягайлы, очень любили пѣніе; дѣло, скорбь, веселіе, обрядъ, кровавый бой,— все это имѣло свои пѣсни.... Ягайло и Витовтъ сперва шли молча. Бѣлое, лоснившееся

*) Другая липовая роща была вблизи Дисны, на берегу рѣки Двины,—тамъ тоже вызывали духъ Паяты. (Авторъ).

отъ огня перо, на шлемѣ Витовта, привлекло къ нему множество летучихъ мышей; онѣ кружились надъ головой его и испускали самые непріятные пискливые звуки.

— Экъ ихъ какую тьму принесло... Точно рой пчелъ, замѣтилъ Ягайло и, вынувъ свой мечъ изъ ножемъ, началъ отмахиваться отъ летучихъ непріятелей; Витотъ захохоталъ.

— Что тебѣ смѣшно? Спросилъ Ягайло.

— Ты съ такой отвагой отбиваешься отъ летучихъ мышей, что другой подумаетъ, крестоносцы съ тобой дерутся, сказалъ Витовтъ.

— Да вѣдь они больно кусаются.

— Ну опусти забрало, не укусятъ... А если и укусятъ, что за бѣда?

— Какъ что за бѣда? А лицо испортятъ...

— Ну такъ что жъ?... Ты, чай, не баба?!

— Лицо должно беречь, потому, что оно есть образъ и подобіе Божіе, — сказалъ Ягайло.

— Ты посмотри на самаго Атримпоса: его величаютъ красавцемъ, а есть ли у него сходство съ нами? — Спросилъ Витовтъ.

— Я не объ Атримпосѣ говорю...

— О комъ же?

— Ты не поймешь меня....

— Напротивъ, пойму. Ты христіанинъ, а я язычникъ, ты вѣруешь въ своего Бога, а я въ своего....

— Ты послѣ смерти прямо попадешь въ смолу кипучую, сказалъ Ягайло.

— Куда?

— Въ смолу кипучую.... въ адъ кромѣшный, гдѣ самъ сатана раскаленными кошнами будетъ прижигать твое тѣло...

— А ты почемъ знаешь, что я тамъ буду?

— Всѣ поганцы вашей вѣры, туда идутъ.

— Кто это тебѣ сказалъ? продолжая, — спросилъ онъ.

— Тотъ кто поумнѣе тебя,—отвѣчалъ Ягайло.

— Мать твоя, да тверскіе холопы тебя вѣрно этому научили?

— Архимандритъ, отецъ Давидъ.

— Онъ тоже тверитянинъ.

— Ну такъ что жъ? Онъ поумнѣе криве-кривейты будетъ. Ты самъ посуди, развѣ истуканы что нибудь понимаютъ, развѣ деревянный Перкунусъ—Богъ?

— Это я, братъ, слыхалъ раньше тебя, отъ русскихъ.

— Ну ладно... сказалъ Ягайло и махнулъ рукою съ неудовольствіемъ.

— Я бы тебя заставилъ послушать рѣчей моей матушки Бируты и твоей тетушки, ты бы не то заговорилъ....

— Ну ладно... У меня есть своя мать—нехуже твоей... Роду то и познатнѣе будетъ.

— Твоя мать христіанка.

— Ну такъ что жъ?

— Она все на свою руку гнетъ.

— А твоя на свою... сердито проворчалъ Ягайло.

— Моя мать...

— Да ладно... отстань ты... перебилъ его Ягайло.

Оба молча продолжали путь.

— Ну если бы живъ былъ дѣдушка Гедиминъ, онъ тебѣ задалъ бы за такія рѣчи, со вздохомъ сказалъ Витовтъ, прерывая первый молчаніе.

— Отстань,—я тебя сказалъ, замѣтилъ Ягайло.

— Мнѣ все равно, нашей ли ты вѣры, нѣтъ ли, я говорю тебѣ то, что народъ говоритъ, заключилъ Витовтъ.

— Какой народъ, русскіе? Спросилъ Ягайло.

— Нѣтъ, литовцы и жмудины...

— А что они говорятъ?

— Да ругаютъ тебя, всѣ жрецы, сигоноты, криве,— вездѣ проклинаютъ тебя...

— А что же отъ этого проклятія будетъ мнѣ? Громъ, что ли убьетъ...

— Нѣтъ, громомъ Перкунусъ убиваетъ только того, кого онъ любитъ и послѣ смерти беретъ къ себѣ на калносъ вѣчнаго счастія...

— А отецъ Давидъ говоритъ совсѣмъ другое. Послушай-ка.

Ну нѣтъ, братъ Витовтъ, я много видалъ колдуновъ и знахарей, хорошо знаю ихъ, а отецъ Давидъ святой человѣкъ...

— Ну ладно, ладно... Ты мнѣ лучше скажи, куда ты ведешь меня?

— Къ божницѣ Паяты, въ липовую рощу.

— Что мы тамъ будемъ дѣлать?

— Я принесу жертву и потомъ чрезъ вайделотокъ вызовемъ духъ Паяты...

— Покойницу?

— Ну да... А ты ужъ робѣть началъ?... Эхъ ты баба!...

— А кто эта Паята, такая?—спросилъ Ягайло.

Витовтъ остановился, и посмотрѣвъ на Ягайлу, сказалъ:

— Ты развѣ не знаешь кто Паята?

— Не знаю.

— А еще сынъ литовскаго короля!...

— Ну да ладно, ты лучше разкажи кто была Паята.

— Поята была дочь Кернуса, владѣтеля верхней Литвы, отъ него и Керново получило названіе. Потомъ Паята была женою вилкомірскаго князя Зивибунда и отъ него родила сына Куковойтиса. Послѣ смерти своего мужа, Паята сдѣлалась вайделоткой и въ этой липовой рощѣ построила себѣ храмину и всю жизнь радѣла нашимъ богамъ. Со всѣхъ сторонъ Литвы стекались къ ней литовцы и жмудины, больные и увѣчные получали исцѣленіе, бѣдные подаяніе, воины смѣлость и храбрость, сироты утѣшеніе,—всѣмъ она была матерью и боги взяли ее на скалу блаженства; прахъ ее сожгли со всѣми живыми вайделотками, которыя служили ей, и на берегу озера Жосла насыпали могильный курганъ, куда поставили жальникъ съ

остатками святой Паяты и съ тѣхъ поръ *), народъ честитъ ее и приноситъ жертвы ей въ этой рощѣ, сказалъ Витовтъ, показывая рукою на темнѣющуюся рощу.

— Знаешь что Витовтъ?

— А что?

— Иди ты одинъ, а я пойду назадъ въ замокъ... Мнѣ что-то скучно дѣлается,—сказалъ Ягайло.

— Ужъ не боишься ли ты?—спросилъ Витовтъ.

— Да право не знаю, только мнѣ какъ будто страшно... Вѣдь ты знаешь, что съ покойниками шутить нельзя.

— Какія же шутки? Я благоговѣніемъ вызову тѣнь ея и спрошу ее о нашемъ ратномъ походѣ, чѣмъ онъ кончится? Да ты не бойся, ничего, я уже не одинъ разъ бывалъ здѣсь въ божницѣ и въ пещерѣ...

— И видалъ тѣнь Паяты?

— Видалъ.

— Что же она тебѣ сказала?

— Мало ли что она говорила, только все, что она говорила, все исполнялось такъ, какъ сказано было...

— Право мнѣ страшно, Витовтъ...

— Мужайся и крѣпись, можетъ она тебя на путь истинный наставитъ, тогда ты и будешь угоденъ богамъ нашимъ, а то теперь на тебя стыдно литовцу смотрѣть... Ты вонъ въ храмѣ Перкунуса въ Вильнѣ, три дня тому назадъ, на общемъ молебствіи о счастливомъ походѣ и на великихъ жертвахъ, куда посланъ былъ съ дружинниками-литовцами своимъ отцомъ,—ты стоялъ какъ палка, не падалъ ницъ во время лелованій, а только смотрѣлъ на одну пригожую вайделотку.... Не хорошо, Ягайло, литовцы за это не любятъ тебя. Коли ты не вѣришь нашимъ богамъ, по крайней мѣрѣ не издѣвайся надъ ними, скрывай свое христіанство отъ литовцевъ.

— За то я молился усердно о благополучномъ походѣ

*) Это было въ 1220 году. (Авторъ).

и о спасеніи твоего отца, въ Пятницкой церкви,— перебилъ его Ягайло.

— Въ Пятницкой церкви и я съ дядей Ольгердомъ былъ, да не смѣялся же надъ христіанскими обрядами, не подымалъ глазъ на верхъ, гдѣ стояли хорошенькія дѣвицы и жены боярскія,—замѣтилъ Витовтъ.

Между прочимъ, въ это время они уже были на окранинѣ лѣса, въ влажномъ воздухѣ запахло липовымъ цвѣтомъ.

— Ну вотъ мы и въ рощѣ Паяты,—сказалъ Витовтъ.

— А далеко божница,— спросилъ Ягайло, слѣдуя за Витовтомъ.

— Не далеко... Вонъ блеститъ огонекъ, это горитъ въ божницѣ неугасаемый Зничь.

Оба молча пошли по извилистой дорогѣ. Ночная мгла, царившая въ чащѣ лѣса, совершенно сокрыла ихъ. Подъ ногами ихъ хрустѣли сухіе сучья, чѣмъ производили легкій гулъ по рощѣ.

— Ну вотъ и божница,— сказалъ Витовтъ, выходя на небольшую луговину и показывая рукою на деревянныя строенія, окруженныя дереванными заборомъ, у воротъ которыхъ шумѣлъ старый дубъ. Витовтъ, предварительно наклонившись передъ дубомъ, всталъ и постучалъ въ ворота.

— Кто тамъ?— Спросилъ женскій голосъ за заборомъ, по литовски.

— Вѣрные слуги боговъ нашихъ: Витовтъ и Ягайло,— сказалъ Витовтъ.

Ворота отворились и нашихъ молодыхъ князей встрѣтили шесть вайделотокъ съ зажженными головнями и съ пѣніемъ обрядной пѣсни.

— Давеча я послалъ съ моимъ дядкой очистительную жертву и также ублажающую, приняли ли ихъ наши боги и дозволяютъ ли намъ войдти въ святую храмину?—Спросилъ Витовтъ.

— Приняли милостиво и дозволяютъ войдти въ храмину,—отвѣчала одна изъ вайделотокъ.

Витовтъ и Ягайло пошли за вайделотками на небольшой холмъ, на которомъ стояла храмина Паяты. Она была безъ крыши, по срединѣ ея на пьедесталѣ, стоялъ металлическій истуканъ Паяты, предъ нимъ, въ довольно глубокой каменной ступѣ, пылалъ неугасимый Зничь. Прямо, противъ единственнаго входа въ трехъ стѣнныхъ нишахъ, стояли литовскіе языческіе истуканы: Перкупусъ, Атримпасъ и Пеклосъ. Направо у входа лежали дубовыя дрова, незамѣнимое топливо Знича. Полъ былъ усыпанъ пахучими травами и цвѣтами.

Въ храминѣ, кромѣ шести вайделотокъ, встрѣчавшихъ молодыхъ князей, находилось еще восемь съ зажженными головнями и кадильницами, изъ которыхъ курился янтарь, въ изобиліи находившійся на Жмуди.

— Радуйся, прекрасная княгиня наша, Паята! на поклоненіе къ тебѣ пришли два молодыхъ литовсхихъ князя,— сказала одна изъ шести вайделотокъ, входя въ храмину и преклоняясь передъ истуканомъ.

Витовтъ тоже послѣдовалъ ея примѣру, только Ягайло, ставъ на одномъ мѣстѣ, началъ озираться на всѣ стороны и съ робкою недовѣрчивостью остановилъ свой взглядъ на истуканѣ.

Вайделотки общимъ хоромъ запѣли обрядную пѣсню и начали прыгать и плясать вокругъ истукана, припѣвая лелованіе. Витовтъ, павъ передъ идоломъ на колѣна, началъ усердно молиться; а Ягайло началъ смотрѣть на вайделотокъ.

Но вотъ лелованіе кончилось; старшая вайделотка подошла къ Витовту.

— Встань, князь, и приблизься къ святому изображенію Паяты. Духъ ея тебѣ сейчасъ повѣдаетъ, какъ кончится ратный походъ. Витовтъ всталъ и, наклонивъ почти-

тельно свою голову, подошелъ къ пьедесталу, на которомъ стояла бронзовая Паята.

— Внемлите, мои сестры, словамъ нашей богини,— сказала старшая вайделотка и всѣ прочія пали низъ. Ягайло тоже было нагнулся, но потомъ видя, что Витовтъ и старшая вайделотка стоятъ, размыслилъ лучше стоять.

— Прекрасная богиня наша! умилостивись обильными жертвами, княземъ Витовтомъ тебѣ принесенными и, ради его безграничной любви къ нашимъ богамъ, сойди съ калнаса вѣчнаго счастія въ твое святое изображеніе и повѣдай ему о благополучномъ окончаніи похода,—торжественно сказала старшая вайделотка, простирая руки передъ истуканомъ.

Наступило молчаніе, всѣ притаивъ дыханіе, ждали предсказаній Паяты.

— «Витовтъ! Твой отецъ Кейстутъ будетъ спасенъ. На помощь нашимъ дружинамъ приспѣетъ самъ Кавасъ. Иди и передай мои слова своей дружинѣ,» — сказалъ какой-то пріятно-гармоническій голосъ, выходившій изъ устъ истукана.

Витовтъ снова палъ низъ и началъ шептать какую-то языческую молитву. Вайделотки встали и запѣли лелованіе. Ягайло же, услыхавъ слова отъ идола, смутился сначала, потомъ почувствовалъ какое-то пріятное опьяненіе. Онъ часто слыхалъ отъ отца Давида, что идолы языческіе говорятъ словами—демоновъ и что падшіе ангелы имѣютъ постоянное пребываніе въ нихъ; но въ голосѣ, исходившемъ изъ истукана, было много звуковъ давно ему знакомыхъ; онъ гдѣ-то ихъ прежде слыхалъ, но гдѣ именно, припомнить не могъ; только звуки эти проникали прямо въ его сердце и заставляли его радостно биться... Устремивъ свои глаза на голову истукана, онъ чего-то ждалъ и надѣялся услышать еще что-то...

Но вотъ Витовтъ всталъ и, обратившись къ старшей вайделоткѣ, сказалъ:

— Можно ли видѣть тѣнь Паяты?

— Боги наши и Паята милостивы къ тебѣ и дозволяютъ войдти въ святую пещеру,—отвѣчала вайделотка.

— И моему спутнику можно?—Спросилъ Витовтъ, показывая на Ягайлу.

— Пусть сперва очиститъ себя какой нибудь жертвой,—отвѣчала вайделотка.

— Ягайло! дай что нибудь, хоть это кольцо,—шопотомъ сказалъ ему Витовтъ, показывая глазами на указательный палецъ Ягайлы, на которомъ былъ надѣтъ драгоцѣнный перстень.

Ягайло повиновался, и снявъ перстень съ руки, отдалъ его вайделоткѣ, а она положила его къ ногамъ истукана.

— Теперь пойдемте,— сказала вайделотка, выходя изъ храмины Паяты. За ней послѣдовали Витовтъ и Ягайло.

Пылающая головня, которую держала старшая вайделотка, освѣщала путь идущимъ.

Они пошли мимо строеній, въ которыхъ царствовали тишина и мракъ, и потомъ, минувъ ихъ, подошли къ небольшому возвышенію, у подножія котораго лежалъ небольшой камень. Подойдя къ нему, вайделотка стукнула по немъ три раза, и камень мгновенно провалился, а на мѣсто его появилась деревянная лѣстница. Вайделотка первая спустилась по лѣстницѣ въ святую пещеру Паяты; за ней послѣдовали Витовтъ и Ягайло. Герой моего романа былъ страшно блѣденъ. Нерѣшительность и страхъползали по его лицу и перемежались какою-то тоскливостью.

Сойдя внизъ, всѣ трое очутились въ довольно обширномъ подземномъ помѣщеніи, или вѣрнѣе выразиться, влажной галлереѣ, воздухъ которой былъ пропитанъ какими-то благовонными веществами. Направо и налѣво, по стѣнамъ пещеры, были сдѣланы изъ янтаря спиральные узоры или, быть можетъ знаки. Въ глубинѣ же противъ входа виднѣлась цѣлая амфилада галлерей, тускло освѣщенныхъ ночниками, которые стояли въ небольшихъ углубленіяхъ,

сделанныхъ въ стѣнахъ подземныхъ галлерей. Вдали мерцалъ какой то блѣдно—голубой свѣтъ, вовсе непохожій на свѣтъ ночниковъ и головни.

Вайделотка, подойдя къ входу ведущему въ галлереи, опустилась на колѣна и, поднявъ руки вверхъ, сказала громкимъ и полнымъ страха голосомъ. Прекрасная княгиня, Паята! Умилостивись надъ двумя защитниками родной земли,—явись имъ,—они желаютъ видѣть тѣнь твою. Сказавъ это, войделотка пала ницъ.

Черезъ нѣсколько минутъ,—оттуда гдѣ блисталъ блѣдно-голубой свѣтъ, начало двигаться что то бѣлое. Постоянно приближаясь къ двумъ молодымъ князьямъ, это что то бѣлое все болѣе и болѣе принимало очертаніе человѣческой фигуры и наконецъ Витовтъ и Ягайло ясно увидѣли женщину, одѣтую въ костюмъ вайделотки, — даже звонъ дѣвичьихъ бубенчиковъ началъ долетать до нихъ. Витовтъ сталъ на колѣна, а Ягайло зажмурилъ глаза. Въ это время изъ амфилады галлерей долетѣли до нихъ стройные звуки языческой—обрядной пѣсни.

Ягайло наклонился къ Витовту и не открывая глазъ, шепотомъ спросилъ его: кто это поютъ?

— Это поютъ вайделотки, сожженныя вмѣстѣ съ прахомъ Паяты, отвѣчалъ Витовтъ. При этомъ Ягайло нечаянно открылъ глаза, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя увидѣлъ тѣнь Паяты... Но вмѣсто ужаса, чего слѣдовало ожидать отъ его робкой и суевѣрной натуры, на лицѣ его, при видѣ Паяты, изобразилось радостное изумленіе. Онъ даже чуть чуть не вскрикнулъ отъ неожиданности. Дѣло въ томъ, что тѣнь Паяты предстала предъ нимъ въ образѣ молоденькой, хорошенькой вайделотки, которую онъ видѣлъ въ Вильнѣ, въ храмѣ перкунуса и на которую, по словамъ Витовта, смотрѣлъ во все время жертвоприношеній. Тотъ же высокой ростъ, тѣже роскошная свѣжесть и молодость, тѣже черные какъ смоль глаза, такіе же волосы, картинно разбросавшіеся по ея

бѣлой шейкѣ, таже ослѣпительная бѣлизна кожи, таже страстная улыбка скользящая на розовыхъ губкахъ, тотъ же темный проницательный взглядъ, таже маленькая соблазнительная ножка, одѣтая въ легкія сандаліи и до колѣнъ обнаженная... Тоже пятнышко на лилейной шеѣ ну точь—въ точь она," подумалъ Ягайло.

— Глаза ихъ встрѣтились и Ягайло впился взоромъ своимъ въ духъ Паяты. Герой моего романа видитъ какъ по лицу тѣни волнообразно пробѣжала розовая краска какъ подымается ея грудь; онъ слышитъ дыханіе ея и стукъ сердца... Къ довершенію изумленія на одномъ изъ пальцевъ Паяты онъ узнаетъ свой многоцѣнный перстень только что принесенный въ жертву въ храминѣ Паяты... Ягайло обезумѣлъ и схватился за голову. Прошло еще нѣсколько минутъ въ созерцаніи призрака, потомъ огни въ нишахъ погасли и Паята исчезла такъ быстро какъ будто бы въ одно мгновеніе провалилась сквозь полъ, или ушла въ стѣну; — оставивъ послѣ себя въ сердце Ягайла цѣлую бурю... Послѣ того какъ погасли огни въ нишахъ и исчезла Паята, вайделютка встала и съ пылающей головней подошла къ выходу. На лицѣ ея была написана благоговѣйная торжественность.

— Витовтъ тоже всталъ и пошелъ за вайделоткой, только Ягайло не трогался съ мѣста, онъ все смотрѣлъ туда, гдѣ за минуту передъ тѣмъ стояла Поята—и гдѣ теперь царилъ таинствѣнный мракъ.

— Ягайло!? Окликнулъ его Витовтъ.

— Ягайло встрепенулся и, придя въ себя, оглянулся назадъ.

— Что тебѣ? спросилъ онъ Витовта.

— Пойдемъ, пора... сказалъ Витовтъ.

— Ягайло повиновался и вмѣстѣ съ Витовтомъ вышелъ по лѣстницѣ изъ пещеры на верхъ. Послѣднею вышла изъ пещеры вайделотка, вслѣдъ за ней лѣстница сама опустилась внизъ, а на мѣсто ея снова явился камень, закрывая-

щій входъ въ святую подземную керновскую катакомбу.

Когда Витовтъ и Ягайло подошли къ храминѣ Паяты, ихъ снова встрѣтили вайделотки и опять съ пѣніемъ. Въ воротахъ обители Паяты, старшая вайделотка прочла молодымъ князьямъ цѣлое напутственное слово и заключила его тѣмъ, что ратный походъ увѣнчается успѣхомъ.

— Молодые князья откланялись и вышли за ворота, которыя сейчасъ же по уходѣ ихъ затворились. Но лишь только успѣли князья сдѣлать нѣсколько шаговъ по извилистой тропѣ, какъ вдругъ изъ задеревьевъ вышло множество вайделотовъ съ зажженными головнями и кадильницами. Во главѣ вайделотовъ, былъ керновскій креве изъ Ромновэ, которое находилось въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ храмины Паяты. Молодымъ князьямъ снова пришлось выслушать пѣніе обрядныхъ пѣсень и напутственную рѣчь отъ креве. Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что вайделоты и креве обращались только къ Витовту, а не къ Ягайлѣ... Покончивъ съ вайделотами и принявъ благословеніе отъ креве, Витовтъ, а за нимъ и Ягайло отправились далѣе.

— Хвала богамъ нашимъ! Все предвѣщаетъ хорошій конецъ похода. Паята явилась сего дня молодою и въ бѣлой одеждѣ; это знакъ благополучія, заключилъ Витовтъ, продолжая путь.

— А знаешь что Витовтъ? Эта Паята черезчуръ ужъ похожа на одну вайделотку въ Вильнѣ, въ храмѣ Перкуна, сказалъ Ягайло,— находясь въ какомъ то восторженномъ состояніи.

— Зажми ротъ ты съ своей вайделоткой. Тѣнь Паяты развѣ можно сравнивать съ гулящей дѣвкой! Сердито замѣтилъ Витовтъ.

— А развѣ та вайделотка гулящая? Спросилъ наивно Ягайло.

— А Ты какъ думалъ?... Имъ самъ криве-кривейто въ этихъ дѣлахъ помогаетъ, отвѣчалъ Витовтъ.

— Такъ вотъ ваши вайделотки какія!! сказалъ Ягайло и громко засмѣялся.

— Витовтъ понялъ свою ошибку и спохватился, но поздно: въ порывахъ негодованія на Ягайлу за сравненіе какой то вайделотки съ тѣнью Паяты,—онъ нехотя очернилъ чистыхъ дѣвъ, — служительницъ знича и богини Прауримы и, съ досады на самого себя, закусилъ до крови свои губы. Витовтъ былъ сынъ Бируты, бывшей нѣкогда тоже вайделоткой; стало быть, въ лицѣ вайделотки, онъ оскорбилъ мать свою. Такое сознаніе было для него хуже ножа обоюдоостраго—тѣмъ болѣе, что Ягайло продолжалъ какъ то особенно дико хохотать.

— Замолчи ты, Ягайло! крикнулъ въ гнѣвѣ Витовтъ, да такъ крикнулъ, что герой моего романа схватился за ручку своего меча. Оба замолчали и черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого вышли изъ липовой рощи на луговину, на которой находился бивуакъ ихъ конныхъ воиновъ.

Витовтъ—любимецъ своей матери, бывшей жрицы въ Полунгѣ былъ воспитанъ въ ея правилахъ и потому сдѣлался рьянымъ язычникомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что видѣлъ дѣйствительно святую тѣнь Паяты и слышалъ ея вѣщія слова,—которыя по ея приказу спѣшилъ передать своей дружинѣ. Для этого онъ пошелъ по окраинѣ поляны и у каждаго пылающаго грудка передавалъ толпившимся ратникамъ слова Паяты, не разбирая—были ли это литовцы, жмудины или русскіе. Оглушительный радостный кликъ былъ вездѣ отвѣтомъ литовцевъ и жмудиновъ на слова Витовта, да и русскіе отъ нихъ не отставали. Послѣдніе не менѣе первыхъ обрадовались такой вѣсточкѣ; въ тѣ времена христіане русскіе, не только простые, но и сами бояре и князья, были въ высшей степени суевѣрны, вѣрили въ чары волшебницъ, боялись колдуновъ, слушали предсказанія знахарей, имѣли на каждый случай свои предразсудки и, оставаясь христіанами, въ тоже вре-

и были непрочь отъ языческихъ суевѣрій. Паята же была самой популярной, доброй богиней.

— Обойдя весь бивуакъ, Витовтъ и Ягайло направились въ замокъ, гдѣ первый сейчасъ же передалъ пѣшимъ латникамъ все то, что говорилъ коннымъ и тутъ такъ же, какъ и на луговинѣ, радостный кликъ заглушалъ послѣднія слова Витовта.

— Послѣ этого, молодые князья отправились въ хоромы, гдѣ оставленная свита ихъ продолжала шумно пировать за большими кубками романеи. При входѣ въ хоромы на порогѣ встрѣтилъ ихъ управитель замка съ поклономъ; Витовтъ, поклонившись управляющему, махнулъ рукой на присутствующихъ и все смолкло. Ставъ на скамейку, онъ сообщилъ своей свитѣ слова Паяты, всѣ встали и, махая мечами, закричали:—смерть нѣмцамъ, смерть хищнымъ ястребамъ!!

ГЛАВА 3-я.

Паята избавительница.

Сквозь слюдистое небольшое окно въ комнату, одной изъ башенъ Керновскаго замка, тускло пробивалась утренняя лѣтняя заря. На одной лѣжанкѣ, устланной медвѣжьими шкурами, спрятавши на половину лицо свое на мягкомъ пушистомъ изголовьи спалъ сладкимъ и крѣпкимъ сномъ Витовтъ Кейстутовичъ, укутанный въ легкое покрывало. Противъ его на другой лежанкѣ также устланной медвѣжьими шкурами покоился Ягайло Ольгердовичъ, глаза его были открыты и блуждали по всей комнатѣ; руки его закинуты были на изголовье подъ голову; покрывало сброшено на полъ... Дыханіе его было неровно и тяжело,— во всемъ даже въ непринужденно-раскинувшейся позѣ замѣтно было, что сонъ бѣжитъ отъ моего героя. Да, онъ не спалъ, предъ нимъ носился образъ высокой красивой молодой дѣвы, которую онъ видѣлъ въ

Вильнѣ въ храмѣ Перкуна—вайделоткой и въ керновской подземной пещерѣ призракомъ Паяты. Странное и непонятное для него совершалось въ эту ночь съ нимъ. Онъ былъ временами то въ огнѣ, то во льду; подобное ненормальное положеніе, сопровождалось неравною лихорадочною дрожью. Сердце его сильно билось и то тоскливо замирало, то радостно трепетало. Паята, какъ призракъ и какъ очаровательная виленская вайделотка овладѣла имъ вполнѣ и не давала ему уснуть всю ночь; онъ бредилъ ею... Вдругъ ему представляется, что онъ находится въ виленскомъ храмѣ Перкуна за большимъ языческимъ служеніемъ, гдѣ приносятъ кровавую человѣческую жертву, онъ слышитъ стоны несчастнаго обреченнаго на жертву—падающаго подъ ударами фанатика *Вуршайтоса* на жертвенный костеръ, онъ видитъ струившуюся кровь изъ дымящейся раны; обонянію его слышится запахъ человѣческаго жареннаго мяса, ему дѣлается дурно, съ омерзеніемъ онъ отворачивается въ другую сторону и взору его представляется толпа вайделотокъ съ красными кровяного цвѣта—лицами, съ демонскими, полными злости глазами, зубы ихъ какъ то неистово щелкаютъ, онъ старается подавить непріятное впечатлѣніе и ищетъ въ толпѣ одну вайделотку, непохожую на прочихъ, но нѣтъ, напрасно блуждаетъ его пытливый взоръ; ее онъ къ несчастію не находитъ, глаза его наполняются слезами и онъ въ рыданіяхъ закрываетъ ихъ... Но вотъ проходитъ минута и онъ ясно слышитъ сперва какой-то шопотъ, а потомъ слова: «открой свои глаза мой милый Ягайло, я съ тобой», онъ открываетъ поспѣшно глаза и видитъ ту вайделотку красавицу, которую напрасно искалъ прежде въ толпѣ невинныхъ дѣвъ. Онъ видитъ теперь этотъ очароватально-божественный образъ и лицо его сіяетъ улыбкой безграничной радости. Онъ видитъ, что она стоитъ на томъ же пьедесталѣ, на которомъ возсѣдаетъ самъ криве-кривейто, передъ грознымъ Перкунусомъ, страшнымъ Пеклосомъ и лукавымъ Атримпо-

рамъ. Въ ея рукѣ блеститъ жертвенный ножъ. Ему чудится что она манитъ его рукою, и взглядомъ какъ будто обѣщаетъ безконечныя блаженства... Голова его кружится, онъ бросается по ступенькамъ на пьедесталъ и въ припадкѣ любовнаго опьяненія протягиваетъ къ ней руки, чтобы обвить ее прелестный станъ. Но вмѣсто этого, она сама прильнула къ нему и крѣпко обняла его. Еще моментъ и распаленному воображенію Ягайлы чудится, что они летятъ изъ храма Перкуна къ верху,—въ лазурное небо. Вотъ они уже высоко надъ Вильной, съ верху изъ голубой безконечности къ нимъ на встрѣчу падаютъ звуки пѣнія. Пѣнія такого, о которомъ прежде не только не слыхалъ, но даже не имѣлъ понятія Ягайло. Какъ будто все безпредѣльное міровое пространство было наполнено чарующими звуками существъ неземныхъ. У Ягайлы отъ избытка счастія захватываетъ духъ. Но вотъ ему послышался какой-то непріятный звукъ назади ихъ и въ тоже время онъ почувствовалъ въ лѣвой ногѣ страшную боль, онъ оглядывается назадъ и о ужасъ!!... За ними гонится страшный властитель ада, Пеклосъ и съ нимъ цѣлая вереница разныхъ чудовищъ. Костлявая рука Пеклюса уже схватила Ягайлу за ногу, другою онъ повелительно указывалъ на землю. Взоръ его былъ до того ужасенъ, что небо потемнѣло въ глазахъ Ягайлы и онъ закрывъ глаза съ визгомъ бросился въ низъ на землю...

Бредъ при этомъ на нѣсколько минутъ его оставилъ, Ягайло пришелъ въ себя и увидѣвъ, что онъ свалился не съ неба, а съ лежанки на полъ, радостно улыбнулся.

„Слава Богу! это во снѣ, а не на яву я видѣлъ", подумалъ Ягайло, и вставъ сѣлъ на лѣжанку. Сердце его сильно билось, глаза горѣли, на лицѣ былъ отпечатокъ страшнаго испуга.

— Войдыйло! крикнулъ онъ, обращаясь къ единственному входу въ эту комнату, у порога котораго спали на полу, его и Витовта конюшіе—дядьки. Но Войдыйло спалъ

какъ мертвый, испуская носовыя звуки, въ которыхъ слышался богатырскій свистъ. Ягайло снова окликнулъ его и снова не получилъ отвѣта. У него сохло во рту и томила жажда, ему страшно хотѣлось пить. Пришлось самому встать и подойдти къ столу на которомъ стояло питье въ кувшинахъ. Напившись, онъ снова бросился на лѣжанку и почувствовалъ себя гораздо лучше; благодѣтельный сонъ началъ смыкать его воспаленные вѣки, но вдругъ онъ чувствуетъ, что голова его въ огнѣ и какъ будто бы каменная, онъ старается приподнять ее, но неможетъ, въ глазахъ у него рябитъ, по стѣнамъ комнаты ползаютъ голубые звѣзды, сама комната какъ будто бы наклонилось и какъ будто бы двигается въ правую сторону, на потолкѣ онъ видитъ какіе-то узоры разныхъ цвѣтовъ, а на полкѣ онъ встрѣчаетъ два знакомые глаза, смотрѣвшіе изъ-подъ шлема... Полка наконецъ двигается и передъ нимъ является снова образъ той дѣвы, съ которою летѣлъ въ поднебесьѣ,—только теперь милый ликъ этотъ предсталъ предъ нимъ не въ костюмѣ вайделотки, а въ его собственныхъ бранныхъ доспѣхахъ. Ягайло стремится къ ней на встрѣчу и хочетъ обнять милый призракъ, но желѣзо-латъ и кольчуги мѣшаютъ ему. Онъ порывается сбросить съ нее тяжелые доспѣхи и въ это время бредъ кончается, видѣніе изчезаетъ и Ягайло прійдя въ себя видитъ, что онъ стоитъ въ углу комнаты далеко отъ своего ложа,—у полки, на которой лежатъ его бранные доспѣхи. Правая рука его обняла холодную кольчугу. Онъ насмѣшливо улыбается и грустно идетъ къ лѣжанкѣ. Опять нѣсколько сознательныхъ минутъ проходятъ и снова наступаетъ бредъ. Ему чудится, что милая дѣва сидитъ на его ложѣ и привѣтливо ему улыбается. Онъ протягиваетъ къ ней руки и крѣпко обнимаетъ ее... Наконецъ онъ видитъ, что они сидятъ обнявшись на камнѣ, вокругъ нихъ волнуется зеленѣющее цвѣтистое поле, у ногъ ихъ журчитъ источ-

никъ, въ воздухѣ пахнетъ благоуханіями... Восторгамъ и радостямъ нѣтъ конца...

— Паята! я люблю тебя. Шепчетъ онъ и крѣпче прижимается къ ней.— «Я люблю тебя! Повторяетъ онъ и съ замираніемъ сердца ждетъ отвѣта на свое признаніе, но отвѣта нѣтъ.—" Я люблю тебя!" вырывается снова у него изъ груди. Но увы! уста ее сомкнуты, на розовыхъ губкахъ ползаетъ таже страстная улыбка, но за то глаза ее говорятъ живѣе всякихъ словъ, Ягайло понимаетъ по этому взору отвѣтъ ея и блаженствуетъ. Но вдругъ онъ видитъ что изъ водъ источника выплываетъ на верхъ въ видѣ пара фигура Витовта, лицо его пышетъ злобою и гнѣвомъ. Онъ начинаетъ упрекать Ягайлу за любовь къ служительницѣ Праурима и схвативъ ее бросаетъ въ глуби источника. Ягайло отъ жалости вскрикиваетъ и снова пробужденіе наступаетъ.

— „Опять во снѣ!" Шепчетъ онъ, но видитъ передъ собой дѣйствительно Витовта.

— Что съ тобой Ягайло? Спрашиваетъ его съ участіемъ Витовтъ.

— А что? Въ свою очередь спрашиваетъ Ягайло, мутно смотря на Витовта.

— Ты ужасно стоналъ во снѣ, я разбудилъ тебя. Говоритъ Витовтъ.

— Я стоналъ? ... Ахъ да! ... Витовтъ! Дорогой мой братъ! Спаси меня, я не знаю что сомной дѣлается, я видѣлъ Паяту, она меня преслѣдуетъ и не даетъ покою... я видѣлъ ее. Несвязно шепталъ Ягайло.

— Витовтъ грозно посмотрѣлъ на него.

— Безуменъ ты Ягайло. Сердито проворчалъ Витовтъ и отойдя отъ него легъ на свою постель и закутавшись въ покрывало снова заснулъ крѣпкимъ сномъ.

— Ягайло черезъ нѣсколько минутъ снова впадаетъ въ бредъ, ему чудится, что Паята окруженная вайделотками лежитъ мертвая. Подходятъ жрецы зачлатели берутъ ее

и кладутъ на пылающій костеръ. Милый трупъ обхватываетъ пламя, лицо надувается и съ каждымъ моментомъ дѣлается безобразнѣе. Ягайло закрываетъ лицо руками, отворачивается и просыпается...... Ему больно, грустно, его сердце обливается кровью, ему хочется плакать и онъ горько плачетъ...

— Впечатлѣніе послѣдняго сна или видѣнія въ бреду такъ сильно, что ему и на яву кажется что Паята умерла для него, что онъ болѣе никогда не увидитъ ее. Слезы обильнымъ потокомъ льются изъ глазъ его...

— Но вотъ послѣ долгихъ благодѣтельныхъ слезъ онъ успокаивается, забывается и засыпаетъ на нѣсколько минутъ, сладкимъ сномъ. Приходятъ эти блаженныя минуты и снова милая тѣнь носится въ его разгоряченномъ воображеніи. То онъ въ подземной пещерѣ съ Паятой, то въ какихъ то заколдованныхъ странахъ, и опять таки съ ней. Наконецъ онъ слышитъ слова Паяты, она зоветъ его въ липовую рощу, онъ идетъ за ней... По его тѣлу пробѣгаетъ нервическая дрожь и онъ просыпается. Въ это самое время утренная заря начала пробиваться сквозь слюдистое окно въ комнату, гдѣ спали князья и ихъ конюшіе— дядьки.

— Ягайлу дѣлается страшно жарко и душно, онъ встаетъ съ ложа, надѣваетъ парчевой кафтанъ, набрасываетъ кожухъ *) на плечи, накрываетъ свою голову шлемомъ, беретъ перевязь, на которой виситъ татарская сабля и хочетъ идти вонъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ двери, онъ останавливается и начинаетъ будить Войдыйлу, но послѣдній, не смотря на чувствительные толчки Ягайлы и оклики, спалъ какъ убитый. Не добудившись его Ягайло махнулъ рукою и въ изнеможеніи сѣлъ на свою кроватъ. Долго онъ просидѣлъ такъ болѣзненно и безмысленно смотря въ низъ на полъ, наконецъ ему слышится какой-то шорохъ, онъ оглядывается и о радость!—у двери видитъ Паяту... Она манитъ его къ себѣ и показываетъ на вы-

ходъ,—онъ повинуется и идетъ за ней изъ комнаты въ темный извилистый корридоръ, потомъ спускается по лѣстницѣ въ низъ и выходитъ на площадку замка. Паята исчезаетъ въ глазахъ его, исчезаетъ такъ какъ исчезаетъ тѣнь или призракъ, не оставляя послѣ себя ни какихъ признаковъ о своемъ существованіи. Онъ оглядывается назадъ, ищетъ ее вездѣ, но напрасно, вокругъ него зубчатыя стѣны керновскаго замка, да жилые покои, въ которыхъ помѣщался гарнизонъ... Ягайло направляется къ воротамъ. Полусонныя латники отворяютъ ихъ и герой мой выходитъ изъ замка по подьемному мосту. Остановившись на луговинѣ, онъ смотритъ на спящій лагерь конныхъ воиновъ, грудки уже погасли и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мерцалъ еще потухающій огонекъ, который поддерживали дозорные латники. Высокая и густая трава, которая была на всей полянѣ до прихода сторожеваго полка, теперь вся почти была съѣдена лошадьми и частію помята. Ягайло посмотрѣлъ на право къ берегу Виліи, тамъ между тремя пушистыми березами, онъ замѣчаетъ что то бѣлое, движущееся и какъ будто бы прозрачное. Сердце его говоритъ что это сама Паята и онъ идетъ къ ней. Но чѣмъ болѣе приближается онъ къ березамъ, тѣмъ ясное очертывается—форма расколотой громомъ березы, надломленный стволъ которой качался во всѣ стороны. Ягайло этимъ не довольствуется, а все болѣе приближается къ четвертой разбитой березѣ, вотъ уже онъ подлѣ нее,—дотрогивается рукою, слышитъ скрипъ ствола... въ это время онъ чувствуетъ подъ ногами какое то колебаніе почвы, смотритъ въ низъ и отъ ужаса у него захватываетъ духъ, онъ стоитъ на высокомъ крутомъ берегу Виліи, изъ подъ ногъ его съ шумомъ падаютъ песокъ и камни, еще шагъ и онъ полетѣлъ бы въ низъ и разбился въ дребезги о каменистое дно рѣки Виліи. Поспѣшно онъ идетъ назадъ и направляется по тропинкѣ въ липовую рощу, куда его тянетъ какая-то невѣдомая сила, которой противиться

онъ не можетъ. На пути по всему протяженію ему кланяются дозорныя латники, оберегающіе своихъ спящихъ товарищей, Ягайло не замѣчаетъ этого, взглядъ его устремленъ въ липовую рощу; мысль его въ подземной пещерѣ Паяты: „Я разбужу вайделотокъ и попрошу показать мнѣ вторично тѣнь Паяты... Да, я долженъ ее видѣть во что бы то не стало." Думаетъ Ягайло и имъ овладѣваетъ какая-то удаль не свойственная его вялой натурѣ.

Утренняя лѣтняя прохлада освѣжаетъ его и онъ понемногу приходитъ въ нормальное положеніе. Только въ головѣ онъ чувствуетъ боль и шумъ отъ безсонницы.

Но вотъ и липовая роща. Какъ хороша она при утренней лѣтней зарѣ, сколько таинственнаго, сколько чарующаго тогда въ ней. Пѣніе и щебетаніе проснувшихся птицъ,— игривый шелестъ листьевъ и паденіе липоваго цвѣта, которымъ пахнетъ въ влажной лѣсной атмосферѣ, а также широкія темныя стволы липовыхъ деревъ, поросшихъ мохомъ, производятъ самое успокоивающее дѣйствіе на глаза и душу человѣка.

Ягайло идетъ и впиваетъ въ себя воздухъ. Вотъ онъ уже у забора, которымъ обнесена храмина Паяты, остановившись въ воротахъ, онъ начинаетъ прислушиваться. Тишина господствуетъ за заборомъ и повременамъ только она нарушается трескомъ топлива *Знича* да легкимъ кашлемъ вайделотки, сторожившей священный огонь. Ягайло слышитъ какъ бьется его собственное сердце и не знаетъ что ему дѣлать. Въ нерѣшительности онъ обходитъ кругомъ заборъ и снова подходитъ къ воротамъ, въ щелку которыхъ начинаетъ смотрѣть однимъ глазомъ. Но въ это время изъ чащи рощи выбѣжали два здоровыхъ вайделота и схвативъ моего героя за руки, мгновенно подтащили его къ дубу, завязали ему ротъ какой-то тканью, послѣ чего крѣпко привязали всего его толстыми веревками къ стволу дуба и скрылись тамъ отъ куда пришли; это было такъ неожиданно для Ягайлы, такъ скоро, что онъ даже

не успѣлъ вскрикнуть. Онъ былъ ошаломленъ этимъ и долго послѣ этого не могъ прійдти въ себя.—„Ужъ не опять ли это мнѣ видиться во снѣ,—не опять ли бредъ больной души?" думаетъ онъ и хочетъ крикнуть, но увы! звукъ его голоса не лѣтитъ черезъ толстую ткань, которой завязанъ его ротъ, онъ открываетъ глаза, но они тоже завязаны и ему представляются только зеленые, плавающіе круги; онъ порывается сдѣлать движеніе всѣмъ корпусомъ, но страшная боль отъ жестокихъ веревокъ не дозволяетъ ему этого исполнить. „Нѣтъ не во снѣ это случилось, а на яву", думаетъ Ягайло и тоскливое чувство овладѣваетъ имъ. До слуха его долѣтаютъ звуки рожка его дружины, звуки эти ему знакомы, они зовутъ къ походу. „Сейчасъ встанутъ всѣ, осѣдлаютъ коней, да и уйдутъ, уйдутъ пожалуй безъ меня" продолжаетъ думать Ягайло и ослабѣваетъ духомъ.

Звуки рожка смолкли, вслѣдъ за ними поднялся шумъ и крики просыпающихся воиновъ: „Кто меня привязалъ къ дереву? Зачѣмъ, для чего? Ужъ не Витовтъ ли хотѣлъ посмѣяться?.." Задаетъ себѣ вопросы Ягайло и не рѣшивъ ихъ предается безсильной злобѣ... Въ озлобленіи онъ начинаетъ ругать и проклинать весь міръ и всѣхъ людей, а въ особенности своего конюшаго Войдыйлу. О если бы герой мой былъ на свободѣ теперь, да въ эту минуту предсталъ бы передъ нимъ Войдыйло, онъ убилъ бы его своею рукою. Такъ великъ былъ гнѣвъ его. А между тѣмъ время идетъ, время бѣжитъ... Ягайло наконецъ слышитъ звуки рожка Витовта, а этотъ молодой князь трубилъ только въ крайнихъ и важныхъ случаяхъ: „Витовтъ меня хватился. Онъ найдетъ меня здѣсь въ такомъ положеніи и будетъ смѣяться надо мной. „Думаетъ Ягайло и отъ бѣшенства кусаетъ свой языкъ... Вдругъ ему чудится, что по правой ногѣ его ползетъ шипящая змѣя и уже забирается за обувь. Онъ напрягаетъ свои силы и старается освободить свою ногу, но чувствуетъ при этомъ невыносимую боль, какъ

будто бы змѣя уже впустила въ его тѣло свое смертельно-ядовитое жало, воображенію его представляется какъ нога его пухнетъ и чернѣетъ, ему дѣлается душно, онъ опускаетъ голову... Но въ это время, повязка сваливается съ глазъ его и потомъ съ губъ. Онъ поспѣшно поднимаетъ голову и видитъ: сквозь вершины деревъ, пробиваются лучи восходящаго солнца. Ягайло испускаетъ радостный грудной звукъ... При этомъ къ ногамъ его упали веревки которыми онъ былъ привязанъ къ дубу. Герой моего романа на свободѣ, но онъ не довѣряетъ ей и оборачивается назадъ. Въ трехъ шагахъ отъ него стояла божественная по красотѣ своей Паята...

Ягайло обезумѣлъ, кровь хлынула въ голову, онъ забылъ боль и змѣю и все на свѣтѣ и только впивался взоромъ своимъ въ очаровательный образъ. Слезы благодарности брызнули изъ глазъ его и онъ упалъ на колѣна.

— Спасительница моя, скажи мнѣ, кто ты? Вайделотка ли ты, которую я видѣлъ въ виленскомъ храмѣ Перкуна, или тѣнь Паяты? — спросилъ Ягайло почтительнымъ тономъ.

Но вмѣсто отвѣта она привѣтливо улыбнулась и поднявъ руку, приложила одинъ пальчикъ къ розовымъ губкамъ своимъ. Другою рукою она указала сперва на солнце, а потомъ на тропинку ведущую изъ липовой рощи на луговину. Ягайло, не понявъ этихъ знаковъ, бросился къ ногамъ ея.

С. Калужинъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ВСПОМИНАНІЕ О НЕДАВНЕМЪ ПРОШЛОМЪ.

(КАРТИНА ИЗЪ ЕВРЕЙСКАГО БЫТА.)

(Окончаніе) (*)

6.

ВЛІЯНІЕ ХЕДЕРА.

Дайте-жъ мнѣ хотя въ дѣтствѣ свободу,
Дайте вольно всей грудью вздохнуть!...
Чтобъ я послѣ, въ тяжелые годы,
Могъ хоть дѣтство добромъ помянуть.
Добролюбовъ.

„На зеркало неча пѣнять, колы рожа крива."
(*Народная пословица*).

Подъ опекою этого такъ называемаго *дардики-меламда* я томился слишкомъ четыре года. Вообще онъ, какъ вся его братья-меламды, занимался съ учениками своими сонливо, вяло и лѣниво, словно ручной медвѣдь, неимѣющій личнаго желанія плясать, а только танцующій подъ вліяніемъ палки ходебщика. По большей части меламедъ откладывалъ свое завѣтное ремесло воспитывать еврейскихъ дѣтей въ чисто еврейскихъ духѣ, въ сторону и, подобно всѣмъ грѣшнымъ, занимался обыкновенными буднишними дѣлами. Дѣла эти у ребъ Зораха-Береля, кромѣ сватовства, ремесла, свойственнаго этой категоріи людей, были еще треніе табаку для себя и для продажи, отчего я въ первые дни моего вступленія въ этотъ содомъ чихалъ безъ умолку (но человѣкъ ко всему горькому привыкаетъ), приготовленіе продуктовъ для своей любимой половины, промышлявшей вареным горохомъ, который въ большомъ ходу въ молельняхъ послѣ утренней и вечерней молитвъ, перебранка по цѣлымъ часамъ съ еврейками, приходившими разсчитываться за перья и имѣвшими поползновеніе

---

*) См. Кн. 11 Вѣст. Зап. Россіи.

увернуться отъ надлежащаго платежа его сожительницѣ, которая чистила эти перья въ досужее время въ углу хедера. Случись только у кого изъ зажиточныхъ евреевъ заболѣть ребенку, ребъ Зорахъ-Берель всегда былъ первымъ изъ десяти вѣстниковъ, которыхъ несчастный родитель отправляетъ на кладбище увѣдомить о своемъ горѣ своего давноумершаго отца; когда же больное дитя умираетъ, ребъ Зорахъ-Берель уже бормоталъ въ носъ за упокой души преставившагося псалмы и извѣстное число отдѣловъ мишны за скудное число копѣекъ. Далѣе читателю извѣстно, что ребъ Зорахъ-Берель принадлежалъ къ сектѣ хосидовъ, а у насъ, евреевъ, сложилась такая поговорка „спросите у хосида,-ты, дескать, какимъ ремесломъ занимаешься? И вы получите въ отвѣтъ: „я молъ, хасидъ". Слѣдовательно понятно, что у моего наставника было множество собственно хасидскихъ дѣлъ: онъ рѣдко бывалъ въ хедерѣ, когда же бывалъ, то или рѣшительно спалъ, лежа, на койкѣ, которая красовалась возлѣ кіота, или сидѣлъ и полуспалъ. Въ такихъ, очень частыхъ, случаяхъ каѳедру меламда занималъ помощникъ его, такъ называемый „бегельферъ." Послѣдній находился въ хедерѣ, какъ говорится, на одной доскѣ съ самымъ меламдомъ, то есть, подобно меламду, бегельферъ имѣлъ полное право, ни за что, ни про что, колотить своими костистыми кулаками и теребить за пейсы и уши учениковъ, когда только его душѣ заблагоразсудилось; зачастую работали и розги. Но, къ немалому счастію всѣхъ учениковъ, бегельферъ этотъ былъ не совсѣмъ чистъ на руки, и въ прямомъ, и въ переносномъ значеніяхъ. Гдѣ же достать денегъ для подкупи бегельфера, и такъ избавить спину отъ его рукъ? Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не затрудняются надъ рѣшеніемъ этого вопроса; а на просто повѣрите-ли, совѣтовалъ, справедливѣй-велѣлъ воровать у родителей. Какъ теперь помню, въ первый разъ послѣ такого совѣта, я ужаснулся, и началъ было спорить: „въ

такомъ случаѣ я сдѣлаюсь воромъ", сказалъ я, а кража, какъ сказала мнѣ мать строжайше запрещается Богомъ, и онъ страшно наказываетъ воровъ въ будущемъ свѣтѣ огнежелѣзными прутьями; но бегельферъ отвѣчалъ: „Я старше тебя, слѣдовательно больше тебя училъ и очень хорошо знаю, что только у чужихъ нельзя красть, а у собственныхъ родителей позволяется. Нельзя впрочемъ, обвинять поголовно всѣхъ меламдовъ и бегельферовъ, но на мою долю выпалъ таковъ меламедъ и бегельферъ.

Надѣюсь, читатель вспомнитъ, что когда-то заботливый тятенька этого *честнаго* бегельфера, желая воспитывать свое любимое чадо, какъ выражаются меламды, въ чисто еврейскомъ духѣ, опредѣлилъ своего сынка также въ хедеръ къ меламду, и если мы съ нашей стороны укажемъ, откуда теорія бегельфера „у чужихъ нельзя красть, а у собственныхъ родителей можно" беретъ свое начало, то онъ нисколько не обвинитъ бегельфера въ ея инициативѣ: но все-таки бегельферу не къ чему было торопиться сообщить мнѣ на шестомъ году моего возраста это зловредное хедерское назиданіе, когда годомъ позже я тоже самое узналъ изъ устъ самаго ребъ Зораха-Береля? Это было, когда ребъ Зорахъ-Берель училъ со мною стихъ „кто ограбитъ отца своего и матерь свою, и говоритъ, что это не грѣхъ, тотъ товарищъ разбойнику" я началъ было наперехватъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ хедерахъ, объяснять эти слова, и все вышло бы, надѣюсь, ясно, свѣтло какъ день; но ребъ Зорахъ-Берель остановилъ меня: стой, говоритъ, ты уже Богъ вѣдаетъ, куда залѣзъ, я тебя выведу на чистую воду. Въ этомъ стихѣ вовсе не говорится объ отцѣ и матери. Грабить собственныхъ родителей грѣхъ еще не большой. Слушай, продолжалъ меламедъ, что премудрѣйшій царь понималъ въ этомъ стихѣ: кто ограбитъ Творца и іудейство, то есть, кто съѣстъ что нибудь прежде не сотворивъ молитвы, тотъ товарищъ разбойнику.—Іеровоаму израильскому царю, который поставилъ въ своемъ

царствѣ два золотыхъ тельца и принудилъ всѣхъ своихъ подданныхъ покланяться имъ. Когда я, не смотря на мое малолѣтство, спросилъ его: вѣдь Іеровоамъ царствовалъ послѣ смерти Соломона, откуда же Соломонъ могъ знать, что впослѣдствіи Іеровоамъ поставитъ этихъ идоловъ? Меламедъ закричалъ: ужъ съ-издѣтства видно, что ты будешь такимъ же эпикурейцомъ, какъ твой братъ. Впередъ слушай, что я говорю тебѣ и не смѣй возражать, потому что отъ себя я никогда не говорю: такъ сказано въ самомъ талмудѣ! Бегельферъ самодовольно щолкнулъ языкомъ и вытянувъ немножко шею, своими глазами какъ бы говоря: „что правда моя"! На первыхъ порахъ мнѣ трудно приходилось исполнить наставленіе этого наставника-бегельфера, но къ чему грѣшный человѣкъ не привыкаетъ? Мало по малу я привыкъ къ легкому способу добыванія денегъ и, со дня на день, больше и больше воровалъ для моего наставника-бегельфера. И доселѣ еще, когда, по временамъ, мысленно приходится мнѣ перелистывать книжку моихъ воспоминаній, на первой страницѣ, которая будто нарочно попадается мнѣ въ руки неизглаженными чертами записанъ тотъ случай, какъ я въ первый разъ, по совѣту бегельфера, приступилъ къ кражѣ. Однажды ночью, когда всѣ въ нашемъ домѣ погрузились въ крѣпкій сонъ, я на цыпочкахъ по тихоньку добрался до кармана матери и, судорожно схвативъ серебрянную монету по велемудрому совѣту наставника-бегельфера, положилъ ее до поры, до времени подъ ножку моей кроватки, а въ случаѣ если подозрѣніе въ кражѣ падетъ на меня (у страха глаза велики), обѣщаясь таикомъ возвратить на прежнее мѣсто. Такъ какъ только начало всякаго дѣла трудно, то мнѣ тяжело было исполнить наставленіе бегельфера только въ первый разъ; послѣ дѣло пошло какъ по маслу, наконецъ я уже не довольствовался прежнею теоріею бегельфера „у собственныхъ родителей можно воровать" и началъ примѣнять его мораль и къ чужимъ карманамъ. Всякое утро,

когда бегельферъ водилъ команду ребъ Зораха Береля въ хедеръ, онъ бывало сказывалъ намъ: ступайте къ этой торговкѣ и притворяйтесь будто хотите купить что нибудь, лишь только она посмотритъ въ сторону, вы проворно хватайте что подвернется подъ руку: булку ли, калачъ ли, пряничекъ ли и улепетывайте безъ оглядки Такимъ образомъ каждый Божій день команда ребъ Зораха-Береля воровала у этихъ бѣдныхъ торговокъ и я, по словамъ моего наставника, былъ мастеромъ своего дѣла. Но человѣкъ никогда не довольствуется тѣмъ, что у него есть, и бегельферъ видя, что во мнѣ онъ нашелъ себѣ кладъ, приказалъ мнѣ сказать матери, что меламедъ наказывалъ строго-на-строго впередъ не молиться дома, а въ хедерѣ, и что, слѣдовательно, мать давай мнѣ въ хедеръ вмѣсто булокъ чистоганомъ. Само собой скудныя копѣйки бохуровъ попадались въ плѣнъ бегельферу. Бегельферъ внушалъ даже особенныя правила на счетъ молитвы: по закону, говорилъ онъ, слѣдуетъ молиться только взрослымъ людямъ, а не мальчикамъ. Волей-не-волей—я долженъ былъ согласиться на все и ежедневная до трехъ часовъ по полудни (тогда отпускали насъ обѣдать) пустота въ животѣ продолжалась около четырехъ мѣсяцевъ. Однажды ночью я ложился уже было спать, но мнѣ что то не спалось, я ворочался съ боку на бокъ, какъ рыба на сковородѣ; всѣ въ нашемъ домѣ (братъ мой ужъ тогда пріѣхалъ домой въ качествѣ ученика раввинскаго училища, т. е. не замаскированъ въ длинномъ кафтанѣ.) Сидѣли да раздобаривали о разныхъ разностяхъ. Когда разговоръ ихъ, наконецъ началъ касаться меня, я подслушивалъ.

— Чтобы это значило? съ материнскою заботливостью замѣтила мать, что съ того дня какъ мы познакомили его (меня-то) съ хедеромъ, онъ совершенно перемѣнился, каждымъ днемъ замѣтнѣе онъ худѣетъ, сохнетъ, — просто какъ свѣча таетъ?...

— Вѣстимо, моя жена, отвѣчалъ отецъ на замѣчаніе

матери, иначе и быть не можетъ. И лошадь, когда она на волѣ въ степи, гораздо здоровѣе, чѣмъ послѣ, когда начинаютъ употреблять ее въ упряжь. Прежде сынъ нашъ, какъ теленокъ, кромѣ спанья, ѣды, да гулянья, ничего не зналъ, а теперь, слава Богу, ребъ Зорахъ-Берель по цѣлымъ днямъ занимается съ нимъ въ хедерѣ.

— Конечно, иронически замѣтилъ братъ,—шутка-ли эта глубокомысленная, головоломная мудрость, которую ребъ Зорахъ-Берель внушаетъ въ хедерѣ своимъ развитымъ слушателямъ! Есть отчего высохнуть мозгу дитяти, есть отчего похудѣть, сохнуть, таять какъ свѣча; ребъ Зорахъ-Берель навѣрное уже успѣлъ выучить его въ это время ворочать цѣлымъ алфавитомъ на разныя манеры!

— Ужъ на счетъ хедернаго ученія прошу тебя не безпокоиться, въ вашихъ проклятыхъ училищахъ, быть можетъ, учитель успѣетъ выучить своихъ школьниковъ въ такое время только читать, какъ тамъ по вашему правильно, что ли? а у насъ, евреевъ, лишь только дитя начало читать по складамъ, въ былое время, меламедъ уже училъ его талмуду, а теперь, за наши тяжкіе грѣхи, наши дѣти не способны въ такихъ лѣтахъ къ талмуду, и ихъ учатъ библіи только. Развѣ въ ту пору, когда меламедъ учитъ ихъ библіи или талмуду, дѣти не упражняются въ чтеніи? Да, хедерное ученье не одного полета съ школьнымъ.

Здѣсь мы пропускаемъ длинный споръ отца съ братомъ о томъ, слѣдуетъ ли изсушать мозгъ шестилѣтняго ребенка талмудомъ, или нѣтъ; отецъ ратовалъ за огромную пользу и необходимость этого лабаринта, а братъ доказывалъ, что подобное ученье вредно, гибельно для дитяти, какъ слишкомъ черствый хлѣбъ для слабонервнаго, лимфической натуры паціента. Хотя побѣда тогда, къ сожалѣнію, осталась на сторонѣ отца, но справедливость требуетъ сказать, что она досталась ему по праву сильнаго: отецъ закричалъ на брата, пригрозилъ и велѣлъ ему молчать.

— Господи, Боже мой! что это за дурь, что это за

хаосъ, въ головахъ всѣхъ этихъ воспитанниковъ раввинскаго училища! — продолжалъ отецъ; всѣ они-то-и-дѣло толкуютъ о жалкомъ положеніи, по ихъ словамъ, воспитанія нашихъ еврейскихъ дѣтей!

— Какъ воспитывать и образовать дѣтей,— смѣю тебѣ доложить, батюшка, какіе для того пріемы употреблять,— это задача весьма нелегкая; отъ того у христіанъ заведено, чтобы человѣкъ прежде получилъ нужное образованіе, сдѣлался самостоятеленъ, опредѣлился на службу или изучилъ какое нибудь ремесло, производство, обезпечивающее его жизнь и тогда уже рѣшается обзаводиться женой, дѣтьми, а у насъ—евреевъ, къ сожалѣнію, каждый шестнадцатилѣтній мальчишка уже состоитъ въ спискѣ жениховъ, а безмозгіе родители даже сами навязываютъ этимъ ребятишкамъ женъ, и такимъ образомъ заставляютъ ихъ, неимѣющихъ никакого понятія о жизни, практически рѣшать эту трудную задачу, которая, конечно, имъ не по силамъ. Сердце обливается кровью, продолжалъ братъ,—когда вспоминаю, что евреи поручаютъ воспитаніе своихъ дѣтей этимъ безумнымъ, меламдамъ, или этимъ безчестнымъ бегельферамъ! Шестилѣтній ребенокъ уже видитъ, какъ бегельферы амурничаютъ съ служанками своихъ хозѣевъ, какъ они воруютъ и учатъ воровать! Наше мудрое и милосердное правительство обратило на эту мерзость свое просвѣщенное око и учредило для насъ—евреевъ, раввинскія училища, гдѣ образованные наставники учатъ насъ уму-разуму, обогащаютъ насъ познаніями, безъ которыхъ на многотрудномъ пути жизни, рѣшительно нѣтъ спасенія. По этому на каждомъ изъ насъ лежитъ святая обязанность вырвать эти невинныя жертвы, еврейскихъ дѣтей, изъ меламедскаго калѣчества и стараться образовать изъ будущаго еврейскаго поколѣнія истыхъ русскихъ гражданъ.

— Напрасно выбивается изъ силъ вся ваша братья: смотрители, учители, казенные раввины, да старые эпикурейцы—ваши наставники,—напрасно, говорю, всѣ они вы-

биваются изъ силъ, чтобы перерождать, по вашимъ словамъ, народъ израильскій! Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Могу увѣрить тебя, что всѣ вы лопнете съ натуги, а мы останемся по прежнему истинными евреями. Если даже будутъ строжайшія приказанія, чтобы всѣ посылали своихъ дѣтей въ училище, мы—евреи, всѣ, отъ мала до велика, будемъ поститься, отправимся на кладбище и будемъ гробы рвать, покуда Богъ не сжалится надъ нами и не отмѣнятся эти приказанія, и пока не будетъ потомъ позволено воспитывать по прежнему нашихъ дѣтей въ чисто-еврейскомъ духѣ, въ хедерахъ у меламдовъ. Не даромъ на N-скомъ кладбищѣ похоронены великіе талмудисты!... Отецъ сдѣлалъ паузу и продолжалъ: вотъ, хоть бы смотритель изъ за чего, подумаешь, бьется! Ходятъ къ тебѣ въ школу нѣсколько мальчиковъ; какое тебѣ, дуракъ, дѣло до того, чьи они богатыхъ-ли родителей, которые сами посылаютъ своихъ дѣтей, или кагалъ платитъ бѣднягамъ, чтобы они позволили своимъ оборвышамъ-дѣтямъ ходить въ училище, на случай, если пріѣдетъ какой нибудь начальникъ, и чтобы, значитъ и волкъ былъ сытъ и овцы цѣлы. Получаешь свое жалованье, такъ жри, да молчи. Анъ нѣтъ, насъ говоритъ, правительство воспитываетъ для будущаго еврейскаго поколѣнія, мы говоритъ, трудимся цѣлыхъ десять лѣтъ, въ теченіи которыхъ терпимъ голодъ и холодъ, насмѣшки и ругательства нашихъ безмозглыхъ фанатическихъ единовѣрцевъ не за одно это скудное жалованье? Когда, говоритъ, я жертвовалъ собою для блага нашихъ единовѣрцевъ, такъ могу ли отрѣшиться отъ моихъ завѣтныхъ мыслей—хоть сколько нибудь способствовать образованію нашихъ единовѣрцевъ? А такъ какъ, говоритъ, старыхъ, вѣковыхъ, кривыхъ дубовъ (насъ набожныхъ евреевъ, думаетъ епикурецъ) никакимъ родомъ нельзя выпрямить, то мы должны стараться хоть изъ будущаго поколѣнія создать истыхъ русскихъ гражданъ,—согласно съ цѣлью нашего гуманнаго русскаго правительства.

— Батюшка, подумай хорошенько, слѣдуетъ-ли человѣку ненавидѣть и презирать людей, которые желаютъ ему добра и счастія? Вѣдь они...

— Перестань попусту болтать! Они только желаютъ научить евреевъ чернить насъ же—евреевъ въ христіанскихъ газетахъ! И эти несчастные именуются тоже драгоцѣннымъ завѣтомъ „евреями." И тотъ негодяй, кто чернитъ евреевъ въ еврейскихъ газетахъ; но это еще куда не шло; можно въ оправданіе его сказать, что онъ не выноситъ изъ избы сору, что онъ хочетъ упражняться въ сочиненіи, или составить себѣ хорошую партію, такъ какъ есть же у насъ евреевъ такіе, которые ищутъ для своихъ дочерей такихъ негодяевъ-жениховъ; но что сказать о тѣхъ, которые чернятъ евреевъ въ христіанскихъ газетахъ!?

— Не во гнѣвъ, батюшка, будь тебѣ сказано,—я сравниваю ненависть евреевъ къ нашему молодому поколѣнію съ тою ненавистью, которую маленькое, глупенькое дитя питаетъ, во время своей болѣзни, къ своему благодѣтелю-доктору, заставляющему больнаго глотать горькія, но полезныя пилюли. Вамъ неграмотнымъ, конечно, все равно, что ни пишутъ въ газетахъ; потому что вы слѣпы, но каково намъ читать эту голую и сущую правду? Мы краснѣемъ, какъ вареные раки, отъ стыда. Нѣтъ батюшка, вы кругомъ виноваты.

— Ха, ха, ха... они наши доктора! они наши благодѣтели! пожимая плечами, воскликнулъ отецъ.—Подождите, эпикурейцы, доктора-благодѣтели; мы съ вами расчитаемся! Настанетъ время выбора раввина въ N, тогда, лже-раввинъ, прощай всѣ твои затѣи противъ евреевъ! Прійдешь къ каждому, кто только владѣетъ четырехъ аршинной избушкой и поклонишься ему въ поясъ, чтобъ онъ, какъ домовладѣлецъ, далъ свой голосъ въ твою пользу и обѣщаешься впередъ оставить нашихъ меламдовъ въ покоѣ; тогда, батюшка, пеняй на самаго себя, пожнешь, что посѣялъ! А съ вашими благородіями—учителишка и смотри-

телишка, кагалъ однимъ махомъ покончитъ; для васъ—ухъ! какая вкусная каша варится! прійдется вамъ жутко, ухъ какъ жутко!

— Да, батюшка, ты совершенно правъ: мы несчастнѣйшіе изъ всѣхъ несчастнѣйшихъ,—нашей зависимости конца не будетъ; всегда мы должны быть зависимы отъ какого нибудь безграмотнаго кага... слезы навернулись въ глазахъ брата и онъ замолкъ.— Оставимъ батюшка, всѣ эти разсужденія, они ни къ чему путному не поведутъ, намъ другъ друга не разубѣдить. Правда, мы кажется, начали говорить на счетъ брата, продолжалъ онъ, желая навести отца на прежній разговоръ,—какъ ты полагаешь, отчего на немъ кромѣ костей да кожи ничего не видно?

— Что съ тобою говорить, — печально отвѣчалъ отецъ, тамъ въ училищѣ ты забылъ все, даже и талмудъ, который ты прежде немного зналъ! Талмудъ говоритъ: „сильнѣйшій между крылатыми—пѣтухъ, сильнѣйшій между животными—собака, сильнѣйшій между народами—израильскій, но Тора ослабляетъ его силы.“

— Ужъ Тора ослабляетъ силы человѣка?—саркастически спросилъ братъ. Не ты ли самъ, батюшка, разсказывалъ, что цадикъ, увидя такого же какъ онъ жирнаго до неподвижности купца-еврея, дивомъ дивовался: „уму-разуму, говоритъ, непостижимо; Торою, кажись, не занимается, богоугодныхъ дѣлъ также не совершаетъ, чтобъ испытыватъ удовольствіе; отчего же онъ такъ жиренъ?

— Перестань, немытая рожа, острить, закричалъ отецъ; ты, колешь меня твоими остротами! Сейчасъ чуть-чуть не заплакалъ и уже острить!

— И точно, къ чему эти остроты, батюшка, къ чему догадки, когда ларецъ просто открывается: ты, матушка, кажись, даешь ему (братъ указалъ на меня) въ хедеръ вмѣсто булокъ чистоганомъ, а кошелекъ чѣмъ наполнится, если онъ не будетъ копить эти деньги?

— Опять, старыя пѣсни запѣлъ! Ты ужъ слишкомъ много заботишься о воспитаніи нашихъ дѣтей!?

— Охъ ты, мое умное дитя, охъ ты мое сокровище!— восклицала мать, обращаясь къ брату. Онъ совершенно правъ, мой мужъ: еслибъ ты замѣчалъ, съ какимъ страшнымъ, просто волчьимъ аппетитомъ, онъ всегда обѣдаетъ!

— Нѣтъ матушка, это ничуть не зависитъ отъ ума; мнѣ все это очень хорошо извѣстно, я это по опыту знаю.

Вслѣдъ за тѣмъ произведенъ былъ у меня обыскъ. Родители мои, со свѣчею въ рукахъ, подошли къ моей кровати и перешарили мои карманы и постель, послѣ чего, какъ извѣстно читателю, оказалось, что карманы мои, по милости бегельфера, страдали страшной чехоткой и ни одной полушки не нашлось въ нихъ; отецъ съ сердцемъ закричалъ, обращаясь къ матери:

— Этотъ негодяй чертовски вретъ, а она еще поддакиваетъ ему!

— Батюшка, вовсе не доказано, что я вру. Ты можетъ быть уже забылъ, или пожалуй, прикидываешься забывшимъ, чѣмъ хедеръ пахнетъ, но я помню: изъ моей памяти никогда не изгладятся хедернія воспоминанія. Я очень хорошо знаю, что такое меламедъ, что такое бегельферъ!...

Проснувшись на другое утро, напившись чаю, я началъ было, какъ ни въ чемъ не бывало, собираться въ хедеръ и по обыкновенію, сталъ требовать у матери извѣстнаго пайка, но не тутъ то было.

— Нѣтъ, мой сынъ, сказала мать,—я желаю, чтобы ты впередъ ѣлъ дома, потому, что ты очень слабъ и тебѣ не подъ силу каждодневно ждать пищи до послѣ молитвы.

— Молиться развѣ также здѣсь буду?—спросилъ я.

— Конечно.

— А меламедъ, что скажетъ?

— Ничего, мой сынъ, скажешь, что я и отецъ, молъ, желаютъ, чтобы ты впередъ молился дома и шабашъ.

Я, волей-неволей, покорился, наскоро помолился, схватилъ завтракъ, который сію минуту мнѣ былъ поданъ и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на опасность, которая грозила моей спинѣ отъ безжалостныхъ рукъ бегельфера, если мой ежедневный ему оброкъ будетъ прекращенъ, истребилъ его. Такъ уже заведено у людей, что и взрослые, умные, опытные люди также не задаютъ себѣ вопроса: „Что, дескать, будетъ въ послѣдствіи?" когда настоящее имъ по вкусу. Когда я пришелъ въ хедеръ, бегельферъ потихоньку подошелъ ко мнѣ, и озираясь назадъ, словно лакомка-кошка, когда добирается до жирнаго куска—не смотритъ-ли кто нибудь изъ хозяевъ, спросилъ: „ну"? Я разсказалъ ему о случившемся вчера въ нашемъ домѣ и добавилъ, что родители приказали мнѣ впередъ завтракать всегда дома.

— Та-а-къ?! протяжно произнесъ бегельферъ и началъ поспѣшно ходитъ взадъ и впередъ, какъ отравленная мышь, ищущая воды. Вдругъ онъ быстро подошелъ ко мнѣ, и отозвавъ меня въ сторону, спросилъ: „послушай, братецъ, ты вѣрно самъ все разсказалъ?" Я, понятное дѣло, отнѣкивался. — Это братецъ, *сказывай умершей бабушкѣ на могилѣ!* Откудажъ имъ знать, если бы ты не разсказалъ? Но когда я божился всѣми мнѣ дорогими именами и наконецъ будущимъ свѣтомъ, онъ успокоился.

7.

ЧУДНЫЙ ВРАЧЪ.

Въ 12-цать часовъ описываемаго нами дня, въ кутермѣхедерѣ водворился надлежащій порядокъ. Цырюльникъ, благодаря удивительному усердію своей сожительницы, которая стояла на улицѣ и привлекала, не то что своей красотою (это была образина прегадкая какихъ мало), но неотвязчивыми зазываньями, къ себѣ мужиковъ на бритье,—

желалъ было испытывать свое мастерство надъ жатвою мужицкихъ подбородковъ. Но какъ ни изловчивайся, все таки управиться при помощи двухъ только рукъ до крайности мудрено. Въ добавокъ мужики, народъ ужасно нетерпѣливый, каждый настаиваетъ непремѣнно подвергнуться операціи первымъ, въ противномъ случаѣ грозитъ махнуть въ домъ насупротивъ, на которомъ тоже красовалась бѣлыми крупными буквами вывѣска: „сдесь зиветъ атлицный хирургъ.“ Какъ тутъ прикажете дѣлать? Нашъ цырюльникъ малый не промахъ, и онъ ухитрился довольно удачно. Бывало, когда весь хедеръ наполнялся, какъ бочка селедками, мужиками, онъ давай другаго—третьяго мазать своей живописною кистью, намоченной въ мыльномъ растворѣ. Мужики волей неволей, должны были покориться своей судьбѣ и чаять очереди, которая заставила себя подчасъ очень долго дождаться. Шапочникъ, наскучивъ своей долгой стоянкой на улицѣ, перемѣнилъ уже свой постъ, т. е. пришелъ въ свое обиталище-хедеръ и все совалъ свои шапки намыленнымъ мужикамъ, употребляя всевозможные манеры, чтобы зарекомендовать свои шапки съ самой лучшей стороны. Хлѣбникъ въ тѣ поры уже вытопилъ печь и перешарживалъ ее своими хлѣбопекными орудіями, отъ которыхъ, къ слову сказать, нерѣдко порядкомъ доставалось по головамъ мальчиковъ, и уже собирался топить печь въ другой разъ. Изъ одного уголка домика слышались заунывныя мелодіи, раздиравшія уши. Композиторъ этихъ мелодій былъ портной, котораго Провидѣніе наградило дикимъ ослиннымъ голосомъ. По цѣлымъ днямъ за работой онъ приготовился въ праздникъ преобразиться въ кантора въ какой-то изъ N-скихъ моделень. Наконецъ и ребъ Зорахъ-Берель управился съ своими житейскими занятіями и уже взялся было за свое ремесло, за грязную бутылку и ржавую селедку. Бегельферъ также уже усѣлся за другимъ концомъ кіота. Часть зорах-берльскихъ жертвъ, находящихся въ домикѣ, горько хныкала отъ толчковъ или

щипковъ, достававшихся имъ отъ рукъ инквизитора-меламда, или бегельфера; остальные мальчики, которые, по причинѣ физическаго закона непроницаемости, именно, что два тѣла въ одно и тоже время не могутъ существовать на одномъ и томъ же пространствѣ, должны были находиться внѣ острова *), и играть тамъ въ коньки и камушки уже нѣсколько разъ передрапясь другъ съ другомъ. Одинъ ходилъ съ царапиной на лицѣ, другой тащился съ окровавленнымъ ухомъ, получилъ-то онъ эту рану отъ другаго мальчика, которому прежде онъ раненный, чуть-чуть не вышибъ глазъ. Еще разъ повторяю, въ двѣнадцать часовъ, когда въ хедерѣ воцарился описываемый мною порядокъ, отворилась дверь и въ нее вошелъ мой братъ. Вслѣдъ за нимъ тянулся цѣлый эскадронъ мальчиковъ, до сихъ поръ игравшихъ на дворѣ.

— Послѣ обычныхъ привѣтствій, меламедъ, вперивъ испытающіе глаза въ брата, спросилъ:

— Что хорошого скажешь?

— Я нарочно завернулъ къ вамъ, любезный ребъ Зорахъ-Берель, спросить завтракаетъ ли онъ (глазами мигнулъ на меня) въ хедерѣ или нѣтъ?

— Какъ ... здѣсь ... завтракаетъ ли онъ? ... Нѣтъ, отрывисто отвѣчалъ меламедъ, какъ подсудимый предъ судьею.—Вѣдь онъ говоритъ, что мать не позволяетъ ему шагнуть изъ дому безъ молитвы и завтрака.

— Нечего сказать, хедеръ успѣшно дѣйствовалъ! ...

— Что такое? перебилъ его меламедъ, —навѣрное какая-то исторійка съ нимъ случилась.

— Очень просто,-дома не молится и не завтракаетъ.

(*) Внѣ домика. Называю я домикъ островомъ потому, что со всѣхъ сторонъ онъ былъ окруженъ топкимъ болотомъ. Мы еще до сихъ поръ не сказали, что улица, на которой существовалъ этотъ домикъ служила у Nскихъ евреевъ, такъ сказать, термометромъ засухи, т. е. когда хоть изрѣдка на этой улицѣ къ верхушкѣ только обсушивалось болото, *N*скіе евреи установляли всеобщій постъ и умоляли Всевышняго, чтобы ниспослалъ дождь.

Вы, говоритъ онъ, строго-на-строго приказывали молиться въ хедерѣ и брать съ собою деньги на завтраки. Прошу васъ, любезный ребъ Зорахъ-Берель, продолжалъ братъ, впередъ не допускать въ вашемъ хедерѣ такихъ мерзостей.

Бегельферъ дрожалъ, блѣднѣлъ отъ ужаса.

Меламда поразило это извѣстіе; чтобы показать брату, что онъ не хладнокровенъ къ этому и что онъ заботится о воспитаніи своихъ жертвъ, съ яростью бросился на меня, какъ голодный, хищный волкъ на овцу, но, къ счастію, братъ удержалъ его и сказалъ, что бить дѣтей безполезно, потому что мало помалу они привыкаютъ къ побоямъ и спины ихъ становятся безчувственными барабанами. Меламедъ началъ рыться въ талмудѣ, чтобы доказать противное. На сторонѣ брата были всѣ мальчики: „вотъ умный, хорошій человѣкъ", твердили они всегда. Но не въ количествѣ сила, на сторонѣ меламда хоть былъ одинъ плутъ-бегельферъ, все таки за нимъ осталась побѣда; ибо попрежнему ни на волосъ не улучшилось печальное, безвыходное положеніе зорахъ-берельскихъ жертвъ. Меня взяла досада на бегельфера: „плутъ ты эдакой", подумалъ я, самъ ты подстрекнулъ меня; по твоей милости я началъ воровать и столько голодалъ, а теперь еще совѣтуешь бить меня! Нѣтъ, плутъ, что будетъ то будетъ, я признаюсь во всемъ", и я разсказалъ, какъ по совѣту бегельфера, сперва я началъ воровать у родителей, потомъ у бѣдныхъ торговокъ. Ребъ Зорахъ-Берель заскрежеталъ своими желтыми зубами и хотѣлъ бы броситься на всѣхъ, но съ позволенія сказать, что можетъ дѣлать мотая собака, когда цѣпь мѣшаетъ ей. *Нѣмчикъ* братъ, какъ меламедъ его называлъ, помѣшалъ ему. Братъ глубоко вздохнулъ и печальнымъ голосомъ произнесъ божественныя слова пророка Ісаіи: „народъ мой, вожди твои вводятъ тебя въ заблужденіи и путь стезей твоихъ искрывляютъ! Боже мой продолжалъ онъ, и этотъ плутъ

бегельферъ мѣтитъ въ меламды, и онъ будетъ воспитывать израильскихъ дѣтей!... Отправляясь домой, братъ хотѣлъ было взять меня съ собою, но я тогда былъ, какъ говорится, между двухъ огней: въ хедерѣ готовилась для меня пытка отъ рукъ инквизитора-меламда, а дома отъ рукъ отца. Критически взвѣсивъ свое положеніе, я рѣшился лучше оставаться въ хедерѣ: во первыхъ стыдъ не такъ великъ быть битымъ въ хедерѣ, какъ дома, потому что я уже привыкъ къ зорахъ-берельскимъ побоямъ; во 2-хъ меламедъ острилъ зубы не только на меня одного, но еще на десять мальчиковъ, которые, слѣдуя моему примѣру, тоже признались въ подобномъ грѣхѣ, а еврейская пословица говоритъ: „плачъ многихъ половина утѣшенія"; въ 3-хъ я думалъ, быть можетъ, доказательства брата, что вредно бить дѣтей, подѣйствовали на меламда. Но увы! Мнѣ досталось вдвое больше въ хедерѣ отъ безжалостнаго меламда, особенно за то, зачѣмъ было мнѣ еще признаваться въ томъ, чего меня совершенно не спрашивали, а дома безпощадно билъ меня отецъ.

Ночью того же дня долго я не могъ сомкнуть глазъ. Когда, наконецъ, съ большимъ усиліемъ мнѣ удалось заснуть, во снѣ представились мнѣ пытки меламда, и я нѣсколько разъ вскрикнулъ отъ ужаса.

На другое утро сильно не хотѣлось мнѣ вставать „какъ" думалъ я, „сообщить родителямъ новость, что сегодня не хочу идти въ хедеръ"? Я все лежалъ въ кровати, пока мать не подошла ко мнѣ и не начала, съ материнскою нѣжностью, будить меня. Мой сынъ! Отчего ты сегодня такъ заспался, пора вставать. Скорѣй, мой сынъ, чай-то остынетъ, да скоро и въ хедеръ пора идти! Сначала я притворился спящимъ, но подумавъ, что ровно ничего изъ этого не выйдетъ: спать вѣдь можно еще часъ, пожалуй, два, наконецъ нужно же будетъ вставать, и притворился больнымъ. Очи мои и водою оглашенный комнату. Внезапная моя болѣзнь произвела въ нашемъ домѣ сильное безпокой-

ствіе: мать на чемъ свѣтъ стоитъ, бранила отца, зачѣмъ и онъ билъ меня; а отецъ машинально ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, не зная, что будетъ съ его сыномъ, который не зналъ бы что отвѣчать на вопросъ медика, чѣмъ онъ боленъ.

— Матушка, вмѣшался братъ,—хотя мнѣ крѣпко не хотѣлось вмѣшиваться въ родительскіе споры, но чтожъ дѣлать, когда не могу утаить справедливости, не могу не сказать, что ты кругомъ виновата, и напрасно нападаешь на отца. По твоему, ему нужно было хладнокровно смотрѣть, какъ изъ его сына, маленькаго воришки сдѣлается современемъ большой отъявленный воръ и мошенникъ? Малымъ, матушка, начинаютъ, а большимъ оканчиваютъ. Знай, матушка, что такою любовью ты только губишь его.

На лицѣ отца, послѣ этой истины, замѣтно было самодовольство. Но радость, появившаяся на лицѣ его не была слѣдствіемъ высказанной братомъ истипы какъ увидимъ ниже.

— Я еще не видывалъ и не слыхивалъ, началъ отецъ, махая обѣими руками по воздуху, чтобы дитя заболѣло отъ меламедскихъ или отцовскихъ наказаній! Я слава Богу, также когда то воспитывался въ хедерѣ и меня, кажись, мой меламедъ также не лелѣялъ; отецъ мой также не гладилъ меня по головкѣ; а все-таки никогда, слава тебѣ Господи, я не заболѣлъ отъ этого.

— Какъ же ты полагаешь, отчего онъ могъ внезапно заболѣть? спросила мать.

— Мало ли отчего человѣкъ можетъ заболѣть! Развѣ мало людей ходятъ къ ребѣ Зораху-Берелю въ хедеръ? скорѣе думаю не сглазили ли его?...

— Въ такомъ случаѣ, перебила его мать, нечего намъ мешкать; чѣмъ скорѣе нужно позвать сюда Ривекку заговорить: *она отнимаетъ такую болѣзнь просто руками.*

— Помилуй, матушка! Мнѣ кажется, что онъ совсѣмъ не болѣнъ... началъ было братъ, но голосъ его былъ пре-

рванъ замѣчаніемъ отца, что Ривекка-обыкновенный человѣкъ, какъ всѣ грѣшные, слѣдовательно она ничего не можетъ пособить моей болѣзни; гораздо лучше, сказалъ онъ, если я поѣду къ цадику: тогда, какъ Богъ святъ, онъ выздоровѣетъ, какъ быкъ, прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Богъ вѣдаетъ когда вернешься назадъ, а между тѣмъ дитяти болѣть что ли?

— Что ты, моя жена; развѣ цадикъ докторъ, съ рецептомъ котораго бѣги въ аптеку, туда, сюда, а въ концѣ концовъ, Боже сохрани, провожай дитя въ могилу; у цадика-слово, и баста!

— Мѣшать тебѣ, мой мужъ, не буду; но я все-таки сдѣлаю свое, позову Ривекку. Отецъ этимъ былъ весьма доволенъ, и въ тотъ день, въ часъ по полудни, ѣхавшій по дорогѣ, ведущей въ городъ, гдѣ княжилъ, можно сказать, шарлатанъ-цадикъ,-могъ замѣтить длиную и широкою еврейскую фуру, навьюченную порядочнымъ числомъ длиныхъ тощихъ хасидовъ, изъ которой слышна была хасидійская пѣсня, содержаніе которой—все на свѣтѣ трынъ-трава, все суета въ сравненіи съ блаженствомъ быть вблизи цадика:

Что міръ, что богатство, что роскошь царей!
Безъ цадика-ребе и жизнь вся пуста!...
Тамъ жизнь, ... тамъ блаженство, ... тамъ счастье людей!...
Тамъ рай! Безъ него ... ахъ! и жизнь вся суета!...

Запѣваломъ этой пѣсни былъ мой отецъ. На весьма справедливое замѣчаніе читателя какъ же это можно, въ такое короткое время приготовить всѣ путевыя принадлежности въ особенности паспортъ, который достать у кагала приходится въ потѣ лица? мы замѣтимъ, что хасидовъ двѣ категоріи, зажиточные и бѣдные; у первой, т. е. зажиточной категоріи паспортъ всегда наготовѣ въ случаѣ экстренной надобности, къ этой-то категоріи принадлежалъ мой отецъ. Другой категоріи, которой, по причинѣ своихъ скверныхъ финансовыхъ обстоятельствъ никакъ не въ мо-

готу уладить съ кагаломъ, поговорка: „законъ писанъ не для дураковъ“ служитъ паспортомъ.

— Хайка—жизнь, провѣдай чѣмъ скорѣе, дома ли Ривекка и позови ее сію минуту сюда,—печальнымъ голосомъ отнеслась мать къ нашей служанкѣ по отъѣздѣ отца.

— Это, матушка, для чего? замѣтилъ братъ.

— Чтобы она заговорила его болѣзнь,—наивно отвѣчала мать. Ужасно, я вамъ говорю, ребъ Зорахъ-Берель, какъ сглазили его вчера у васъ въ хедерѣ,—продолжала мать, уже обращаясь къ моему наставнику, который пришелъ къ намъ попрощаться съ отцемъ, предъ его отъѣздомъ и подобно всѣмъ N-скимъ хасидамъ вручить ему *квитель* (карточку) къ шарлатану-цадику о своихъ крайнихъ надобностяхъ,—а на самомъ дѣлѣ, подобно всѣмъ хасидамъ, пришелъ чтобы выпить порядкомъ, но къ сожалѣнію, опоздалъ и остался у насъ освѣдомиться по какой причинѣ я въ тотъ день не явился въ хедеръ.

— Кто это, матушка, сказалъ тебѣ, что братъ мой боленъ? Это вздоръ! Увѣряю тебя, матушка, отцу очень хорошо извѣстно, что сынокъ его здоровъ, и только притворяется больнымъ, потому что не хочетъ идти въ хедеръ; а корчилъ то онъ такую печальную мину для того лишь, что онъ нашелъ въ томъ благовидный предлогъ—получить твое согласіе на поѣздку къ этому... цадику!... Охъ іезуиты, іезуиты, пробормоталъ братъ самъ себѣ! вы не разбираете средствъ, лишь бы достигнуть своей цѣли! А ты, сирена-цадикъ, сидишь тамъ въ своемъ хищномъ логовищѣ и манишь къ себѣ невинныхъ дураковъ-хасидовъ!...

— Нечего сказать, вмѣшался меламедъ, кивая головой, хорошее времячко настало! Гдѣ это прежде слыхано было, чтобы сынъ говорилъ подобное противъ собственнаго отца?! Вишь, продолжалъ онъ, выставляя указательный палецъ правой руки впередъ, а указательный палецъ лѣвой приложивъ къ носу, мальчикъ... не хочетъ... идти... въ хедеръ... поэтому... притворяется больнымъ... Ха, ха, ха... Отчего-то

спрашиваю, теперь только вздумалось ему притворяться? Слава Богу, скоро вѣдь минетъ шесть мѣсяцевъ, какъ онъ обучается у меня; почему же именно вздумалось ему только теперь притворяться, а не прежде?

— Очень просто, ребъ Зорахъ-Берель: вы, навѣрно, вчера били его безчеловѣчно, болѣе обыкновеннаго...

— А по твоему какъ? Я долженъ былъ равнодушно выслушать это извѣстіе и погладить его по головкѣ? Нѣтъ, балабосте,—обратился меламедъ къ матери,—ужъ какъ вы хотите, я не могу руководствоваться правилами вашего сына: я пастырь юныхъ овецъ, слѣдовательно, я долженъ зорко смотрѣть, чтобы агнцы, врученные мнѣ на храненіе, не заблудились.

— Не вы одни, ребъ Зорахъ-Берель: вашъ бегельферъ тоже очень зорко смотритъ за вашими питомцами, чтобъ они.. Но къ чему по пусту болтать!? Довольно, кажется, вчера говорили мы съ вами, а повторять старое не зачѣмъ. Не во гнѣвъ, любезный, будь вамъ сказано: поправить дѣло никакъ нельзя; не будь ребъ Зораха-Береля будетъ ребъ Тодресъ, не тотъ бегельферъ—другой, вѣдь нужно же воспитывать еврейскихъ дѣтей въ чисто-еврейскомъ духѣ; поэтому , говорю, не зачѣмъ пережевывать вчерашнее. Я началъ говорить на счетъ брата, что онъ здоровъ, но притворяется больнымъ, слѣдовательно не зачѣмъ звать сюда эту знахарку. Мы слава Богу живемъ въ Европѣ, а не въ Азіи, пора, кажется, оставить это идолослуженіе!

— Если это грѣшно, отчего же ты, мой сынъ, не сказалъ этого отцу и я бы удержала его отъ поѣздки. Ой, ой, ой!... эта поѣздка навѣрно обойдется намъ не дешево!

— Скажите на милость, любезный ребъ Зорахъ-Берель, можно ли говорить съ вашимъ братомъ, талмудистомъ, о такомъ дѣлѣ? Я бы сказалъ отцу, что это богопротивно, онъ доказывалъ бы мнѣ изъ талмуда, что это богоугодно. Съ вами, талмудистами, нельзя говорить; вамъ говорятъ что-нибудь дѣльное, а вы сейчасъ, такъ сказать, вырыва-

е изъ лѣса-талмуда бревно и бухъ по головѣ; но тебя, матушка, умоляю: оставь это идолопоклонство; еще разъ повторяю, мы живемъ въ Россіи, а не въ какой нибудь Азіи.

Меламедъ заткнулъ пальцами свои уши.

— Что вы, ребъ Зорахъ-Берель, не можете слушать правды?—Спросилъ братъ.

— Я исполняю слова талмуда. Святой талмудъ говоритъ: „Персты человѣка обдѣланы Творцомъ какъ палочки для того, чтобы если услышитъ наглость, мерзость, примѣрно какъ я теперь, онъ могъ ими заткнуть свои уши.“ Какъ это можно слышать! Вы, балабосте, не обращайте никакого вниманія на его болтовню и пошлите за Ривеккой, она отнимаетъ болѣзнь просто руками.

— Положимъ даже, по вашему, мальчикъ болѣнъ, такъ развѣ въ N. нѣтъ цирюльниковъ, докторовъ, что непремѣнно нужно обратиться къ этой знахаркѣ? Помилуйте, вѣдь это по еврейскому закону нечто иное какъ колдовство, волшебство, идолопоклонство!

— Болѣзнь болѣзни розь; бываютъ болѣзни, съ которыми нужно обратиться къ доктору, а такой болѣзни докторъ ровно ничего не поможетъ. А на счетъ того, что ты называешь это дѣло такими богопротивными именами, такъ это свойство вашей *легкой команды*—эпикурейцовъ. Вы осмѣиваете все іудейское. Спроси-ка у истаго израильтянина, и онъ тебѣ скажетъ, что всякій обычай, какого бы происхожденія онъ ни былъ, языческаго ли, божественнаго ли, если онъ только вошелъ у насъ—евреевъ въ употребленіе, пользуется такою же святостью, какъ самъ законъ, врученный Господомъ Богомъ Моисею на горѣ Сінаѣ.

Меня начала терзать совѣсть, и я хотѣлъ было уже вскочить изъ постели, чтобы на дѣлѣ показать, что правда на сторонѣ брата; но мысль, что послѣ того я долженъ буду идти въ хедеръ, приковала меня къ постели; я началъ громче прежняго охать и вздыхать.

— Вотъ слышите, какъ онъ притворяется? Съ лукавой

усмѣшкой спросилъ меламедъ, обращаясь къ матери.—Я ухожу, а вамъ, какъ другъ вашего мужа, совѣтую, чѣмъ скорѣе позвать сюда Ревекку.

По выходѣ меламда, сколько братъ ни старался уговаривать мать, чтобъ она не посылала за Ривеккой, ничего не помогло, она закричала: Хайка, ступай же скорѣе за Ривеккой.

Хайка начала отговариваться:

— Помилуйте, вѣдь въ такіе дни ея дома никогда нѣтъ.

— Отчего это?

— Отъ того, что теперь предъ праздникомъ.

— Ну, такъ чтожъ?

— Ей-Богу, вы спрашиваете, будто вы не еврейка. Она навѣрное ужъ, какъ водится въ такіе дни, чуть свѣтъ пошла на кладбище мѣрять гробы канатомъ и сдѣлать изъ него фитили къ свѣчамъ, что въ синагогѣ зажигаютъ предъ амвономъ.

— Знаю вашихъ сестеръ, служанокъ,—съ сердцемъ сказала мать, у васъ на все готовъ отвѣтъ. Коли не слушаешь, когда говорятъ съ тобою ласково, такъ ступай скорѣе, живо! слышишь?!—крикнула мать, топнувъ ногой.

Хайка поворчала, поворчала въ носъ, потомъ сердито хлопнула дверью и вышла изъ дому. Немножко погодя, она вернулась сама безъ старушки.

— Ну, что? не правда ли моя?—заговорила своимъ пискливымъ голосомъ Хайка, войдя, я впередъ сказала, что у нея сегодня много дѣлъ! Ей-Богу, некому смѣяться! *одиночка ея криво выспался!* и уже бѣги, сломя голову, къ Ревеккѣ, туда, сюда, Богъ вѣсть еще куда! Лучше прикажите этому.., меламду и вашему мужу, чтобы они не били его впередъ, тогда увѣряю васъ, онъ не будетъ болѣть.

Мать ничего не отвѣчала, изподтишка только пробормотала: много, очень много будетъ чести, если буду отвѣчать этой гадкой поломойкѣ!

Сумерки приближались, стало темнѣть, одинъ конецъ

длиннаго стола немедленно украсился—не то что черною, но отнюдь и не бѣлою скатертью, на которой скоро появился высокій мѣдный подсвѣчникъ съ зажженной въ немъ копѣечной сальной свѣчкой. Послышались всплески воды: это наши домочадцы, согласно еврейскому обычаю, мыли руки предъ трапезой. Всѣ, не исключая матери, которая цѣлый тотъ день не выходила изъ дому и сидѣла возлѣ моей кроватки и тужила,— съ большимъ рвеніемъ принялись истреблять вечернюю трапезу, приготовленную Хайкой. Въ это время до ушей нашихъ дошелъ стукъ тяжелыхъ, громкихъ человѣческихъ шаговъ; стукъ все болѣе и болѣе увеличивался, по мѣрѣ приближенія владѣльца этихъ барабановъ къ нашему дому. Отворилась дверь и въ нее вошла знахарка—Ревекка. Войдя, она коснулась пальцами правой руки *мезузе*, приложила ихъ потомъ къ губамъ своимъ и начала лизать, да сосать, словно медвѣдь зимою въ берлогѣ лапу. Всѣ слегка поднялись и поклонились ей; а мать прибавила съ обычнымъ тономъ еврейскихъ хлѣбосоловъ: то есть съ тономъ льва Крылова;

„А къ этой чуть изъ васъ лишь лапу кто протянетъ
Тотъ съ мѣста живъ не станетъ.“

— Милости просимъ кушать.

— Кушайте на здоровьѣ, отвѣчала та.

— Тьфу, тьфу, вѣдь вы ужинаете теперь, а я совершенно забыла сказать, прибавила знахарка: „благословенъ Тотъ, кто даетъ вамъ пищу.“

— Благодарствуйте.

Матушка, начала мать, обращаясь къ старушкѣ. Посовѣтуйте, что дѣлать съ моимъ младшимъ сыномъ? Онъ страшно заболѣлъ, цѣлый день ничего рѣшительно не бралъ въ ротъ. *Мой* ужъ отправился на счетъ этого къ цадику, а я почла нужнымъ позвать васъ заговорить; я полагаю, онъ заболѣлъ отъ дурнаго глаза.

— Не безпокойтесь, матушка, сейчасъ заговорю, и дитя ваше, съ Божьею помощью, будетъ здорово; теперь еще не

время, я не какая нибудь другая, которая не заботится о больномъ и плохо заговариваетъ, лишь бы получить плату за трудъ: я должна повременить немножко, пока на небесахъ не появится луна.

Между тѣмъ онѣ начали калякать. Они осуждали всѣхъ и каждаго, знакомаго и незнакомаго. Вообще, съ свойственной всѣмъ старухамъ натурой, Ревекка разсказала о фантастическомъ, блаженномъ прошломъ, когда по ея словамъ, хлѣба не продавали какъ теперь, за наши тяжкіе грѣхи, вѣсомъ; а цѣлыми хлѣбами, когда за десять коп. можно было купить гуся, и много такихъ же привлекательныхъ небылицъ разсказывала она изъ двѣнадцатаго года. Между прочимъ, она сдѣлалась повѣренною семейныхъ интрижекъ и не рѣдко становилась судьею между мужемъ и женою.

Стрѣлки стѣнныхъ часовъ показывали девять часовъ, потомъ десять, а онѣ все еще болтали. Когда наконецъ часы пробили одинадцать и луна окруженная миріядами звѣздъ, появилась на небосклонѣ, Ревекка поспѣшно поднялась съ своего мѣста и начала требовать у матери восковой свѣчи съ ермолкой. Сію минуту предметы эти были ей поданы; но Ревекка забраковала поданную ермолку по причинѣ ея новизны,—для этого, сказала она, нужно непремѣнно старая, засаленная, съ потомъ. Когда были удовлетворяемы всѣ ея прихоти, она раскинула книжку подъ заглавіемъ: „Всякія всячины" и начала съ благоговѣніемъ, качаясь взадъ и впередъ, словно маятникъ, читать слѣдующую безсмыслицу, которую мы передаемъ читателямъ въ буквальномъ переводѣ:

„Приступаю именемъ Бога, сотворившаго небеса и землю съ десятью тысячами законовъ, десятью тысячами свитковъ закона, десятью тысячами священныхъ надписей и съ десятью тысячами добрыхъ ангеловъ. Всѣ эти священныя твари пусть явятся ко мнѣ на помощь прогнать отъ этого больнаго дитяти злое око. Я приходила для этою божественною силою, божественнымъ могуществомъ, небес-

ными звѣздами, небеснымъ замкомъ. Заслуга нашихъ праотцевъ Авраама, Исаака и Якова, заслуга ихъ набожныхъ женъ: Сары, Реввски, Рахили и Леи, заслуга всѣхъ цадиковъ и хасидовъ пусть теперь заступятся за больнаго. Сюда я въ первый и послѣднiй разъ пришла заговорить болѣзнь этого дитяти (это очень часто случалось). Все равно отъ чего эта болѣзнь ни прилепились къ нему отъ сосанiя сосцевъ матери (мнѣ ужъ тогда минуло шесть лѣтъ), отъ ѣды, питiя, спанiя, злаго взгляда, думы, остроты, со стороны отца, матери, кого нибудь другаго изъ домочадцевъ, отъ нехорошей встрѣчи, ночнаго испуга, испуга отъ удара, отъ горячки скотина ли испугала его, собака ли, самецъ ли, самка ли, испугали-ли его; малый или великiй, старый или молодой человѣкъ вредилъ ему, злыя очи, лютыя сердца ему вредили, пусть дымомъ и вѣтромъ по лѣсамъ, рѣкамъ, дебрамъ и полямъ отойдетъ отъ него! Вонъ тамъ стоитъ каменный замокъ, желѣзный замокъ—прочь болѣзнь туда! прочь отъ этого дитяти! и не смѣй явиться къ нему никогда, никогда!

Ну теперь ужъ конецъ,
Всему дѣлу вѣнецъ;
Ступай вонъ, собаченокъ!
Войди къ намъ ты, мышенокъ!
Мнѣ силы даны
Лишь при свѣтѣ луны.
Вы друзья ужь прощайте,
Да добро наживайте;
А про грусть забывайте.
Вотъ сегодня среда
И не будетъ вреда.

Болѣзнь моя продолжалась до слѣдующаго дня; на завтра утромъ, когда мать клялась всякаго рода божбами, что впередъ отецъ не будетъ бить меня, я быстро выздоровѣлъ и какъ ни въ чемъ не бывало, снабженный лакомствами, игрушками, наконецъ и самымъ главнымъ рекомендатель-

нымъ письмомъ отъ матери о моей честности къ меламду я отправился въ хедеръ.

Въ первомъ хедерѣ я выучился утреннимъ и вечернимъ молитвамъ безъ всякаго перевода на непонятномъ тогда для меня древне-еврейскомъ языкѣ. Спустя два мѣсяца моего прибытія въ хедеръ, когда я еще только могъ читать въ этомъ молитвенникѣ, по которому ежедневно молился и то съ грѣхомъ по поламъ,—меламедъ, получивъ за меня отъ отца такую плату, на которую онъ вовсе не расчитывалъ обыкновенно плотятъ за мальчика четыре рубля въ *зманъ* (полугодіе), а за меня ребъ Зорахъ-Берель получилъ шесть), началъ учить меня библіи. Само собою разумѣется, что объяснялъ-то онъ не по-нѣмецки, не по-русски, но на еврейско-нѣмецкомъ діалектѣ, говоря точнѣе, на варварскомъ безалаберномъ жаргонѣ, а по большей части исковерканными словами древне-еврейскаго языка.

Даже сама библія, которую ребъ Зорахъ-Берель читалъ въ хедерѣ, кажется, совсѣмъ не та, которую наши образованные учители читаютъ въ нашемъ раввинскомъ училищѣ. Вообще меламды, какъ моимъ читателямъ уже извѣстно, совсѣмъ не заботятся о переводѣ божественныхъ словъ, а лишь сосредоточиваютъ вниманіе своихъ жертвъ только на выдуманныхъ ими легендахъ, которыя приписываютъ невиннымъ строкамъ-талмуда и мидреша. Теперь еще хорошенько помню, словно вчера это случилось, какъ ребъ Зорахъ-Берель объяснилъ мнѣ стихъ: „Яковъ жилъ въ землѣ странствованія отца своего, въ землѣ Ханаанской.“

— Эй ты! отчего-то Яковъ *садился* *) на землю?—спросилъ меламедъ.

— Слушай, почему,—продолжалъ онъ, когда я былъ поставленъ въ тупикъ такимъ страннымъ вопросомъ,—такъ какъ въ прежнихъ стихахъ говорится о мотыхъ собакахъ—

*) Оба глагола: *жить* и *сидѣть* на еврейскомъ языкѣ, выражаются однимъ словомъ «ваейшевъ.»

потомкахъ Исаака, то вздрогнувшій всѣмъ тѣломъ Яковъ, садился на землю, чтобы спастись отъ нихъ (еврейское симпатическое средство отъ лая собакъ).

Боже мой! что досталось мнѣ, когда потомъ въ субботу, на испитаніи я забылъ это вранье! Словомъ, меламды напрягаютъ всѣ свои силы, чтобы съ бѣлаго, яснаго и свѣтлаго сдѣлать черное и темное. Объ отношеніяхъ ребъ Зораха-Береля къ своимъ жертвамъ опредѣленнаго нельзя сказать ничего, иногда изъ-за глупости онъ надувался, какъ индѣйскій пѣтухъ и бѣсился, иногда же былъ веселъ и разговорчивъ. Въ порывѣ удовольствія, бывало разсказывалъ намъ анекдоты и остроты. Но эти веселыя минуты не долго длились. Разъ прихожу я въ хедеръ; пастырь уже пасетъ юныхъ овецъ за кіотомъ и былъ очень веселъ и предложилъ разныя остроумныя загадки въ родѣ: что это за франтъ, который сидитъ на крышѣ и куритъ трубку (труба), что это за господинъ, который гуляетъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ становится скромно въ уголъ? (метла) и т. п. Нечего жаловаться: меламедъ не занимается, спины наши не терпятъ отъ его рукъ, ученики всѣ веселы; но вдругъ радость зорахберельскихъ жертвъ превратилась въ печаль: жена его подала ему на завтракъ нѣсколько ломтей хлѣба съ мискою, наполненною супомъ; набожный ребъ Зорахъ-Берель, за неимѣньемъ скатерти, подостлалъ полы своего балахона на столъ и поставилъ на нихъ миску и, по еврейскому бычаю предъ кушаньемъ, пошелъ мыться. Понятное дѣло, что миска послѣдовала за кафтаномъ и бухъ о земь; мы, подъ вліяніемъ недавной радости, расхохотались до слезъ; меламедъ съ яростью бросился на насъ и перебралъ каждаго по косточкамъ. Разъ случилось,-это было подъ вечеръ, жертвы ребъ Зораха-Береля, по обыкновенію, какъ кто могъ, т. е. у кого карманы были шире и глубже, тотъ больше, а у кого-уже и короче, тотъ меньше накралъ дома картофеля (я несчастный тогда ничего не могъ принести: ковар-

ная Хайка помѣшала), а половина меламда приготовила ихъ для счастливцевъ, меламедъ велъ съ нами литературную бесѣду и предложилъ намъ остроумные литературные вопросы, въ родѣ слѣдующихъ: „Ной родилъ трехъ сыновей Сима, Хама и Ефата; какъ звали ихъ отца? Въ расплохъ спросилъ меламедъ одного ученика, котораго звали Шмерель. Послѣдній, будучи не изъ геніальныхъ, былъ озадаченъ такимъ головоломнымъ вопросомъ: думалъ, думалъ, наконецъ признался:

— Не знаю, ребе.

Прежде всего инквизиторъ-меламедъ своего благодатною рукою наградилъ этого генія чѣмъ то полновѣснымъ, не помню-оплеухами или пощечинами, потомъ, чтобъ объяснить вопросъ нагляднѣе, прибѣгнулъ къ примѣру:

— Слушай болванъ, гой: положимъ я, ребъ Зорахъ-Берель, твой отецъ, а ты, несчастный Шмерлъ, сохрани Богъ! мой сынъ. Ну, болванъ, въ такомъ случаѣ, кто былъ бы я твой, а ты мой?

— Вы были бы мнѣ *a* ребъ Зорахъ-Берель, а я былъ бы вамъ *a* Шмерлъ, подхватилъ догадливый геній.

Меламедъ бросился на генія и задалъ ему колотушу; потомъ началъ своего инквизиціонною рукою ни за что, ни про что барабанить по моей спинѣ.

— Боже мой! закричалъ я,—что вы хотите отъ меня, почему вы придираетесь ко мнѣ! Я знаю, какъ звали ихъ отца! Ной, Ной, Ной! ... кричалъ я что было мочи, но барабанщикъ-меламедъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія и продолжалъ барабанить.

О прочихъ мелочахъ, дрязгахъ, которыя кишмя кипатъ въ этихъ трущобахъ-хедерахъ, не хочу распространяться, ибо сердце мое обливается кровью, глаза слезами, когда вспоминаю, что дѣти моихъ единовѣрцевъ еще доселѣ копошатся въ этомъ сору, въ этой грязи, и Богъ вѣстъ, еще доколѣ будутъ копошиться. Такъ, поле засѣянное однажды хлѣбомъ, дастъ послѣ новой перепашки подъ другія

растенія, нѣсколько колосьевъ отъ сѣмянъ уцѣлившихъ въ почвѣ.

Ужъ нѣсколько лѣтъ прошло съ того времени, къ которому относится мой разсказъ. Отецъ мой, царство ему небесно, однажды, это было во время праздниковъ, когда онъ по обыкновенію своему, ѣздилъ къ цадику, сильно простудился, получилъ горячку, отъ которой уже не воротился домой и былъ тамъ похороненъ. N-скіе хесиды очень и очень завидовали его блаженной участи „Вотъ счастливецъ, такъ счастливецъ“! говорили они моей матери, во время траура, когда приходили къ намъ утѣшать сѣтующихъ. „Жилъ благочестиво и умеръ какъ истый хасидъ; это не шутка, умереть во время праздниковъ, у цадика, сейчасъ по отпущенію грѣховъ“. Скоро по смерти отца, братъ, съ дозволенія матери, опредѣлилъ меня въ равинское училище.

Каждому человѣку мила и дорога мѣстность, гдѣ онъ провелъ свою юность и лица, которыя окружали его въ младенчествѣ. Недавно, повидавшись съ однимъ евреемъ N-скаго городишка, я сталъ спрашивать его: что случилось съ ребъ Зорахъ-Берелемъ,? съ Реввекой? съ остальными лицами моего разсказа? наконецъ съ той трущобой, въ которой я провелъ слишкомъ четыре года изъ моихъ лучшихъ лѣтъ. И мнѣ разсказали, что ребъ Зорахъ-Берель отдалъ душу свою Богу страннымъ образомъ. Однажды ночью одинъ изъ сыновъ трущобы-хедера (потомъ узнали, что это былъ мошенникъ-шапочникъ) хотѣлъ было выйти на дворъ, но съ просонья не могъ добраться до двери и наткнулся на койку, въ которой спала одна изъ дочерей трущобы, или можетъ быть умышленно наткнулся,-это еще по нынѣ, по словамъ разсказчика-еврея, покрыто мракомъ неизвѣстности, но намъ къ нашему разсказу это все равно, наткнулся. Поднялся крикъ, шумъ, гамъ, гвалтъ.

— Обокрасть насъ хотятъ! Закричали всѣ трущобники.

— Меня сейчасъ кто-то хотѣлъ зарѣзать! разбойникъ

держалъ меня за руки, закричалъ писклывый голосъ сахарной ужъ тогда *дѣвы* портнаго.

— Мой Богъ! скорѣе зажигайте свѣчу, закричалъ какой-то голосъ.

— Одна бѣда накликаетъ другую: какъ разъ на бѣду въ домикѣ не было ни свѣчей, ни спичекъ. Портниха была одна изъ молодцоватыхъ женщинъ, заставила двухъ другихъ женщинъ съ инструментами хлѣбника въ рукахъ махать взадъ и впередъ возлѣ двери, чтобы между тѣмъ воръ разбойникъ не улизнулъ, а сама въ одной рубашкѣ, покрытая только простынею, отправилась въ близнаходящуюся молельню за огнемъ.

Въ ту пору ребъ Зорахъ-Берель сидѣлъ въ молельнѣ и читалъ мишну за упокой души одиаго усопшаго. Войдя въ молельню, портниха, не говорила ни слова, прямо подходитъ къ ребъ Зорахъ-Берелю и, выхвативъ изъ его рукъ свѣчу, хотѣла было уйти. Ребъ Зорахъ-Берель вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Шема Ішраиль! Закричалъ онъ,—въ молельнѣ жертвецъ въ саванѣ!!

— Что съ вами? Ребъ Зорахъ-Берель, закричала портниха,—развѣ вы не знаете меня? вѣдь я портниха, которая живетъ съ вами въ одномъ домѣ. Она назвала себя по имени.

Бывшій мой наставникъ, ничего не отвѣчая, схватилъ кирпичъ и бухъ портнихѣ прямо въ голову! Окровавленная, она еле—еле дотащилась домой, а ребъ Зорахъ-Берель отъ испугу упалъ въ обморокъ; но скоро вошедшій шамешъ (служка молельни) привелъ его въ чувство. Портниха, благодаря неутомимому содѣйствію цырюльника, который нѣсколько недѣль сряду возился около нея, выздоровѣла; а къ ребъ Зорахъ-Берелю звали знахарку заговорить его болѣзнь, но Ревекки уже тогда не было въ живыхъ, а другая знахарка (справедливо замѣтила Ревекка) изъ рукъ вонъ плохо заговаривала, такъ что ребъ Зорахъ.

Берель на другой день умеръ. Цѣлое N-ское населеніе, до мала до велика, провождало его на кладбище; лавки и шинки во время процессіи были на запорѣ. N-скіе либералы на чемъ свѣтъ стоитъ ругали тамошняго скупаго проповѣдника, который, хоть убей его, безъ рубля не хотѣлъ произнести надъ нимъ погребальное слово.

Въ домикѣ, гдѣ ребъ Зорахъ-Берель такъ долго меламедствовалъ, теперъ бывшій мой бегельферъ воспитываетъ еврейскихъ дѣтей въ талмудическомъ духѣ и пользуется, по словамъ разсказчика-еврея, огромною репутаціею.

Портной понынѣ еще негодуетъ на жалкую свою судьбу, какъ онъ никомандуетъ своего пріятельницею-иголкою, все еще не пошелъ въ гору и никакъ не можетъ улучшить участь своей сахарной дочери,-выдать ее за мужъ за ешиботника. Каждый человѣкь имѣетъ свой идеалъ, портной искалъ своего въ порядочномъ ешиботникѣ. Еслибъ нашелся такой либеральный ешиботникъ, который не обращалъ бы вниманія на его ремесло и согласился-бы войти съ нимъ въ родственный союзъ, тогда, безъ сомнѣнія, портной счелъ бы себя находящимся на верху человѣческаго благополучія, но пока еще его нѣтъ, какъ нѣтъ!

Л. М. Копустъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПОДЛЯСЬЯ *).

IV.

Ипатій Поцей, завѣряя русское духовенство, что папа оставляетъ имъ всѣ обряды и обычаи восточной церкви, безъ сомнѣнія вѣрилъ въ этомъ случаѣ въ непогрѣшимость папскаго слова. Дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ цѣлый рядъ папскихъ буллъ увѣрялъ унитовъ въ томъ, признавая во-

*) См. Кн. 10 Вѣст. Зап. Россіи.

сточные обряды святыми и богодухновенными, и уподобляя различіе въ обрядахъ единой церкви различію «цвѣтовъ въ природѣ и красокъ въ картинѣ, но слово папы было слишкомъ грѣшнымъ и даже вѣроломнымъ. Изъ Рима выходили желанія, севершенно обратныя смыслу словъ его, и при пособіи лучшихъ слугъ его — іезуитовъ, достигали своей цѣли независимо отъ буллъ. Едва прошло тридцать лѣтъ со времени брестскаго собора, какъ въ самой средѣ унитовъ (Римъ себѣ сторона) является написанное даровитою рукою (Мелетія Смотрицкаго) глубокое порицаніе духа и характера восточной церкви, т. е. того, что составляетъ душу всего богослуженія и обрядовъ церковныхъ и что одно даетъ имъ жизнь и самостоятельный строй. Ни авторъ, ни все современное ему унитство не подозрѣвали тогда результатовъ этаго порицанія. Но они скоро начали показываться. Чрезъ десять слишкомъ лѣтъ послѣ сего (1640 г.), другой унитъ (Кассіанъ Саковичъ), въ обширномъ своемъ памфлетѣ (Kamień), съ непомѣрною желчью и цинизмомъ осмѣялъ всѣ богослужебныя понятія, всѣ обрядовыя дѣйствія и всѣ уставы унитовъ и православныхъ, и сказалъ въ заключеніи, что единственное средство для унитовъ (и православныхъ) исправить свое богослуженіе, это—бросить его отъ начала до конца и всецѣло принять богослуженіе и обряды римской церкви, что онъ самъ тогда же сдѣлалъ, принявъ чистое латинство. Такимъ образомъ унія, едва проживъ 45 лѣтъ, уже совершила полный вѣкъ свой; только слѣпые изъ унитовъ не видѣли, что унія есть только мостъ, чрезъ который проходятъ съ востока на западъ и на которомъ Римъ никому не желаетъ располагаться на цѣлую жизнь. Въ то же время нельзя было не призадуматься надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что высшіе русскіе дворянскіе роды совершенно пренебрегали уніею и изъ православія переходили прямо въ латинство. Но масса тогдашняго унитскаго духовенства не вдавалась ни въ какія подобныя разсужденія и свято хранила всѣ свои обря-

ды и обычаи, допуская въ нихъ единственное дополненіе, именно—поминовеніе папы; она продолжала пользоваться только тѣми богослужебными книгами, которыми пользовалась и до брестскаго собора, а также печатаемыми въ православныхъ типографіяхъ Стрятина, Острога, Кіева, Львова, Могилева и др.—Но іезуитизмъ усиленно работалъ въ высшемъ унитскомъ духовенствѣ и въ средѣ василіанскихъ монаховъ, и для успѣха своего дѣла наполнялъ обѣ эти среды своими членами, принимавшими для вида унію; онъ порѣшилъ превратить весь восточный обрядъ въ простыя краски и цвѣты и создать изъ нихъ особую картину, на которой не было бы и слѣдовъ духа и характера церкви восточной. Съ этою-то цѣлію задуманъ былъ соборъ Замойскій (1720 г.). Полонизмъ шелъ объ руку съ іезуитизмомъ: такъ какъ брестская унія не достигала желанныхъ имъ цѣлей, или вяло шла къ нимъ, то тогда же явился на одномъ изъ сеймовъ проэктъ объ уничтоженіи ея и обращеніи всѣхъ унитовъ въ чистое католичество. Это было сильнымъ побужденіемъ для представителей уніи рѣшительно подумать о судьбѣ ея, и соборъ унитскій поспѣшилъ собраться въ Замостьѣ. Но на этомъ соборѣ предсѣдательствовалъ чистокровный католикъ—кардиналъ Гримальди; унитскій митрополитъ того времени, Левъ Кишка, былъ питомцемъ іезуитовъ; дѣлопроизводителями собора были василіанскіе монахи... „Унитскія богослужебныя книги—говоритъ соборъ—неисправны (правда), текстъ и редакціи ихъ различны и во многомъ испорчены (правда), нужно свести ихъ въ одну редакцію, въ одинъ текстъ (такъ въ православно-русской церкви тоже сдѣлано при патр.Никонѣ); востокъ отпалъ отъ церкви Христовой, и потому всѣ исправленія въ унитскомъ богослуженіи должны быть сдѣланы по образцамъ церкви римской. Нужно опредѣлить въ каждомъ обрядѣ главную *мысль* его, нужно дать болѣе логическій и строгій *ходъ* этой мысли, нужно исправить *текстъ* обрядовый (богослужебныя унитскія книги по

прежнему исповѣдывали исхожденіе св. Духа отъ отца, не говорили о ключахъ церкви, данныхъ ап. Петру, не знали чистилища, не знали ни формы, ни матеріи въ таинствахъ и проч. и проч.), наконецъ нужно опредѣлить все *поведеніе священника* при совершеніи обряда и для всѣхъ этихъ опредѣленій, отмѣнъ, пополненій и поправокъ указанъ былъ одинъ и тотъ же идеалъ — римское богослуженіе. Такимъ образомъ мысль, духъ и характеръ, что составляетъ сущность и жизнь обряда, безусловно изгонялись изъ унитскаго богослуженія; органическій обрядъ долженъ былъ сдѣлаться сначала простымъ матеріаломъ, изъ котораго потомъ построено будетъ зданіе по мысли и духу церкви римской. Извѣстно, какъ приняло эти опредѣленія все низшее унитское духовенство и міряне: Льва Кишку называли измѣнникомъ уніи, василіанскихъ монаховъ предателями, сами епископы унитскіе недовольны были этимъ соборомъ, участники собора боялись показываться въ средѣ приходскаго духовенства и народа. Потому-то болѣе тридцати лѣтъ послѣ этаго собора никто не рѣшался исполнить опредѣленій его относительно богослуженія и богослужебныя книги оставались нетронутыми. Но старыя книги отъ времени уничтожались; привиллегія печатанія церковныхъ книгъ перешла отъ измельчавшихъ и обѣднѣвшихъ братствъ въ руки митрополитовъ и василіанъ; высшее унитское духовенство наполнялось воспитанниками іезуитовъ, піаровъ и василіанъ, успѣвшихъ уже открыть свои школы по образцу своихъ учителей. Только тогда епископъ (послѣ митрополитъ) Аѳанасій Шептицкій и почаевскіе василіане (въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка), рѣшились выпустить въ свѣтъ постепенно цѣлый кругъ богослужебныхъ книгъ въ исправленномъ видѣ и съ той-то поры пошли гулять по свѣту такъ называемыя унитскія богослужебныя книги, которыхъ до того времени не было, не смотря на то, что унія существовала уже болѣе 150 лѣтъ.—Періодъ появленія и особеннаго потомъ размноже-

нія этихъ новыхъ книгъ совпадаетъ съ временами послѣдней агоніи и раздѣловъ польскаго королевства. Въ Малороссіи иБѣлоруссіи съ новыми силами поднялась притихшая было борьба православныхъ съ унитами,сильно поддерживаемая Россіею, которая не скрывала болѣе своихъ намѣреній въ отношеніи къ этимъ русскимъ краямъ. Вслѣдъ за тѣмъ Екатерина II присоединила Бѣлоруссію къ Россіи. Наступила судорожная работа въ унитствѣ; ополяченное мелкое дворянство унитское толпами принимало католичество; унитское духовенство, занятое дотолѣ сторожеваніемъ своихъ границъ со стороны католичества, бросилось теперь всѣми своими силами къ границамъ со стороны православія, и начало рвать всѣ нити связующія съ нимъ унію и точно означать, что принадлежитъ ей, а что—*схизмѣ*. Началась поголовная стрижка волосъ и бородъ, замѣна рясъ сутанами *), рѣшительное изгнаніе старыхъ богослужебныхъ книгъ, обязательность и для сельскихъ священниковъ польскаго языка во всѣхъ оффиціальныхъ отношеніяхъ и т. п. Никогда—ни прежде, ни послѣ, унія не считала въ своей средѣ столько ученыхъ людей, какъ считала ихъ въ то время; никогда унитская литература не была такъ богата разными своими продуктами; образованіе проникло во всѣ слои духовенства, во всѣхъ «школахъ и академіяхъ» много было унитскихъ воспитанниковъ и въ типографіяхъ печаталось множество сочиненій унитскихъ umiejętnych ludzi (ученыхъ). Но присоединивъ къ Россіи Бѣлорусію, Екатерина оставила за Польшею Подлясье, Холмщину, Украйну, Волынь, Галиція же отошла къ Австріи. Такимъ образомъ центръ уніатства былъ разбитъ, и пока въ каждомъ изъ этихъ трехъ государствъ форми-

*) Приходское холмское и подляское духовенство окончательно острижено и одѣто въ сутаны холмскимъ епископомъ Рыллом ъ, во время празднованія въ Холмѣ коронаціи иконы Божіей Матери, находящейся въ холмскомъ каѳедральномъ соборѣ.

ровалось особое правильное управленіе унитствомъ, приходы, благочинія и цѣлыя епархіи, не зная, куда обращаться съ своими дѣлами, привыкали къ произволу и неповиновенію епархіальной власти. Едва сформировались отдѣльныя унитскія управленія, какъ послѣдовало новое раздѣленіе Польскаго Королевства и новое раздѣленіе унитскихъ областей. Еще не успѣли обозначиться эти новыя границы, какъ послѣдовало опять новое разграниченіе ихъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовали Наполеоновскіе перевороты и образовалось Варшавское Герцогство, а потомъ Польское Царство. Въ продолженіи этаго періода, Подлясье и Холмщина переходили отъ Польши къ Австріи, отъ Австріи къ Герцогству Варшавскому, отъ него къ Россіи. Среди этаго долгаго и сильнаго замѣшательства не дремало одно польско-католическое духовенство: цѣлыя сословія унитскія, множество унитскихъ мѣстечекъ, деревень и поселковъ очутились въ паствѣ его. Въ то же время, унитское духовенство, въ усиліяхъ крѣпко оградиться со стороны православія пріучалось болѣе и болѣе къ дикому личному произволу въ дѣлахъ своей вѣры и богослуженія. Послѣдній раздѣлъ Польши едва совершился, какъ вся Малороссія очистилась отъ уніи. Вскорѣ за тѣмъ для всѣхъ дѣлалось очевиднымъ, куда направляется движеніе, возбужденное въ средѣ бѣлорусскихъ унитовъ. Холмское и подлясское духовенство, въ особенности послѣднее, прежде другихъ состарѣвшееся въ полонизмѣ и непосредственно руководимое яновскою каѳедрою, образуя отдѣльную, независимую ни отъ какихъ унитскихъ управленій епархію, болѣе всѣхъ предавалось произволу въ очищеніи уніи. Воображая погоню за собою страшной схизмы, оно бѣжало-бѣжало, то уродуя на себѣ, то сбрасывая съ себя и покидая на распутіяхъ свою одежду, чтобы не быть узнаннымъ, не слушая голоса своихъ предводителей, силившихся умѣрить ретивость бѣга его и кормясь по дорогѣ крохами, подаваемыми ему польско-като-

линческимъ духовенствомъ, которое лѣвою рукою подавало ему хлѣбъ и указывало дорогу къ спасенію отъ призрака схизмы, а правою обкрадывало его дочиста и уничтожало брошенную на дорогѣ одежу.

Куда же именно оно бѣжало и чего именно хотѣло достигнуть? Въ школахъ іезуитскихъ и піарскихъ, въ которыхъ воспитывалась интеллигенція унитская, и во всѣхъ *ученыхъ* бесѣдахъ унитскаго духовенства съ латинскимъ, самымъ оживленнымъ предметомъ были отношенія восточной церкви къ западной и въ частности параллель между богослуженіемъ и обычаями востока и запада. Тридентскій соборъ окончательно обработалъ католическій *Миссалъ* (служебникъ), *Ритуалъ* (требникъ), а петриковскій соборъ (1628 г.) тщательно собралъ всѣ обряды обще-католическіе и мѣстные, и издалъ ихъ въ безусловное руководство для польскаго духовенства съ длинными и самыми подробными описаніями и опредѣленіями всѣхъ священническихъ дѣйствій при исполненіи обряда. Каждый обрядъ получилъ здѣсь стройный и строгій видъ. Въ немъ опредѣляется главная его мысль, выражаемая извѣстнымъ обрядовымъ дѣйствіемъ (materia, forma), и развитіе ея, такъ что каждый обрядъ имѣетъ въ себѣ (по требованію Аристотелевой логики) приступъ, причину, объясненіе, сущность дѣла, выводы и заключеніе, почему на простой взглядъ система его кажется дѣйствительно стройною и вполнѣ раціональною. Римское богословіе точно и опредѣленно указываетъ въ этомъ обрядѣ фазисы благодати Божіей т. е. въ какомъ именно моментѣ его зачинается, въ какомъ существенно открывается и въ какомъ завершается дѣйствіе ея. Но самый обрядъ—продолжаетъ тоже богословіе—п есть только орудіе въ рукахъ священника; посредствомъ этаго орудія, онъ совершаетъ таинство, онъ низводитъ на христіанина благодать Божію, онъ крещаетъ *) и под., онъ

*) Это выражаетъ священникъ при совершеніи таинства и словами, знаменующими полное дѣйствіе благодати: ego baptizo te... епископъ: ego confirmo (мvропомазаю) te..."

есть minister таинства церковнаго. Это богословіе принимаетъ за догматъ слѣдующее, ужасное для христіанина положеніе: «если священникъ, при совершеніи таинства, не сосредоточился на немъ всею своею мыслію и желаніемъ (intentio), то таковое не совершится.» (Почемъ знать, гдѣ были мысли ксендза, совершавшаго крещеніе надъ N, и гдѣ для этого N. увѣренность, что онъ дѣйствительно сподобился благодати крещенія?!) Чтобы предохранить вѣрующихъ отъ ужасныхъ послѣдствій такой вины священника, римская церковь его самаго поставила въ тиски при совершеніи обряда. На поведеніи священника при совершеніи обряда тридентскіе и петриковскіе систематизаторы обряда сосредоточили преимущественное свое вниманіе. *Миссалъ* и *Ритуалъ* со всею подробностью опредѣляютъ какъ приготовленіе священника къ совершенію таинства, такъ и поведеніе его при самомъ служеніи; ему указано: гдѣ и какъ въ этомъ случаѣ ступить, стать, наклониться, преклонить колѣно, стать полуоборотомъ, опустить, поднять, развести и сложить руки, куда и какъ вперять взоръ, какое чувство выражать въ своемъ лицѣ и во всей своей фигурѣ, — вообще всѣ пріемы и декораціи благоговѣнія опредѣлены здѣсь подробно и строго.

Восточный обрядъ, по наружности своей, дѣйствительно не представляетъ строгой логической системы—вычищенной, вылощенной; онъ есть собраніе различныхъ богослужебныхъ дѣйствій, представляющихъ только въ общемъ видѣ ходъ богослужебной идеи. Восточная церковь, принявъ эти дѣйствія и цѣлые обряды отъ апостоловъ и преемниковъ ихъ, никогда не рѣшалась мудрить надъ ними по правиламъ измѣнчивой человѣческой логики, но свято соблюдала ихъ во всей цѣлости, какъ священное наслѣдіе отъ древнѣйшей церкви Христовой и какъ знаки непостижимаго и вполнѣ свободнаго откровенія людямъ и дѣйствія благодати Божіей. Священникъ восточной церкви есть только служитель, а не minister обряда; интенція его

остается при немъ и не віяетъ на значеніе обряда и силу благодати,—ему предоставляется полная свобода внутренняго расположенія и выраженія его, почему, за рѣдкими исключеніями, ему не предписываются наклоненія, характеръ оборотовъ, положеніе рукъ и проч. Божественная благодать дѣйствуетъ въ обрядѣ таинственно и вполнѣ свободно и самостоятельно, *она* крещаетъ, *она* запечатлѣваетъ дары св. Духа въ душѣ христіанина, *она* таинственно соединяетъ его съ Богомъ *).

На которой сторонѣ болѣе христіанскаго смысла, истинной жизни и истиннаго христіанскаго духа и характера, это очевидно. Въ римско-католическомъ обрядѣ все проникнуто деспотизмомъ: священникъ находится въ тискахъ многочисленныхъ предписаній, обрядъ—въ тискахъ священника, благодать подавлена обрядомъ. Въ восточномъ обрядѣ, напротивъ, всюду полная свобода. Обрядъ свободенъ отъ насилій измѣнчивой логики, благодать Божія дѣйствуетъ въ немъ вполнѣ свободно, священнику предоставляется полная свобода внутренняго расположенія и наружнаго поведенія, вѣрующіе свободны отъ безусловнаго значенія для нихъ этаго расположенія и поведенія. Вотъ духъ восточнаго обряда, истинный христіанскій духъ. *Идѣже духъ Господень, ту и свобода*, учитъ апос. Павелъ. Гдѣ нѣтъ истинной христіанской свободы, тамъ оскудѣлъ духъ Господень. Восточные христіане имѣютъ двойное преимущество предъ римскими христіанами: 1) первые молятся въ обрядѣ точно также, какъ молились ближайшіе преемники св. апостоловъ и величайшіе отцы первыхъ вѣковъ христіанства, послѣдніе совершенно передѣлали составъ и текстъ древняго обряда и наполнили его множествомъ позднѣйшихъ вставокъ и мудрованій; 2) въ отношеніяхъ къ обряду и благодати мы, восточные христіане,

---

*) Это и выражается формулами: «крещ*ается* рабъ Божій... причащ*ается* рабъ Божій...»

не рабы, а свободные дѣти Божіи. Восточный обрядъ полонъ жизни, священникъ имѣетъ въ немъ всю возможность представлять собою не заказный, не механическій, не самый жизненный примѣръ благоговѣнія молитвеннаго; латинскій же обрядъ сухъ, схоластиченъ, скученъ, ксендзъ латинскій дѣйствуетъ въ немъ какъ автоматъ, онъ не можетъ избѣжать лицемѣрія, не быть однообразнымъ, въ высшей степени скупымъ, мертвящимъ, потому что все поведеніе его—заказное до послѣднихъ мелочей.

Но не поняли этаго величія и правды восточнаго обряда дѣятели замойскаго собора и исправители унитскихъ книгъ богослужебныхъ; воспитываясь на логикѣ Аристотеля и схоластикѣ езуитской, они поражались мнимою опредѣленностію и ясностью понятій въ обрядѣ римскомъ, закономъ системы, гладкостью текста, пышностью формъ, ангелоподобнымъ видомъ католическаго ксендза. Незамѣтно для самихъ себя, потерявъ восточный духъ и бывшіе противниками этаго собора и исправленія богослужебныхъ обрядовъ и, при первой критической повѣркѣ себя съ нимъ увидѣли—не какъ далеко уклонились сами они отъ своего богослуженія, но какъ—будто—обрядъ восточный въ самомъ дѣлѣ нелогиченъ, противурѣчивъ, полонъ хлама ненужнаго, неясенъ и грубъ. Невѣжественные и злобные аргументы Кассіана Саковича, хорошо затверженные католическимъ духовенствомъ и при всякомъ удобномъ случаѣ напоминаемые унитамъ, заставляли послѣднихъ краснѣть и кидаться на всѣ средства, чтобы въ обрядѣ своемъ а въ себѣ самихъ точно и вѣрно выразить смыслъ и духъ обряда и ксендза римскаго. И въ этомъ духѣ унитство думало найти убѣжище отъ страшнаго призрака схизмы. Требованія замойскаго собора и василіанскія поправки въ богослужебныхъ книгахъ казались уже недостаточными, въ тѣхъ и другихъ оставалось еще много схизматическаго, въ нихъ заповѣдалось точное восточное устройство церквей, оставались пять просфоръ въ евхаристіи, не признавались

органы, удержаны полные тексты (хотя и со множеством дополнений) литургіи, вечерни и утрени и проч. и проч., даже—о, ужасъ!— постоянно встрѣчалось слово *православной*, какъ собственный эпитетъ унитскаго исповѣданія, унитскихъ христіанъ и под. И началась работа этаго дикаго, невиданнаго въ другихъ исповѣданіяхъ самоволія, выросшаго въ безурядицѣ іерархической и потомъ обезпеченнаго конституціею новорожденнаго химерическаго Царства Польскаго,—началось дальнѣйшее разрушеніе восточнаго обряда, начатое замойскимъ соборомъ и почаевскими василіанами. Кто уничтожалъ въ своей церкви иконостасъ, наставилъ боковыхъ престоловъ и скамей, кто выбрасывалъ проскомидію, эктеніи и разныя дѣйствія въ литургіи, не имѣющіе будто бы, смысла въ общемъ ходѣ литургійной мысли и только обременяющія цѣлый обрядъ, кто уродовалъ, а кто и вовсе уничтожалъ утреню и вечерню, исполнялъ всѣ другіе обряды такъ какъ внушала фантазія, повсюду явились органы, монстранціи, годзинки, литаніи и проч. На всѣ эти перемѣны никогда и ни отъ какой власти унитской не было ни предписаній, ни разрѣшеній, но все это было дѣломъ одного дикаго самоволія унитскихъ священниковъ, и какъ шляхтичъ въ своемъ огородѣ считалъ себя равнымъ воеводѣ, такъ и каждый унитскій священникъ въ своемъ приходѣ считалъ себя безконтрольнымъ министромъ уніи. Всѣми этими перемѣнами управляло одно горячее желаніе—сдѣлать унитство возможно выпуклымъ, полнымъ и строгимъ выраженіемъ польскаго католичества такъ, чтобы то и другое, по возможности, не имѣли „жадней ружницы“ и было бы въ нихъ „вшистко едно и тажъ само“, въ чемъ теперь и старается увѣрить всякаго подлясское духовенство. Вотъ происхожденіе тѣхъ „звычаевъ“, которыхъ будто нельзя перемѣнить безъ разрѣшенія папы! Самовольное измѣненіе того или другаго обрядоваго дѣйствія и каждое грубое нововведеніе, разъ допущенное, становилось деспотомъ для самыхъ священ-

никовъ униатскихъ. Стоокій аргусъ, въ лицѣ зоркихъ польско-латинскихъ ксендзовъ, колляторовъ, экономовъ, войтовъ, самихъ униатскихъ священниковъ—сыновей чистокровныхъ католичекъ, вообще полонизма и латинства, сторожилъ эти безцѣнныя для него нововведенія и какъ баснословный оводъ грызъ нарушителя ихъ упреками въ наклонности къ схизмѣ.

Весьма любопытно и безпримѣрно положеніе холмскихъ епископовъ среди этаго всеобщаго самоволія паствы ихъ. Они были хранителями богослуженія, опредѣленнаго въ церковныхъ книгахъ и уставахъ; но на дѣлѣ эти книги считались схизматическими едва ли не болѣе, чѣмъ книги православныя для почаевскихъ монаховъ. Они не смѣли возвысить своего голоса среди своей паствы и сами должны были идти туда, куда брело жалкое стадо ихъ, руководимое волками. Болѣе серьезные изъ нихъ пытались было остановить этотъ дикій бѣгъ его, отпугнуть волковъ, ввести надлежащій во всемъ порядокъ. Но сами, потерявъ духъ восточный и русскій, ополяченные и олатинизированные, они могли только фантазировать, а не дѣйствительно возстановлять порядокъ богослужебный, вся дѣятельность ихъ была только лавированьемъ между современною имъ практикою въ приходахъ и василіанскими редакціями церковныхъ книгъ. Къ такимъ ревнителямъ *униатскаго* обряда принадлежитъ бывшій холмскій епископъ, ученый и весьма серьезный *Цѣхановецкій*, издавшій въ 1815 году Porządek Nabożeństwa Cerkiewnego. При взглядѣ на эту книжечку, прежде всего спрашиваемъ себя: почему издатель ея не ограничился въ этомъ дѣлѣ простымъ и строгимъ предписаніемъ священникамъ—точно и неизмѣнно соблюдать чинъ богослуженій, изложенный въ униатскомъ служебникѣ, но счелъ нужнымъ особо изложить этотъ чинъ? Занимаясь почти исключительно поведеніемъ священника и діакона при совершеніи литургіи, вечерни и утрени, опредѣляя шагъ за шагомъ положеніе корпуса ихъ

рукъ, глазъ, всѣхъ движеній и пріемовъ, подобно тому, какъ это описано въ *Мшалахъ* латинскихъ, не имѣлъ ли онъ при этомъ прямою заботою авторизировать для унитскихъ священниковъ поведеніе, при богослуженіи, ксендзовъ польско-латинскихъ и пополнить этотъ пробѣлъ въ унитскихъ служебникахъ? Далѣе вы видите, что въ этой книжечкѣ: 1) всѣ восточныя названія различныхъ принадлежностей богослуженія, удержанныя даже въ служебникахъ унитскихъ, замѣнены названіями латинопольскими (Msza, kapłan, alba, dałmatyka, Stola, Mensa, Velum, Hostya и проч.) и къ богослужебному славянскому языку примѣненъ шрифтъ латинопольскій; 2) авторизируются органы (Chór śpiewa lub gra), не допускаемые въ унитскихъ служебникахъ. Лавированье автора этого устава простирается до того, что онъ преклоняется предъ «звычаями» даже въ такомъ важномъ грѣхопаденіи ихъ предъ духомъ и смысломъ восточной литургіи, какова *мша читана* (тихая, въ противуположность обыкновенной, называемой унитами *спѣваною*) и беретъ ее въ свой «Porządek», какъ самъ выражается «z rubryk Mszałów poprawnych (?) i z powszechnego ludzi umiejętnych zwyczaju.»—

Такое лавированье продолжалось до послѣдняго холмскаго епископа—номината Калинскаго, который открыто сталъ за всѣ «звычаи,» соблюдаемые унитскими священниками холмской епархіи, и заявилъ, что они не могутъ быть нарушаемы безъ разрѣшенія папы.

Что же народъ? Какъ онъ относится къ этой жалкой уніи?

ПОСЛѢСЛОВІЕ

къ письмамъ изъ Подляссья.

Уничтоженіе русскихъ костей и затираніе слѣдовъ ихъ въ холмской епархіи особенно развилось и производилось съ лихорадочнымъ усиліемъ со времени усмиренія польскаго мятежа

1831 года и возсоединенія бѣлорусскихъ унитовъ съ православною церковію въ 1839 году. Никогда взаимный союзъ полоно-латинства и уніи не достигалъ такой повидимому искренности и прочности, какъ со времени этихъ знаменательныхъ событій. До 1831 года на Подлясьѣ далеко не рѣдкостью были унитскіе священники, которые не только въ частномъ разговорѣ, но и во всѣхъ церковныхъ актахъ употребляли только русскій языкъ.—При многихъ церквахъ существовали *школы*, въ которыхъ церковный *дякъ* обучалъ только на русскомъ языкѣ; послѣ 1831 года сразу почти замолкъ здѣсь въ приходахъ этотъ злополучный языкъ, *іереи* унитскіе начали подписываться *ксендзами, дяки—органистами,* метрики пишутся только на польскомъ языкѣ, училищъ русскихъ не стало ни одного. До 1839 года большая часть унитскихъ церквей имѣли восточное внутренное устройство, не видно было въ нихъ ни монстранцій, ни органовъ, не слышно было рожанцовъ, нешпоръ и под., съ этого года внутреннее устройство церквей быстро преобразуется по латинскому образцу, особенно размножаются органы, зоводятся повсюду рожанцы, народъ ежегодно тысячами переводится въ латинство, унитскіе пустѣютъ, часто церкви горятъ до тла, или отъ ветхости разрушаются и на мѣстахъ ихъ выростаетъ бурьянъ. Всѣ эти явленія—замѣчательно и въ высшей степени поучительно для мѣстной русской администраціи—происходили на глазахъ русскаго правительства, въ первый разъ послѣ 1831 года ставшаго твердою ногою въ Царствѣ Польскомъ и довольно сурово сжавшаго въ своихъ рукахъ полоно—латинство. Это, повидимому, пришибленное и смирившееся полоно-латинство дѣйствовало такъ ловко, что всѣ правительственныя мѣры, принятыя съ 1831 и съ 1839 годовъ по отношенію къ русскому дѣлу въ Царствѣ Польскомъ и въ частности къ возрожденію унитовъ, достигали совершенно противуположныхъ результатовъ и въ рукахъ ближайшихъ исполнителей ихъ служили орудіемъ къ развитію въ унитской интеллигенціи большей ненависти къ Россіи и къ болѣе вѣрной и скорой полонизаціи и латинизированію унитовъ. Къ 1840 году русское правительство достигаетъ того, что въ гимназіяхъ Царства Польскаго преподаваніе производится на русскомъ языкѣ въ присутственныхъ мѣстахъ почти все дѣлопроизводство происходитъ на русскомъ же языкѣ, а между тѣмъ, какъ мы уже замѣтили, русскій языкъ окончательно изгоняется изъ церковныхъ актовъ унитско-русскихъ, церковно-приходскія училища совер-

постепенно исчезают и замѣняются польскими, въ семействахъ русскихъ священниковъ не слышится болѣе русское слово, въ семинаріи холмской, вмѣсто прежняго преподавательнаго латинскаго языка, рѣшительно и исключительно остается языкъ польскій. Правительство дѣятельно заботится о возстановленіи восточнаго богослуженія въ унитскихъ церквахъ,—строитъ на свой счетъ иконостасы въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ не было ихъ, учреждаетъ въ г. Холмѣ «Институтъ дяковъ», съ цѣлію приготовить пѣвцовъ для унитскихъ церквей и вытиснуть изъ нихъ органы, учреждаетъ отдѣльныя унитскія училища съ обученіемъ въ нихъ «на природномъ языкѣ жителей», воспитываетъ на своей счетъ въ московской и кіевской духовныхъ академіяхъ нѣсколькихъ семинаристовъ, учреждаетъ въ холмской семинаріи каѳедру русскаго языка и русской словесности, а между тѣмъ 1) съ этого именно времени окончательно утверждается въ унитскихъ церквахъ латинское устройство, лики восточныхъ святыхъ исчезаютъ изъ нихъ и замѣняются изображеніями бритыхъ и стриженыхъ латинскихъ монаховъ, иконостасы снимаются тамъ, гдѣ они издавна были, а поставленные правительствомъ подвергаются грубымъ насмѣшкамъ со стороны унитскаго духовенства и считаются помѣхою богослуженію, все богослуженіе строго проникается духомъ латино-польскимъ; 2) изъ «института дяковъ» выходятъ отличные *органисты*, не имѣющіе пѣвческаго голоса, прекрасно владѣющіе польскимъ языкомъ, котораго большинство ихъ, будучи изъ крестьянскаго сословія, вовсе не понимало до поступленія въ «институтъ»; 3) въ отдѣльныхъ унитскихъ училищахъ, вмѣсто «природнаго языка жителей», слышится только языкъ польскій, даже религія преподается на языкѣ польскомъ: визитація, вся администрація этихъ училищъ, всѣ отношенія къ ней унитскихъ благочинныхъ, священниковъ и под. производятся исключительно на польскомъ языкѣ, и не только въ унитскомъ духовенствѣ, но даже въ нѣкоторой части народа утверждается мысль, что «природный языкъ жителей»—унитовъ есть именно польскій языкъ; 4) воспитанники русскихъ духовныхъ академій—униты, по возвращеніи въ холмскую епархію, встрѣчаются здѣсь взрывомъ всеобщей неприязни, хотя на самомъ дѣлѣ они оказываются такими, что правительству стоило только жалѣть о потраченныхъ на нихъ деньгахъ; 5) русскому языку въ холмской семинаріи учились меньше, чѣмъ всякому другому предмету и занятія имъ подвергались всякимъ насмѣшкамъ. Въ этотъ именно короткій пе-

ріодъ, въ который правительство руское изливало на униатовъ столько благодѣяній и попечительныхъ заботъ, сколько не получали они впродолженіи всей предъидущей своей исторіи, особенно развилась въ унитскомъ духовенствѣ ненависть ко всему русскому и какое то нахально-небрежное отношеніе къ восточному славянскому богослуженію. Женитьба холмскихъ семинаристовъ на католичкахъ и присоединеніе священниками дочерей своихъ къ католичеству въ то время было дѣломъ обыкновеннымъ. Казалось, что участь уніи окончательно рѣшена была и что эта нѣкогда строптивая дочь полоно-латинства окончательно припала къ груди своихъ родителей. И если бы этотъ порядокъ продолжался еще на нѣсколько лѣтъ, Богъ вѣсть, не сталось ли бы во всѣхъ унитскихъ приходахъ то, что сталось тогда въ мѣстечкахъ Константиновѣ, Парчевѣ, Радинѣ и под., гдѣ стоятъ нынѣ унитскія церкви среди сплошнаго латинскаго, точнѣе олатинившагося, населенія.

Но, къ горькому соболѣзнованію папы, «поляки способны только компрометировать всякое дѣло». Пока отношенія между полоно-латинствомъ и уніею ограничивались только чувствомъ, все шло для нихъ какъ нельзя лучше. Но едва снова не разстроилось это согласіе, когда полоно-латинизмъ увидѣлъ, что ему развязаны руки. Съ 1857 года въ Польшѣ власть русская довольно было ослабѣла, полоно-латинизмъ, увидѣвъ себя снова въ силѣ, вдругъ подбоченился и гордо взглянулъ на «хлопску виру»,—онъ напомнилъ уніи старыя времена и принялся предупреждать въ холмской епархіи возможность 1839 года для Бѣлоруссіи, требуя отъ уніи только безусловнаго повиновенія. Первымъ дѣломъ его было созданіе польско-латинскаго патрона для унитско-русскаго Подлясья въ лицѣ Виктора—*поляка 4-го вѣка*. Унитское подлясское духовенство обязано было участвовать съ своими прихожанами въ процессіяхъ вымышленныхъ останковъ этого диковиннаго патрона его. Вторымъ дѣломъ его было торжественное объявленіе, что въ лицѣ Іосафата Кунцевича униты не имѣютъ никакой связи съ остальнымъ русскимъ народомъ и должны существенно слиться съ поляками. Въ то же время, подлясское унитское духовенство незамѣтно для самаго себя оказалось въ неофиціальной, но сильной зависимости отъ яновской латинской каѳедры: яновскій епископъ выступалъ предъ нимъ, яко власть имѣющій, дѣлалъ замѣчанія и строгія предостереженія священнику, обучавшему въ училищѣ унитскихъ учениковъ славянскимъ молитвамъ и обрядамъ восточной

церкви, сурово смотрѣлъ на тѣхъ изъ нихъ, кто осмѣлился заговаривать о равноправности уніи съ латинствомъ. Польскіе ксендзы сбросили съ себя недавнюю личину любезныхъ фратровъ, не стѣсняясь громко заявлять, что унія—религія временная и подчиненная латинству и употребляли самыя нахальныя средства къ перетаскиванію унитскихъ овецъ въ латинскій дворъ. Но такая внезапная перемѣна въ чувствахъ полоно-латинства, эта заносчивость польскихъ ксендзовъ, это безцеремонное хозяйничанье въ уніи, какъ и слѣдовало ожидать, оскорбили *ксендзовъ* унитскихъ. Однако первая вспышка ихъ потерпѣла полное пораженіе (см письмо 2-е). Но полонизмъ самъ пособилъ имъ въ этомъ дѣлѣ. Два поляка сойдутся—подерутся. Одна знатная полька вдругъ, повидимому ни съ сего ни съ того, взяла унію подъ свою защиту и рѣзко выступила противъ яновскаго епископа. Въ домѣ ея унитскіе *капланы*, «добрые русины», стали частыми и милыми гостями, а польскіе начали подвергаться насмѣшкамъ. Поддерживаемые этою патронкою унитскіе ксендзы начали храбро защищать свое стадо отъ нападеній ксендзовъ латинскихъ. На съѣздѣ подлясскаго духовенства, бывшаго подъ предсѣдательствомъ яновскаго епископа, повелись жалкія рѣчи о смутномъ раздѣленіи въ духовенствѣ» обоихъ обрядовъ», съ укоромъ унитской братіи въ строптивости и раздраженіи. Но унитская братія не тронулась этими жалкими словами и громко заявила требованіе равноправности уніи съ латинствомъ и невмѣшательства латинской братіи въ духовныя нужды унитскаго народа. Предсѣдатель пригласилъ крикуновъ къ порядку и скоро затѣмъ издалъ окружное посланіе къ духовенству обоихъ обрядовъ, въ которомъ онъ оправдывалъ всѣ захваты латинства въ унитскомъ стадѣ, хитро да тонко толкуя буллы папскія относительно перехода русскихъ унитовъ въ латинство и примѣняя къ нимъ буллы, изданныя для грековъ италіанскихъ, которые сильно стѣснены были въ своихъ отношеніяхъ къ латинству, упрекалъ «братію каплановъ унитскихъ» въ незнаніи папскихъ буллъ и происшедшій между «пастырями Авраама и Лота» раздоръ производилъ единственно отъ «частныхъ и чисто индивидуальныхъ недоуразумѣній, имѣющихъ свой источникъ въ недостаткѣ любви къ ближному». Въ то же время, патронка унитовъ получила отъ епископа ласковое внушеніе не разжигать вражды *въ одной церкви Божіей*. Но какъ посланіе, такъ и это внушеніе произвели еще большій раздоръ въ этой мни-

во-единой церкви. Унитское духовенство—«добрые русины» отвѣтили епископу на посланіе его рѣзкимъ письмомъ, а патронка заявила, что она сама приметъ унію, если послѣдней не будетъ дана равноправность съ латинствомъ.

Но что же значила вся эта драма? Въ самомъ ли дѣлѣ она была зерномъ, изъ котораго естественно и послѣдовательно могло вырости крѣпкое русское дерево? Такъ именно нынѣ толкуютъ это дѣло главные унитскіе участники въ немъ, но не то было на самомъ дѣлѣ. Уже то одно, что эта же патронка главнымъ образомъ способствовала назначенію холмскимъ епископомъ Калинскаго, бывшаго священникомъ въ имѣніи ея, въ чемъ она вполнѣ сошлась съ яновскимъ епископомъ, сильно заподозрѣваетъ покровительство ея уніи и русинамъ. Она покровительствовала призрачнымъ русинамъ, боясь возникновенія дѣйствительныхъ русиновъ въ средѣ унитства,—покровительствовала тогдашней уніи, боясь возрожденія уніи старой. Она смотрѣла на Русь и унію тѣми же глазами, которыми нынѣ смотритъ на нихъ въ Галиціи гр. Голуховскій и такъ называемая либеральная польская партія. Для нее ничего не значило дать права унитскому обряду въ тогдашнемъ видѣ его, какъ кожѣ, подъ которою можетъ жить и развиваться такой же и даже болѣе латино-польскій духъ, чѣмъ подъ кожею латинства. «Добрые русины» были того же мнѣнія и потому они называли измѣнниками и предателями тотъ кружокъ лицъ изъ Холмщины, который подалъ великому князю намѣстнику адресъ съ просьбою охранить унію отъ посягательствъ полонизма и латинства. Адресъ этотъ былъ виновенъ предъ ними вдвойнѣ: по своему содержанію, потому что отзывался тогдашнимъ галиційскимъ характеромъ, изъ котораго дѣйствительно развился характеръ обще-русскій, и потому что онъ искалъ правъ для уніи отъ русскаго правительства, а не отъ авторитетной для нихъ власти «народоваго жонда». «Добрые русины» подляскіе вели споръ съ латынскимъ духовенствомъ, собственно говоря, о томъ, кто болѣе полякъ въ высшемъ смыслѣ—унитъ или латинникъ? Мятежъ 1863 года лучше всего отвѣтилъ на этотъ вопросъ: обѣ стороны оказали этому дѣлу равныя услуги, съ тѣмъ только различіемъ, что ксендзы польскіе, какъ кавалеры, горячія головы, принадлежали преимущественно къ партіи *красныхъ*, а ксендзы унитскіе, какъ люди семейные, склонялись наиболѣе къ партіи *бѣлыхъ*, хотя нѣко-

торые изъ главныхъ унитскихъ дѣятелей означеннаго спора отличались во время мятежа довольно *красными* дѣлами.

(Кіев. Еп. Вѣд.)

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Собраніе слонимскаго церковнаго братства,

въ день годовщины 10-го ноября 1867 года.

Общее собраніе слонимсккаго православнаго Преображенскаго братства, въ день годовщины, открыто было богослуженіемъ, приличнымъ тому дню, въ слонимской соборной Преображенской церкви, послѣ котораго всѣ собравшіеся на лицо братчики приглашены были учредителемъ онаго г-мъ слонимскимъ предводителемъ дворянства Н. Е. Извѣковымъ въ его квартиру. Здѣсь, имъ же, какъ казначеемъ совѣта братства, представленъ былъ подробный отчетъ о всей собранной въ теченіи года суммѣ и о сдѣланномъ изъ оной расходѣ. Изъ отчета представленнаго видно, что братство въ первомъ году своего существованія успѣло собрать весьма небульшую сумму денегъ, именно всего 687 руб. 63. коп. Изъ этой суммы, на разныя нужды израсходовано 136 руб. серебр., за тѣмъ находится въ остаткѣ 551 руб. 63 коп. Всѣхъ членовъ братства съ правомъ голоса и со взносомъ по 5 руб. сереб. и болѣе, было всего 60 человѣкъ. Но кромѣ сихъ членовъ, братство еще считаетъ почетнымъ членомъ своимъ быв. гродненскаго губернатора *И. Н. Скворцова.*

Также приняли по предложенію братства званіе почетныхъ членовъ слѣдующія лица: професоръ с.-петербугской духовной академіи *М. О. Кояловичъ; Н. А. Зубковъ,* отъ коего братство въ даръ получило 50 р. с.; *И. И. Четвериковъ,* извѣстный всему западному краю ревнитель въ дѣлѣ украшенія храмовъ Божіихъ, по ходатайству коего

братство получило въ даръ отъ доброхотныхъ московскихъ жертвователей 100 руб. сер. на поддержаніе школъ. *А. И. Забѣлинъ,* бывшій слонимскій мировой посредникъ и проходившій затѣмъ разнообразныя другія должности, пожертвовавшій на братство 10 руб. *Я. А. Померанскій,* коимъ прислано на первый разъ въ складъ братства 50 крестиковъ золоченыхъ и чистосеребряныхъ и кромѣ того въ хорошемъ переплетѣ 8 экз. евангелій. Были приглашаены въ почетные члены и еще нѣкоторыя лица, но братство не было удостоено отвѣта.

Не имѣя, на первыхъ порахъ, достаточной матеріальной и нравственной поддержки, слонимское православное братство, естественно, ири однихъ весьма слабыхъ своихъ средствахъ и еще неокрѣпшихъ силахъ, не могло въ первомъ году своего существованія много чего сдѣлать. И потому дѣятельность его, какъ видно изъ прочитанныхъ въ общемъ собраніи протоколовъ, еще весьма незначительна. Но братство надѣется, что въ будущемъ, когда оно немного болѣе окрѣпнетъ и будетъ имѣть поддержку извнѣ, дѣятельность его не останется безъ пользы.

Дѣятельность братства главнымъ образомъ была обращена на присоединеніе иновѣрцевъ къ православію и устройство ихъ будущности. Такъ нѣкоторыя лица изъ присоединившихся, особенно болѣе нуждающіяся, получили довольно выгодныя мѣста и нынѣ могутъ существовать безбѣдно. Одинъ ученикъ слонимскаго уѣзднаго училища, присоединившійся къ православію, пристроенъ въ гродненскую гимназію и въ оной содержится на средства члена братства Н. Е. Извѣкова. Братство завело три склада: книжный, свѣчной и образной, и надѣется отъ нихъ въ будущемъ не малой пользы. Оно имѣетъ у себя живописца, который за весьма сходную цѣну пишетъ образа и живопись котораго для сельскихъ церквей довольно удовлетворительна. Оно имѣетъ свою золотошвею, которая отъ духовенства получаетъ постоянно разные заказы и ис-

полняетъ ихъ по надлежащей формѣ и весьма добросовѣстно. Въ семъ братскомъ собраніи, по разсмотрѣніи отчетности, приступлено было къ избранію на слѣдующій годъ новыхъ членовъ совѣта братства и таковыми, по большинству голосовъ, избраны: 1) настоятель жировицкаго монастыря, архимандритъ Николай; 2) Н. Е. Извѣковъ, слонимскій предводитель дворянства; 3) М. М. Заградинъ, слонимскій уѣздный исправникъ; 4) о. Н. Пѣшковскій, бытенскій благочинный; 5) о. К. Смольскій, священ. слоним. собор. церкви, 6) о. Л. Формасевичъ, свящ. гощевской церкви; 7) В. И. Лавровъ, мировой посредникъ; 8) о. І. Соловьевичъ, протоіерей слонимской собор. церкви; 9) П. П. Ессауловъ, мировой посредникъ; 10) А. В. Виноградовъ, слоним. уѣздный казначей; 11) о. А. Тылинскій, свящ. хорощинской церкви; 12) о. Л. Баландовичъ, свящ. милькановицкой церкви.

По объявленіи объ избраніи братствомъ вышеозначенныхъ лицъ въ члены совѣта, новоизбранные здѣсь же приступили къ избранію изъ среды себя: предсѣдателя, казначея и дѣлопроизводителя. Въ предсѣдатели избранъ: о. архимандритъ Николай; въ казначеи: А. В. Виноградовъ; въ дѣлопроизводители: о. К. Смольскій.

Затѣмъ членами совѣта братства опредѣлено было собирать ежемѣсячныя братскія очередныя засѣданія во всякое 3-е число мѣсяца, въ 6-ть часовъ вечера, въ домѣ члена совѣта о. протоіерея І. Соловьевича.

На семъ же собраніи заявлено было всѣми братчиками: объ усиленіи продажи въ братскомъ складѣ церковныхъ свѣчей, отъ коихъ могла бы быть польза для церквей, пріобрѣтающихъ изъ сего склада свѣчи, а равно для самаго братства. А для лучшаго и успѣшнѣйшаго хода въ семъ благомъ дѣлѣ постановлено: открыть по одному складу въ каждомъ изъ 5-ти благочиній слонимскаго уѣзда и, по возможности, въ центрѣ оныхъ; продажу же свѣчей предоставить тѣмъ изъ усердствующихъ священниковъ, которые для пользы брат-

ства сами пожелаютъ заняться симъ дѣломъ. Также еще признано весьма необходимымъ дѣломъ, во всякое ежемѣсячное очередное засѣданіе вносить вырученныя во всѣхъ 5-ти складахъ за свѣчи деньги и таковыя передавать, на засѣданіи, казначею совѣта братства для внесенія оныхъ въ кассовую братскую книгу и храненія. За тѣмъ заявлено: имѣть рачительную заботливость о выпискѣ въ книжный складъ полезныхъ книгъ, какъ церковныхъ и другаго содержанія, такъ и необходимыхъ для первоначальнаго обученія народа грамотѣ, и позаботиться объ успѣшномъ распространеніи ихъ въ народѣ. Особенное вниманіе предположено обратить на возможно большее распространеніе евангелія въ русскомъ переводѣ, а также на усиленіе продажи по самой дешевой цѣнѣ крестиковъ и образовъ, писанныхъ на доскахъ, въ чемъ по преимуществу нашъ простой народъ нуждается.

Главными сотрудниками и помощниками братства въ этомъ могутъ быть приходскіе священники и мировые посредники. При горячемъ участіи сихъ людей, дѣла братства пойдутъ весьма успѣшно. Они также могутъ быть самыми ревностными дѣятелями въ дѣлѣ укрѣпленія доброй нравственности въ народѣ. И потому братство всегда будетъ ихъ имѣть въ виду и обращаться къ ихъ помомощи и содѣйствію.

По разсмотрѣніи дѣлъ братства за прошлый годъ и по тщательномъ обсужденіи дѣятельности онаго на будущій, общее братское собраніе кончилось взаимными благожеланіями въ преуспѣяніи дѣлъ онаго и членскимъ взносомъ денегъ. Такого членскаго взноса поступило: отъ о. архимандрита Николая 10 руб., отъ протоіерея І. Соловьевича 5 руб., Н. Е. Извѣкова 10 руб., В. И. Лаврова 5 руб., священ. К. Смольскаго 5 руб., А. В. Виноградова 5 руб., священ. Л. Формашевича 6 руб., М. М. Заградина 6 руб., священ. Л. Баландовича 5 руб., священ. А. Тылинскаго 5 р., итого 64 руб. серебр. Всѣ вышеозначенныя деньги пере-

даны на храненіе новоизбранному казначею и внесены въ кассовую братскую книгу.

Вотъ какова пока была дѣятелность слонимскаго православнаго братства.

Дай же Богъ, чтобы во второмъ году своего существованія слонимское братство успѣло принесть какъ можно больше пользы обществу и ознаменовать свою деятелность разнаго рода благотворительными христіанскими дѣлами!

Свящ. слонимскаго собора К. Смольскій.

Слонимское православное Преображенское братство. Годъ второй, засѣданіе первое 3 января 1868 года.

Подъ предсѣдательствомъ о. архимандрита жировицкаго монастыря Николая, члены совѣта: Н. Е. Извѣковъ, М. М. Заградинъ, о. протоіерей І. Соловьевичъ, о. Кл. Смольскій, о Н. Пѣшковскій, о. Л. Формашевичъ, В. Н. Лавровъ, П. Н. Ессауловъ, А. В. Виноградовъ, о. А. Тылинскій, о. Л. Баландовичъ.

Совѣтъ слонимскаго православнаго братства, заботясь о поддержаніи существованія при слонимской соборной церкви пѣвческаго хора, нашелъ нужнымъ роздать книжки за подписью предсѣдателя, скрѣпою дѣлопроизводителя и братскою печатью желающимъ по усердію заняться сборомъ денегъ на уплату регенту сего пѣвческаго хора. На семъ же совѣтѣ изъявили желаніе получить таковыя книги слѣдующія лица: членъ совѣта В. Н. Лавровъ, членъ совѣта П. Н. Ессауловъ, членъ совѣта А. В. Виноградовъ; кромѣ того постановлено просить о принятіи таковыхъ книгъ мировыхъ посредниковъ, И. Н. Акинина и Н. Я. Ельчанинова, и если пожелаютъ оныя изъ братства совѣта получить, выдать какъ имъ, такъ и вышепоименованнымъ членамъ совѣта, изъявившимъ уже на это лично свое желаніе. О. протоіерей І. Соловьевичъ, заявляя, что при слонимскомъ соборѣ въ настоящее время находится еврейка, которая изучаетъ молитвы и готовится къ принятію св. креще-

нія по православному обряду, довелъ до свѣдѣнія совѣта братства, что она крайне бѣдна и не имѣетъ на что содержаться. Вслѣдствіе таково заявленія, членъ братства В. И. Лавровъ пожелалъ принять означенную еврейку подъ свое покровительство давать и ей необходимое содержаніе до времени св. крещенія. И здѣсь же передалъ о. протоіерею 6 руб. сер. для врученія оныхъ еврейкѣ. Совѣтъ братства, поблагодаривъ лично своего члена за оказанное милосердіе нуждающейся еврейкѣ въ пропитаніи, пожелавшей креститься въ православную вѣру, постановилъ: имѣть ее на будущее время, послѣ совершенія св. таинства крещенія, въ виду, и по возможности оказать ей братскую помощь и поддержку.

Членъ совѣта братства Н. Е. Извѣковъ заявилъ, что на содержаніе ученика Мацевича, принявшаго православіе и находящагося нынѣ въ гродненской гимназіи, имъ отпущено было въ минувшемъ году собственныхъ денегъ 60 руб. сер., а теперь проситъ совѣта братства оказать сему ученику пособіе изъ суммъ братства, такъ какъ болѣе не предвидится никакихъ средствъ въ настоящемъ году для его содержанія въ гимназіи. Совѣтъ братства, находя въ настоящее время возможнымъ оказать ученику Мацевичу посильную помощь, постановилъ: выдать чрезъ казначея братства на руки Н. Е. Извѣкова единовременное пособіе 25 руб. сер. и просить сего послѣдняго переслать оныя отъ себя ученику Мацевичу и о полученіи сихъ денегъ вытребовать отъ него росписку и передать въ совѣтъ братства въ слѣдующее засѣданіе, для храненія ея при дѣлахъ братства.

Членъ совѣта братства М. М. Заградинъ заявилъ, что недавно присоединившееся семейство Круповичей находится въ крайней бѣдности и нуждается въ помощи братства. Принимая во вниманіе таковое заявленіе члена совѣта, совѣтъ братства постановилъ: чрезъ казначея совѣта братства выдать въ настоящее время на руки М. М. Заградину

для семейства Круповичей 25 руб. сер. и просить его препроводить отъ себя оныя по назначенію и о полученіи денегъ вытребовать росписку отъ сказанныхъ Круповичей и передать въ слѣдующее засѣданіе въ братскій совѣтъ, для пріобщенія къ дѣламъ братства и храненія.

(Подлинное за подписью предсѣдателя и членовъ совѣта).

Мѣстечко Бездѣжъ.

(*Окончаніе* *).

Достойна также замѣчанія бездѣжская Свято-Троицкая деревянная церковь. Она построена иждивеніемъ прихожанъ мѣстечка Бездѣжа, какъ сказано, въ 1784 году. Несмотря на то, что церковь эта построена еще во времена уніи, она, какъ по наружному своему виду, такъ и по внутреннему устройству, отвѣчаетъ вполнѣ требованіямъ православнаго чувства и вкуса. Будучи возведена на старинномъ фундаментѣ прежней православной церкви, она имѣетъ и форму прежняго храма. Это—продолговатая фигура, на подобіе корабля. Форма эта издревле имѣла глубокое значеніе и была весьма уважаема въ православной архитектоникѣ. Кромѣ того въ настоящей бездѣжской церкви хранятся многіе драгоцѣнные останки прежняго православія въ Бездѣжѣ. Такъ, не говоря уже объ иконостасѣ, который, по свидѣтельству мѣстныхъ старожиловъ, пережилъ времена уніи и долгое еще время былъ сберегаемъ, какъ святыня, въ ней находятся всѣ тѣ православные образа, которые украшали прежнюю церковь. Не будучи археологомъ и спеціалистомъ въ распознаваніи живописи по вѣкамъ и школамъ, я не могъ съ точностію опредѣлить, къ какому времени относится тотъ или другой образъ. Но, судя по разсказамъ старожиловъ, что многія иконы изъ прежней православной церкви перенесены въ нынѣшнюю, а равно по стилю иконописанія нѣкоторыхъ образовъ, по общему очерку и группировкѣ ликовъ, можно съ достовѣрностію положить, что иконы эти писаны еще во времена православія въ мѣст. Бездѣжѣ. Древнѣйшіе образа бездѣжской церкви слѣдующіе:

*) См. Кн. 9 Вѣст. Зап. Россіи.

Г. *Образъ Воскресенія Христова,* находящійся противъ праваго клироса, на стѣнѣ при южныхъ воротахъ. Спаситель изображенъ въ хитонѣ, съ верхнею одеждой на лѣвомъ плечѣ, правой рукой благословляетъ, въ лѣвой держитъ знамя побѣды. Воскресшій представленъ не возлетающимъ, какъ онъ изображается на новыхъ иконахъ, а стоящимъ надъ гробомъ въ облакахъ. Ниже лика Спасителя, во второмъ ярусѣ, изображенъ гробъ Господень. По лѣвой (отъ зрителя) сторонѣ его, ангелъ вѣщаетъ мироносицамъ о воскресеніи, по правой—другой ангелъ отваливаетъ камень отъ гроба. Въ слѣдующемъ нижнемъ ярусѣ изображены римскіе воины, числомъ пять человѣкъ, изъ коихъ три пали ницъ отъ страха. Еще ниже представленъ сонмъ праведниковъ во адѣ и посрединѣ ангелъ, поражающій копьемъ связаннаго узами діавола. Въ послѣдней группѣ весьма картинно изображена радость святыхъ о своемъ избавленіи въ лицѣ одного праведника, выдѣляющагося изъ среды узниковъ съ воздѣтыми руками къ ангелу побѣждающему, съ готовностію пасть предъ нимъ на колѣна. Образъ этотъ, размѣромъ въ полтора аршина длины, писанъ на доскѣ. Ликъ Спасителя изображенъ на золотомъ фонѣ. Всѣ изображенныя лица темныя и худощавыя, что показываетъ въ нихъ чисто византійскій стиль иконописи, принятый нашею церковію и тщательно соблюдаемый древними русскими иконописцами. Самое изображеніе Воскресшаго стоящимъ надъ гробомъ, а не возносящимся,—въ одеждахъ, а не полунагимъ, въ археологическомъ отношеніи служитъ доказательствомъ того, что этотъ образъ древней православно-русской иконописи. Ибо извѣстно, что древніе наши иконописцы, особенно 16-го и 17-го столѣтій, болѣе заботились о полнотѣ духовно-аллегорическаго содержанія иконы, объ удовлетвореніи благоговѣйному чувству христіанъ, чѣмъ о естественности постановки лика и исторической точности. Въ этомъ образѣ, равно какъ и другихъ древнихъ образахъ, замѣчательна еще скромность въ положеніяхъ и движеніяхъ, какъ отдѣльныхъ ликовъ, такъ и цѣлыхъ группъ—качество рѣзко отличающее православную иконопись отъ латинской, сообщающей положенію своихъ фигуръ усиліе и напряженность.

2. *Образъ св. пророка Иліи,* первый отъ иконостаса на первой стѣнѣ. Св. пророкъ изображенъ съ мечемъ въ правой рукѣ и свиткомъ въ лѣвой. На свиткѣ написано вославянски: *«и рече Иліа къ людемъ: поймите пророковъ вааловыхъ, да не единъ скрюется отъ нихъ и яша ихъ»* и проч. Весь ликъ помѣщенъ на золотомъ фонѣ. По сторонамъ его, въ шести рядахъ, изображены событія изъ жизни пророка: рожденіе его, пребываніе въ пещерѣ у потока хоривскаго, воскрешеніе сына вдовицы сарептской, Илья съ Елисеемъ, Илья, молящійся о нисполаніи огня на жертву, Илья, возносящійся на небо и подающій съ колесницы милоть Елисею. Образъ этотъ, длины полтора аршина, писанъ на доскѣ. Онъ вставленъ въ простыя деревянныя рамы, по сторонамъ которыхъ сдѣланы изъ дерева рѣзныя крылья съ изображеніями на нихъ—съ верху Господа Саваоѳа, по сторонамъ—благовѣщенія Пресвятой Богородицы и четырехъ евангелистовъ. Всѣ эти изображенія писаны въ рѣзныхъ, узорчатыхъ, концентрическихъ кругахъ, изъ коихъ одинъ выбитъ золотомъ, другой серебромъ, третій опять золотомъ. Живопись древне-православная русская.

3. Слѣдующій за тѣмъ по порядку *образъ Спасителя,* въ архіерейскомъ облаченіи. Великій архіерей изображенъ сидящимъ на престолѣ съ раскрытымъ евангеліемъ на словахъ: *«рече Господь своимъ ученикамъ: вся мнѣ предана суть отцемъ моимъ».* По правой сторонѣ лика Спасителя-Богоматерь, по лѣвой—евангелистъ Іоаннъ. Всѣ три лика изображены на золотомъ фонѣ. Образъ этотъ писанъ на доскѣ, въ размѣрѣ полутора аршина. Лики темные, весьма правильныхъ очертаній, древняго православнаго стиля иконописанія.

4. Далѣе, на той же стѣнѣ находится *образъ преподобнаго Онуфрія.* Подвижникъ изображенъ въ большомъ видѣ, съ длинною бородой. Поверхъ лика простертъ свитокъ съ надписью: «образъ преподобнаго отца нашего Онуфрія». Между лицомъ и лѣвою рукой святаго, почти въ отвѣсномъ направленіи, находится другой свитокъ съ начертанными на немъ молитвенными словами: *«Господи исполни желаніе сердца моего».* Образъ св. Онуфрія также отличается правильностію отдѣлки и писанъ во вкусѣ древне православномъ, на доскѣ.

5. По лѣвой сторонѣ церкви, на стѣнѣ противъ лѣваго клироса, при сѣверныхъ вратахъ, находится въ весьма приличномъ кіотѣ *образъ Матери Божіей съ Богомладенцемъ* на лѣвой рукѣ. Образъ этотъ, въ 2 аршина длины, писанъ на доскѣ. Оба лика накрыты раззолоченными ризами, съ такими же на главахъ вѣнцами. Какъ лики, такъ и ризы на нихъ очень изящной работы. Внизу образа находится едва замѣтная надпись 1632 г., образъ этотъ по преимуществу чествуется прихожанами.

6. Ближайшій къ иконостасу, на лѣвой стѣнѣ храма, другой *образъ Матери Божіей съ Бого-младенцемъ* на лѣвой рукѣ. Оба лика покрыты раззолоченными вѣнцами. Живопись также древняя, старинно-русская. Образъ писанъ на доскѣ.

7. На срединѣ лѣвой стѣны храма находится *образъ св. Параскевіи*, расписанный въ клѣтки, на подобіе извѣстнаго образа двунадесяти праздниковъ. Средину образа занимаетъ ликъ св. Параскевіи, писанный на золотомъ фонѣ. Поверхъ разноцвѣтной туники, въ которую облачена святая, простирается одежда, извѣстная въ древности подъ названіемъ «милоти». Святая держитъ въ правой рукѣ шестиконечный крестъ, въ лѣвой—побѣдную мученическую вѣтвь; на главѣ у ней вѣнецъ, поддерживаемый двумя ангелами. По сторонамъ лика мученицы, равно какъ и внизу его, въ семи четверо-угольникахъ, изображены событія изъ жизни св. Параскевіи, съ объяснительными надписами: *«святую воведоша въ темницу», святую приведэша предъ анѳіата», «святую жилами бьютъ», «святая игемону плюну въ лице», „святая страждe Христа ради», «святая покруши идолы», «святую усыкнуша»*. Всѣ надписи начертаны шрифтомъ славяно-греческимъ, съ употребленіемъ греческихъ буквъ: алфы, сигмы, у и др. Весь образъ величиной въ полтора аршина писанъ на доскѣ. Внизу его, при самомъ кіотѣ находится надпись: «наданъ бысть сей образъ святой мученицы Праскевіи на честь и на хвалу Господу Богу рабомъ Божіимъ Антономъ Саньковичемъ року 1600».

8. Рядомъ съ этимъ образомъ, ближе къ дверямъ, находится другой *образъ св. Параскевіи*, такого же размѣра и писанный также на доскѣ. Святая представлена стоящею ногами на головѣ распростертаго внизу дракона,

имѣющаго образъ человѣка. Подлѣ дракона лежитъ мечъ. Правая рука святой протянута почти горизонтально, въ соотвѣтствіе ея молитвенному положенію, въ лѣвой—находится крестъ и мученическая вѣтвь. Внизу образа имѣются три славянскія надписи: 1) *святы Великомученницы Параскевіи*, 2) *сей образъ наданъ быстъ до церкви Бездѣжской року 1767* и 3) *азъ же рабъ Божій многорѣшны Игнаты Симоновичъ иконописцъ молю же васъ к. оцъ и братъ молѣтеся Гдвы за дша моя да не погибну лютѣ».* Послѣдняя подпись изображена въ полукругѣ.

9. Не менѣе замѣчательная еще своимъ изяществомъ и православною стариною *икона Божіеи Матери* въ подвижномъ образѣ, почти вся рѣзная. Мастеръ дѣйствовалъ здѣсь и рѣзцомъ и кистью съ равнымъ успѣхомъ. Главнѣйшія черты этого образа слѣдующія: на доскѣ вырѣзанъ въ поясъ полу-барельефомъ ликъ Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на лѣвой рукѣ. Голова, лицо и оконечности рукъ обоихъ ликовъ, поверхъ рѣзьбы, наведены красками, одежды же ихъ, драппирующіяся въ значительномъ количествѣ складокъ, выбиты матовымъ золотомъ. Лики весьма пріятныя, древняго византійскаго стиля иконописанія.

Всѣ эти иконы, перенесенныя изъ древней православной бездѣжской церкви въ нынѣшнюю, построенную во времена уніи, свидѣтельствуютъ, что жители Бездѣжа искони исповѣдывали православную вѣру и что только впослѣдствіи, въ силу извѣстныхъ прискорбныхъ обстоятельствъ православной церкви въ Бѣлоруссіи, они должны были принять унію. Достовѣрно неизвѣстно, когда возникла здѣсь унія; но можно предполагать, что она введена была въ этомъ мѣстечкѣ не многимъ ранѣе постройки нынѣшней Свято-Троицкой церкви. Необыкновенное благоговѣніе бездѣжскихъ прихожанъ къ поименованнымъ образамъ, вслѣдствіе котораго они и перенесли эти памятники своей досточтимой религіозной старины во вновь построенную церковь, показываютъ, что въ это время, т. е. въ 1784 году, они по духу были православными, хотя и именовались уже уніатами. При томъ извѣстно, что распространителями уніи въ этой мѣстности были базиліанскіе монахи сосѣдняго тороканскаго монастыря, другихъ уніатскихъ миссіонеровъ здѣсь не бывало. Монастырь же тороканскій, какъ

видно изъ хранящихся въ немъ актовъ, основанъ въ концѣ 18-го столѣтія. Слѣдовательно, существованію уніи въ Бездѣжѣ съ большою вѣроятностію можно указать періодъ времени съ 1780 по 1839 г. всего 59 лѣтъ.

Описаніемъ беждѣжской церкви и ея древнихъ иконъ мы оканчиваемъ свой очеркъ Бездѣжа. Весьма полезно было бы для края и его исторіи, если бы кто, болѣе компетентный въ распознаваніи древнихъ памятниковъ православія, занялся изслѣдованіемъ и описаніемъ древнихъ образовъ, сосудовъ, книгъ и прочихъ священныхъ вещей, во множествѣ хранящихся въ церквахъ бѣлорусскихъ епархій. Это еще нагляднѣе познакомило бы читающую русскую публику съ культурою сѣверо-западнаго края Россіи и послужило бы убѣдительнымъ доказательствомъ того, что этотъ край былъ искони православнымъ русскимъ.

Ѳ. Ставровичъ.

Холмскій греко-уніатскій мѣсяцесловъ на 1868 годъ.

„Холмскій мѣсяцесловъ“ представляетъ двоякое значеніе: какъ справочная книга, какъ нравственное и практическое руководство для уніатско-русскаго населенія, и какъ сокровищница исторической старины, замѣняющая до нѣкоторой степени отсутствіе у насъ археографической коммисіи. Въ подробномъ разборѣ мы постараемся опредѣлить, въ какой мѣрѣ выполнена имъ эта трудная задача.

Условія хорошаго календаря заключаются не только въ томъ, чтобы служить удовлетворительною справочною книгою по разнообразнымъ религіознымъ и гражданскимъ обиходнымъ нуждамъ, но также вѣрно отвѣчать той особенной цѣли, для которой онъ предназначается.

Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, „Холмскій греко-уніатскій мѣсяцесловъ“ составленъ столь безукоризненно, что ничего лучшаго не оставляетъ желать. Въ общемъ его отдѣлѣ, кромѣ свѣдѣній, свойственныхъ каждому календарю, помѣщено такое обиліе указаній, имѣющихъ практическій интересъ для обихода жителей привислянскаго края, и такое богатство и разнообразіе статистическихъ данныхъ, касаю-

щихся здѣшней провинціи, что „Холмскій мѣсяцесловъ“ нисколько не уступаетъ лучшему изъ мѣстныхъ календарю Яворскаго, до сихъ поръ покупавшемуся многими изъ русскихъ единственно ради его статистическаго отдѣла.

Чтобы подкрѣпить наши слова доказательствами, укажемъ коротко на нѣкоторыя рубрики статистическаго отдѣла. Такъ, здѣсь приложены: вѣдомость, показывающая составъ 10-ти губерній, и 85-ти уѣздовъ Царства, съ обозначеніемъ ихъ пространства, народонаселенія городскаго и сельскаго, отношенія жителей къ квадратной милѣ и числа городовъ и сельскихъ гминъ въ каждомъ уѣздѣ, свѣдѣнія о численномъ и личномъ составѣ православнаго и греко-уніатскаго духовенства съ показаніемъ приходовъ и монастырей; вѣдомость о спеціальныхъ и общихъ учебныхъ заведеніяхъ съ обозначеніемъ числа преподавателей и воспитанниковъ по вѣроисповѣданіямъ; программа экзамена поступающимъ въ русскую женскую гимназію въ Варшавѣ; статистика фабрикъ и заводовъ; свѣдѣнія о ярмаркахъ; обзоръ внѣшней торговли и дѣйствій польскаго банка; почтовыя правила западнаго почтоваго округа; адресъ-календарь присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ гражданскаго вѣдомства по всѣмъ главнымъ управленіямъ Царства Польскаго; указаніе казенныхъ и примѣчательнѣйшихъ зданій въ Варшавѣ и пр. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что всѣ церковныя данныя заимствованы изъ офиціальныхъ источниковъ, слѣдовательно имѣютъ за собой преимущество свѣжести и авторитетъ вѣрности. Здѣсь, такимъ образомъ, собранъ обильный и надежный справочный матеріалъ, драгоцѣнный въ житейскомъ быту для каждаго читателя, къ какому бы сословію и классу ни принадлежалъ онъ.

Что же касается особеннаго цвѣта и спеціальнаго характера разбираемаго мѣсяцеслова, то это свойство вполнѣ опредѣляется его отдѣломъ историческимъ. Придерживаясь порядка размѣщенія статей, укажемъ прежде всего на собраніе *посланій епархіальной холмской консисторіи всему духовенству холмской греко-уніатской епархіи*, которыя, по мѣрѣ ихъ обнародованія, были въ свое время напечатаны въ нашей газетѣ. Если читатели припомнятъ, что цѣль этихъ посланій заключается въ утвержденіи мира и порядка въ этой епархіи и благоустройнѣйшемъ устроеніи

дѣлъ ея согласно духу, потребностямъ паствы, и соборнымъ уставамъ, утвердившимъ унію, если примутъ въ соображеніе, что дѣло шло объ укрѣпленіи подточенной русской народности, а также о противодѣйствіи незаконнымъ нововведеніямъ, внесеннымъ въ унію латино-польской пропагандой, и обезобразившимъ ее коронками, рожанцами, музыкой, польской проповѣдью, то вполнѣ оцѣнятъ умѣстность и пользу этого приложенія въ книгѣ, которая должна проникнуть въ масу греко-уніатскаго населенія, значительно ополяченнаго, и еще недавно волновавшагося подъ вліяніемъ езуитскихъ происковъ изъ-за очищенія религіозныхъ обрядовъ. Эти замѣчательныя посланія, прочитанныя въ церкви, не всѣми могли быть услышаны, многими могли быть недостаточно поняты; если же онѣ содержатся въ книгѣ, которую грамотный крестьянинъ развертываетъ во всякое свободное отъ работъ время, то истины, въ нихъ изложенныя, могутъ насаждаться въ воспріимчивой душѣ твердо и прочно.

Не находя умѣстнымъ вдаваться въ разборъ богословскихъ трактатовъ, запечатлѣнныхъ глубокою ученостію и заключающихъ въ себѣ интересъ чисто церковный, каковы: *Сходство и разница ученія православной и римской церквей,* архіепископа Антонія, и *св. апостолъ Петръ и его преемники по римской каѳедрѣ,* протоіерея Янковскаго,— перейдемъ къ самому капитальному достоянію мѣсяцеслова, состоящему изъ нѣсколькихъ историческихъ статей, подъ общимъ названіемъ: *Холмская старина.*

Здѣсь вниманіе читателя прежде всего останавливается на весьма важномъ документѣ, случайно найденномъ въ 1866 году въ Холмѣ, и напечатанномъ въ подлинномъ латинскомъ текстѣ и русскомъ, это—*представленіе* (informatio) *о школахъ, учрежденныхъ въ Холмѣ при каѳедральной церкви греческаго обряда, и затѣмъ о школахъ отцовъ піаровъ и о нашихъ бѣдствіяхъ*, поданное въ 1679 года греко-уніатскимъ епископомъ холмскимъ, Іаковомъ Сушею, сперва въ римскую конгрегацію, а потомъ папскому нунцію Франциску Мартеллу. Въ немъ подробно и краснорѣчиво вычислены преслѣдованія, поруганія, грабежи и истязанія, претерпѣнныя воспитанниками греко-уніатскихъ школъ и вообще русскими прихожанами отъ учениковъ отцовъ піаровъ и отъ р.-католиковъ вообще. Кромѣ того, піарами

были отнимаемы у холмской епископіи имѣнія, греко-уніаты всяческими неправдами были совращаемы въ латинство, и не только были осыпаемы публичными ругательствами низшіе служители уніатской церкви, но даже самъ высокопочтенный поборникъ народности и церкви русской, епископъ Іаковъ Суша, съ высоты католическаго амвона былъ обзываемъ „плѣшивымъ и брадатымъ діаволомъ" и пр. Этотъ документъ показываетъ, съ какихъ давнихъ временъ и какому безпощадному натиску подверглась въ здѣшнемъ краѣ русская народность отъ ковней латинства и полещизны. И нельзя не подивиться крѣпости и живучести соплеменнаго намъ народа, который, будучи поставленъ среди столь неблагопріятныхъ обстоятельствъ, до послѣднихъ временъ успѣлъ отстоять въ значительной степени свои русскія прирожденныя особенности.

Вслѣдъ затѣмъ, очень кстати, помѣщено и жизнеописаніе епископа Іакова Суши, заимствованное изъ книги: „Холмская епархія и святители ея," изданной въ прошломъ году во Львовѣ Нѣтъ надобности говорить о томъ призваніи, о тѣхъ цѣляхъ, какимъ была всецѣло посвящена жизнь холмскаго епископа, такъ какъ направленіе его дѣятельности достаточно выразилось для читателей уже въ одномъ, разобранномъ нами, *Представленіи*.

Въ статьѣ: *Столпы или вѣжи подъ Холмомъ* описаны остатки двухъ четырехъ-угольныхъ башень, изъ коихъ бѣловинская находится въ четырехъ, а столпьенская въ двухъ верстахъ отъ Холма. Къ сожалѣнію, объ этихъ драгоцѣнныхъ остаткахъ русскаго господства въ холмскомъ краѣ, въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ (ипатьевской и волынской) имѣются только весьма неясныя упоминанія, а въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ писателей (епископъ Іаковъ Суша, Балинскій, Крашевскій) находимъ одни только гипотезы, болѣе или менѣе правдоподобныя, — такъ что о происхожденіи и значеніи этихъ почтенныхъ остатковъ старины, исторія еще не можетъ сказать своего положительнаго слова. Правда, о холмскихъ вѣжахъ живутъ въ народѣ согласныя легенды, но онѣ всѣ построены на канвѣ романтической, облекать же авторитетомъ исторіи то, что существуетъ только въ области легенды, по меньшей мѣрѣ, неосторожно. По народнымъ преданіямъ, прежде существовали еще двѣ вѣжи—

въ с. Спасѣ и на востокъ отъ Холма близь с. Червѣсна, на мѣстѣ котораго Студницкій предполагаетъ древній *Червенъ*, столицу Червонной Руси. Это предположеніе однакоже совершенно падаетъ въ виду позднѣйшихъ указаній другаго нашего ученаго, Н. И. Павлищева, который въ результатѣ своихъ личныхъ изысканій, въ 1844 году, на исторической холмской землѣ, открылъ несомнѣнные признаки существованія древней червонно-русской столицы на мѣстѣ нынѣшней деревни *Чермно*. Такимъ образомъ, благодаря этой безцѣнной услугѣ для русской исторической науки, самый важный пробѣлъ въ исторіи червонно-русской земли нынѣ можетъ считаться удовлетворительно пополненнымъ. Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ этимъ отдѣломъ холмской исторіи отсылаемъ къ замѣчательному сочиненію автора, напечатанному междупрочимъ и въ „Варшавскомъ Дневникѣ" 1865 года №№ 244—248, подъ скромнымъ названіемъ: „Поѣздка въ Червонную Русь." Въ виду возбужденныхъ въ нашей литературѣ сужденій о пользѣ и необходимости возстановленія древнихъ пунктовъ русскихъ поселеній, съ ихъ великими историческими воспоминаніями, значеніе подобныхъ статей на страницахъ календаря, предназначеннаго для уніатско-русскаго народа, слишкомъ очевидно. Желательно, поэтому, дабы при составленіи мѣсяцеслова на будущій годъ указанное нами сочиненіе не было упущено изъ виду.

Надѣемся, что нашъ библіографическій разборъ частностей календаря вполнѣ доказалъ справедливость выше высказаннаго мнѣнія о безукоризненно прекрасномъ составѣ холмскаго мѣсяцеслова, какъ въ общемъ, такъ и въ спеціальномъ его отдѣлѣ.

Къ числу внѣшнихъ достоинствъ слѣдуетъ отнести то, что книга эта украшена отчетливо и вѣрно сдѣланнымъ портретомъ Государя Императора, и напечатана четкимъ шрифтомъ на лучшей веленевой бумагѣ; кромѣ того, къ мѣсяцеслову приложены: портретъ епископа Іакова Суши, изображеніе двухъ башенъ, и прекрасно раскрашенная карта привислянскаго края, съ очертаніемъ новаго раздѣленія его на десять губерній. *И.*

(*Варш. Днев.*)

Очеркъ нѣкоторыхъ вѣрованій и обрядовъ простонародія въ юго-западномъ краѣ.

Не знаемъ какъ бываетъ въ другихъ мѣстахъ, а въ нашемъ краѣ каждый болѣе или менѣе важный случай въ жизни простолюдина сопровождается праздниками, соединенными со многими церемоніями; почти каждый шагъ его дѣятельности обставленъ бываетъ какими нибудь обрядами и почти каждый обрядъ объясняется такимъ или другимъ вѣрованіемъ.

Разскажемъ о нѣкоторыхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ, сопровождающихъ жизнь человѣка со дня его рожденія до самой смерти. При этомъ считаемъ нужнымъ оговориться, что разсказъ нашъ не можетъ отличаться совершенною полнотою и обстоятельностію, такъ какъ мы будемъ руководствоваться здѣсь нѣкоторыми изъ прежнихъ воспоминаній, поновленныхъ новыми распросами у людей пожилыхъ, при чемъ многое могло забыться, да, пожалуй, въ короткій промежутокъ времени нельзя было и обо всемъ распросить.

Начнемъ съ рожденія младенца. Общая вѣра нашего народа гласитъ, что жребій человѣка опредѣляется еще до рожденія его на свѣтъ, и что ему предназначено въ утробѣ матерней, того ему не миновать. Никакія предосторожности не могутъ перемѣнить его судьбы. Эта общая вѣра подкрѣпляется нѣкоторыми частными легендами, которыя существуютъ въ народѣ. Мы разскажемъ одну. Говорятъ, что когда-то Богъ ходилъ по землѣ съ апостоломъ Петромъ, во образѣ старцевъ. Однажды эти старцы зашли къ одной благочестивой повивальной бабкѣ и попросились у ней ночевать. Ночью стучится въ окно человѣкъ и проситъ бабку идти въ его домъ принимать при родахъ дитя. Когда бабка собралась идти для исполненія своей обязанности, въ это время одинъ изъ старцевъ сказалъ ей, чтобы она, прежде чѣмъ войдетъ въ домъ, посмотрѣла въ окно и замѣтила что тамъ увидитъ. Наставленіе старца было исполнено,—и она замѣтила въ этомъ домѣ солдата, въ полномъ вооруженіи стоящаго среди комнаты. Затѣмъ, вошедши въ домъ и исполнивши свою обязанность, она возвратилась обратно къ себѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ опять послышался стукъ въ окно, извѣщающій, что бабка долж-

на идти въ другой домъ для исполненія обязанности при родахъ. Старецъ опять напутствовалъ ее тѣмъ же наставленіемъ. Посмотрѣвши чрезъ окно дома, въ который ее позвали, она замѣтила, что хозяинъ дома, сопровождавшій ее и еще не успѣвшій войти въ свой домъ, стоитъ среди комнаты и услуживаетъ гостямъ, сидящимъ за столомъ.— По исполненіи и здѣсь своей обязанности, она возвратилась домой. Вскорѣ новый стукъ въ ея окно, вызвалъ ее въ третій домъ для исполненія повивальной обязанности. И въ третій разъ она вышла изъ своего дома съ подобнымъ же наставленіемъ отъ старца. Въ этомъ новомъ семействѣ она увидѣла чрезъ окно красивую дѣвицу, стоящую среди комнаты и множество собакъ, кидающихся на ея шею и ласкающихся возлѣ ней. Исполнивши и здѣсь свою обязанность, она воротилась домой. Когда разсвѣло и старцамъ пора уже было идти въ путь, тогда одинъ изъ нихъ, дававшій наставленія бабкѣ смотрѣть чрезъ окно прежде входа въ домъ, спрашиваетъ у ней, что она видѣла въ этихъ трехъ домахъ, куда она ходила по обязанности; та разсказала все какъ было. Старецъ объяснилъ ей видѣнное слѣдующимъ образомъ: первый случай ея обязанности, гдѣ она видѣла солдата, стоящаго среди комнаты въ полномъ вооруженіи,—означаетъ, что новорожденный мальчикъ будетъ взятъ въ военную службу. Второй случай, гдѣ она видѣла хозяина, угощающаго гостей, означаетъ, что новорожденный мальчикъ самъ будетъ почтеннымъ хозяиномъ. Третій случай, гдѣ она замѣтила дѣвицу и ласкающихся возлѣ нея псовъ—означаетъ, что новорожденная дѣвочка будетъ блудницей.—Все это, заключилъ старецъ, ты можешь разсказать людямъ, пусть знаютъ, что судьба человѣка—добрая и злая опредѣляется еще въ утробѣ матерней и человѣкъ никакими силами не можетъ ее перемѣнить. Пусть счастливые не зазнаются въ своемъ счастіи, и не издѣваются надъ тѣми людьми, которымъ отъ рожденія суждено подвергнуться гнусному грѣху. Впрочемъ искреннее раскаяніе изглаждаетъ и роковой грѣхъ.

Относительно роковаго опредѣленія существуетъ такое убѣжденіе, что человѣкъ въ первый разъ дѣлаетъ грѣхъ независимо отъ своей воли, а потому единственно, что такъ ему предназначено въ матерней утробѣ; тотъ же самый

грѣхъ совершенный въ другой разъ, есть грѣхъ произвола и вмѣняется человѣку. Вслѣдствіе такого убѣжденія, въ жизни случается такъ что общество не подвергаетъ наказанію дѣвицу, родившую незаконное дитя. Это будетъ грѣхъ роковаго опредѣленія. Въ этомъ случаѣ выражаются большею частію такъ: пусть ее Богъ судитъ. Если таже самая женщина имѣетъ другое незаконное дитя, тогда общество, безъ зазрѣнія совѣсти, подвергаетъ ее какому нибудь наказанію, даже и тѣлесному. Въ этомъ вѣрованіи крестьянъ нельзя не видѣть смѣшенія языческаго *) понятія о неизбѣжномъ рокѣ и христіанскаго—о свободной дѣятельности человѣка при содѣйствіи Промысла Божія.

И такъ, по вѣрованію крестьянъ, судьба имѣющаго родиться младенца заранѣе, въ утробѣ матерней, опредѣлена;—ему остается явиться на свѣтъ, чтобы выполнить роковое предназначеніе и за тѣмъ дѣйствовать свободно своими силами.

Еще прежде рожденія дитяти мать должна соблюдать кромѣ гигіеническихъ условій еще нѣкоторыя другія, какъ то: не шить по воскреснымъ и годичнымъ праздничнымъ днямъ, потому что можетъ зашить глаза дитяти. Всѣ случаи слѣпорожденныхъ дѣтей объясняются этимъ обстоятельствомъ. Кромѣ того мать должна остерегаться, чтобы какъ нибудь случайно не переступить чрезъ дышло воловаго воза, или чрезъ воловодъ **). Въ противномъ случаѣ пуповина обхватываетъ шею дитяти, и оно при рожденіи можетъ повредиться и даже задушиться. Мать также должна скрывать приближеніе своихъ родовъ; чѣмъ менѣе людей знаютъ время ея родовъ, тѣмъ лучше. На сей разъ существуетъ такое повѣріе, что раждающая должна будетъ страдать муками рожденія столько часовъ сряду,

*) А можетъ быть ученіе о неизбѣжномъ рокѣ можно объяснить вліяніемъ турецкаго магометанства. Мы дѣлаемъ это предположеніе на томъ основаніи, что мы въ нашей статьѣ по преимуществу пользуемся свѣдѣніями у крестьянъ, живущихъ при рѣкѣ Днѣстрѣ, по другую сторону которой не такъ давно было полное владычество турокъ. А что еще ближе,—это предположеніе можетъ быть изъясняемо изъ болѣе давняго владѣнія турокъ въ подольской губерніи.

**) Воловодъ—веревка,—на которой водятъ запряженныхъ воловъ.

сколько человѣкъ знаютъ о времени ея родовъ. Поэтому когда приходитъ время родовъ, мать старается пригласить повивальную бабку самимъ секретнымъ образомъ, чтобы никто объ этомъ не зналъ; и та въ свою очередь старается секретно пробраться въ домъ роженицы.

За тѣмъ бабка дѣлаетъ всѣ предосторожности, чтобы къ роженицѣ не привязалась нечистая сила, которая особенно нападаетъ на женщину во время родовъ. Нападеніе нечистой силы на роженицу находится въ связи съ волшебствомъ. Говорятъ, что когда дѣвицы обращаются къ ворожеѣ, чтобы та пособила имъ выйдти замужъ, то она насылаетъ нечистую силу на какую нибудь замужнюю женщину, съ цѣлію умертвить ее, чтобы такимъ образомъ опростался лишній женихъ, — *суженый* для дѣвицы, обращавшейся къ ворожеѣ, Въ подобныхъ случаяхъ нечистая сила большею частію нападаетъ на роженицъ, какъ болѣе поддающихся ея дѣйствію. Поэтому роженица болѣе другихъ нуждается въ защитѣ отъ нечистой силы. Защита эта состоитъ въ томъ, что въ постель роженицы кладутъ чеснокъ, какую нибудь изъ желѣзныхъ вещей: топоръ, косу, но особенно въ этихъ случаяхъ много пособляетъ ножикъ съ костяной ручкой. Къ пахухѣ роженицы прикалываютъ иголку съ ниткой. У возглавія же ея должна быть непремѣнно поставлена *трійця*— богоявленская восковая свѣча, украшенная калиною, барвинкомъ и другими любимыми цвѣтами малороссовъ. При такомъ вооруженіи роженица бываетъ безопасна отъ нападенія нечистой силы, которая особенно бываетъ сильна и опасна до прочтенія надъ роженицей молитвы.

Для облегченія болей роженицы, иногда одѣваютъ ее въ сорочку, на которой остались слѣды физіологическаго цѣломудрія. По общему вѣрованію крестьянъ такая рубашка облегчаетъ самые трудные роды. Кромѣ сего для той же цѣли бываютъ довольно странныя церемоніи, какъ то: заставляютъ мужа лечь на полу, а жена должна переступить чрезъ него. Еще: роженицѣ расплетаютъ волосы и водятъ ее по подворьѣ, чтобы она наступила на счастливое мѣсто. Стоны роженицы даютъ знать, что скоро явится на свѣтъ новый человѣкъ,—чистый ангелъ, какъ говорятъ простолюдины. Въ это время являются добрые ангелы, которые избираютъ себѣ мѣсто на окнѣ — противъ

роженицы, они своими молитвами содѣйствуютъ благополучному появленію на свѣтъ человѣка и берегутъ его душу. Присутствіе ангеловъ на окнѣ въ домѣ роженицы продолжается ровно трое сутокъ, поэтому въ честь небесныхъ гостей должно быть освѣщеніе въ домѣ роженицы сряду три ночи.

Иногда бываетъ, что дитя раждается въ особой перепончатой оболочкѣ, которую называютъ *сорочкой.* Такое дитя, по вѣрованію простолюдиновъ, считается очень счастливымъ. Сорочка какъ признакъ и даже причина счастія должна быть тщательно высушена и послѣ этого хранится, какъ святыня. Часть этой сорочки зашивается въ рубашку новорожденнаго и съ этимъ талисманомъ дитя не должно разставаться до смерти. Могутъ также родители частицы сорочки зашивать и въ свою одежду, но отнюдь не давать этой драгоцѣнности чужимъ людямъ, чтобы къ нимъ не перешло счастіе. Вѣра въ этотъ талисманъ такъ сильна, что сторонніе люди готовы покуситься на воровство, чтобы пріобрѣсть частицу этого талисмана—источника несомнѣннаго счастія.

Послѣ рожденія младенца дѣлается надъ нимъ извѣстная операція—завязываніе и отрѣзаніе пуповины. Полагается непремѣнно перевязывать пуповину прядевомъ изъ *матірка*—конопли, такъ какъ на ней есть сѣмена,—это будетъ имѣть вліяніе на умноженіе потомства новорожденнаго; но отнюдь не посконью, которая не имѣетъ сѣмянъ. Отсюда часто объясняютъ безплодіе супруговъ тѣмъ обстоятельствомъ, что бабка посконью перевязала пуповину. Прядево это непремѣнно должно быть окроплено богоявленскою водою; большею частію оно приготовляется заблаговременно. Когда заготовляютъ *трійцю*, тогда ее обматываютъ конoплянымъ прядевомъ, которое потомъ и служитъ перевязкою для пуповины. При перевязываніи пуповины бабка благословляетъ новорожденнаго слѣдующими словами: „*Пусть Богъ даритъ тебѣ счастіе, здоровье и многія лѣта.*“ Отрѣзаніе пуповины совершается на томъ предметѣ, которымъ предназначено заниматься новорожденному. Такъ, если дитя принадлежитъ къ тому сословію, дѣти котораго непремѣнно должны получать школьное образованіе для занятія общественной должности, то пуповина должна быть отрѣзана на книгѣ. Это дѣлается съ

тою цѣлію, чтобы развились способности дитяти къ тому занятію, къ которому оно будетъ призвано своимъ сословнымъ происхожденіемъ.—Когда пуповина отсохнетъ и отлетитъ отъ дитяти, то родители должны ее спрятать и бережно хранить до болѣе зрѣлаго возраста дитяти, чтобы оно само могло развязать завязку пуповины, потому что это обстоятельство весьма много содѣйствуетъ развитію способностей дитяти къ будущимъ его занятіямъ—такъ сказать, развязываетъ способности.

Послѣ этой операціи кладутъ дитя, на нѣкоторое время у ногъ матери. Это дѣлается для того, чтобы дитя, пришедши въ зрѣлый возрастъ, было покорно, своимъ родителямъ.

Когда дитя кладутъ первый разъ въ люльку, прежде туда нужно всыпать немного ржи;—чтобы жило дитя, или какъ говорятъ малороссы: *на житя.* Почему нужно сыпать въ люльку зерна ржи, а не другаго какого нибудь хлѣба,—это, вѣроятно, можно объяснить созвучіемъ на малороссійскомъ языкѣ словъ: жито—рожь и житя—жизнь; или же тѣмъ, что рожь есть болѣе преобладающій хлѣбъ, которымъ здѣсь кормятся. Подобный же обрядъ совершается при надѣваніи на дитя въ первый разъ рубашки. Обыкновенно насыпаютъ въ рукава жито, а потомъ уже одѣваютъ въ рубашку дитя.

Въ нашемъ краѣ еще существуетъ обычай ничего не одолжать изъ того дома, гдѣ родилось дитя, потому что этимъ обстоятельствомъ отгоняется сонъ отъ дитяти и оно неугомонно плачетъ. Плачь дитяти имѣетъ связь съ тѣмъ, что изъ дому взята вещь, которую оно оплакиваетъ. А если ужъ необходимо нужно ссудить сосѣда какою нибудь вещію, то требуютъ у послѣдняго оставить въ домѣ залогъ, который онъ беретъ назадъ по возвращеніи занятой вещи.

Когда являются посѣтительницы къ роженицѣ и увидѣвши въ первый разъ ея дитя, дѣлаютъ объ немъ свои отзывы или замѣчанія; то непремѣнно должны свою рѣчь сопровождать словомъ *нівроку*, т. е. чтобы не сглазить,—и посмотрѣть на кончикъ своихъ ногтей. Тогда дитяти не будетъ никакого вреда отъ сглаживанія.

Рожденіе дитяти представляетъ случай для семейнаго праздника, сопровождаемаго обильнымъ угощеніемъ. Ро-

женщина, обрадованная появленіемъ новаго члена своей семьи, спѣшитъ пригласить родныхъ и знакомыхъ, чтобы и они раздѣлили ея радость. Гости собираются или въ самый же день родинъ, или же на слѣдующій день. Но въ это время гости состоятъ исключительно изъ однихъ женщинъ, которымъ предлагаютъ различныя кушанья, смотря по средствамъ, и водку съ медомъ. Гостьи же, собирающіяся на *родины*, являются туда непремѣнно съ какимъ нибудь подаркомъ изъ разныхъ хозяйственныхъ продуктовъ.

Праздникъ *родинъ*, отправленный компаніей женщинъ,— это еще малый праздникъ. Семья, осчастливленная новымъ членомъ, готовится къ другому большему празднику, по случаю *крестинъ*, въ которомъ принимаетъ участіе смѣшанная компанія изъ мущинъ и женщинъ. Самое приглашеніе на этотъ праздникъ совершается нѣсколько иначе, чѣмъ на первый. Прежде всего приглашаются воспріемники. По указанію хозяина, повивальная бабка отправляется къ намѣченному воспріемнику съ *куличемъ*. Предлагая ему куличъ, она проситъ его отъ имени хозяина быть воспріемникомъ новорожденнаго. Согласіе на приглашеніе выражается тѣмъ, что приглашаемый беретъ изъ рукъ посѣтительницы куличъ и отдариваетъ ее какими нибудь хозяйственными продуктами. Если же приглашенный въ воспріемники отказывается по какимъ нибудь обстоятельствамъ, тогда онъ не принимаетъ кулича и не награждаетъ посѣтительницы. Простолюдины не довольствуются однимъ воспріемникомъ и воспріемницей, а стараются по возможности пригласить таковыхъ побольше. Да этотъ обычай бываетъ и выгоденъ, потому что каждый воспріемникъ жертвуетъ что нибудь въ пользу новорожденнаго. Кромѣ воспріемниковъ приглашаютъ и другихъ гостей. Число гостей всегда опредѣляется средствами хозяина. Старые люди говорятъ, что въ настоящее время не такъ пышно отправляются родины и крестикины потому, что вслѣдствіе акциза водка стала слишкомъ дорога, а главное-то угощеніе крестьянъ состоитъ въ попойкѣ.

Но пока будутъ праздновать крестины, долженъ предшествовать обрядъ крещенія полагается за правило, чтобы новорожденнаго во все время совершенія надъ нимъ

обряда держали на рукахъ вѣнчальные отецъ и мать роженицы.

Послѣ совершенія обряда крещенія всѣ кумовья и званные гости собираются въ домъ хозяина для угощенія. Послѣ ужина бабка беретъ дитя на подушку и кладетъ его на столъ, за которымъ сидятъ гости, приговаривая: *кокрестникъ проситъ васъ обдарить его счастьемъ—здоровьемъ, чтобы онъ имѣлъ купить за что коня и проч.* Причитанье это разнообразится, смотря по тому, какимъ краснорѣчіемъ владѣетъ бабка. — Гости въ отвѣтъ на ея причитанье сбрасываютъ на подушку деньги, кто сколько можетъ. Дитя принято со стола и тогда начинается другая церемонія. Бабка обдариваетъ гостей, преимущественно воспріемниковъ, куличами—каждому воспріемнику дается по два кулича. Вслѣдъ за тѣмъ она раздаетъ гостямъ *квітки* (цвѣты)—это букетъ изъ калины, барвинка и другихъ цвѣтовъ. Эта церемонія совершается слѣдующимъ образомъ: бабка кладетъ на тарелку *квітку* и возлѣ ней ставитъ налитую рюмку водки, подноси это каждому изъ гостей, она приговариваетъ:

Просымо на квіточку и на горілочку,
На вынце и на добре сливце.

Въ это время тотъ, кому подносили, беретъ съ тарелки водку и пьетъ за здоровье новорожденнаго, бабка обмакиваетъ *квітку* въ остатки водки, мажетъ пьющему лицо и отдаетъ ему квітку, а онъ кладетъ въ тарелку деньги. Такая же церемонія поочередно совершается надъ всѣми гостями. Послѣ раздачи *квітокъ* гости расходятся.

Для объясненія раздачи *квітокъ* на крестинахъ, что, вѣроятно, служитъ симоволомъ здоровья и красоты дитяти, еще существуетъ слѣдующая легенда. Когда то—въ давнее время шелъ съ крестинъ одинъ человѣкъ, на дорогѣ его встрѣтилъ нечистый, да и спрашиваетъ, откуда онъ идетъ? Прохожій отвѣчаетъ, что идетъ съ крестинъ. Нечистый не вѣритъ и все мучитъ. Если бы ты, говоритъ онъ, шелъ съ крестинъ, то имѣлъ бы какой нибудь знакъ съ собою. Итакъ нечистый проводилъ этого человѣка цѣлую ночь и завелъ его въ какіе-то овраги, изъ которыхъ онъ выбрался уже по дню. Отсюда-то и пошло употребленіе *квітокъ* на крестинахъ, чтобы куму, встрѣтившемуся съ нечистымъ, во время возвращенія домой,

можно было доказать, что онъ дѣйствительно былъ на крестинахъ,—и такимъ образомъ освободиться отъ нечистаго. Въ знакъ этого случая и теперь часто бываетъ, что крестьяне шутливо предлагаютъ вопросы идущему съ крестинъ: гдѣ былъ? На крестинахъ, отвѣчаетъ прохожій. Покажи квітку! Тотъ показываетъ квітку и за тѣмъ продолжаетъ свой путь.

Послѣдній обрядъ, который совершается по случаю появленія на свѣтъ новаго человѣка, состоитъ въ томъ, что бабка обмываетъ свои руки, какъ бы они чисты ни были, и потомъ наливши въ пригоршни воды, даетъ пить эту воду роженицѣ, а та сейчасъ подаетъ ей полотенце для утиранія рукъ, которое послѣ сего составляетъ собственность бабки. Обрядъ омовенія рукъ бабки означаетъ то, что она не уноситъ изъ дому крови роженицы. Этотъ обрядъ такъ строго соблюдается, что если бы случилось такъ, что бабку пригласили для повивальной обязанности въ одинъ конецъ села, а между тѣмъ она не совершила обряда омовенія рукъ отъ крови роженицы, находящейся на противоположномъ концѣ деревни, то она прежде должна отправиться въ домъ роженицы для исполненія обряда, а за тѣмъ уже спѣшить на помощь въ другой домъ; въ противномъ случаѣ она беретъ на свою душу большой грѣхъ, и роженица будетъ считаться нечистою на томъ свѣтѣ, такъ какъ она не очистила рукъ бабки отъ своей крови.

Существуетъ еще повѣрье, что неплоднымъ женщинамъ полезно высасывать кровь изъ пуповины дитяти, потому что принятіе этой крови дѣлаетъ ихъ способными къ дѣторожденію. Но этимъ средствомъ, вѣроятно, весьма рѣдко пользуются и тѣ женшины, кои желали бы, потому что роженицы, какъ было сказано выше, очень ревниво оберегаютъ свою кровь. Да и при томъ содѣйствіе бабки въ подобныхъ случаяхъ считается грѣхомъ.

По прошествіи трехъ или четырехъ лѣтъ, совершается надъ мальчикомъ обрядъ надѣванія пояса. Обрядъ этотъ самый простой. Обыкновенно отецъ и мать заранѣе приготовляютъ для своего мальчика поясъ — непремѣнно новый. Утромъ, когда солнце взойдетъ высоко на небѣ, отецъ и мать обращаются къ иконамъ съ молитвою о своемъ дитяти,—заставляютъ и его молиться. За тѣмъ надѣ-

ваютъ на мальчика поясъ съ выраженіемъ ему своихъ родительскихъ пожеланій. Обыкновенно приговариваютъ: *Даруй тоби Боже счастья, здоровья и многи лѣта. Дай Боже, щобъ ты той сходывъ и на кращый заробывъ.*

Еще позже надѣваютъ на мальчика нижнее мужское платье. По общему вѣрованію требуется, чтобы мать въ одинъ присѣстъ приготовила первые штаны для своего сына. Это обстоятельство будетъ имѣть вліяніе на будущій успѣхъ ея сына во всѣхъ предпріятіяхъ. За что онъ ни возьмется,—все онъ сдѣлаетъ вдругъ, въ одинъ пріемъ, подобно тому, какъ первые штаны были сшиты ему въ одинъ присѣстъ. Особенно это обстоятельство благопріятно бываетъ для будущаго успѣха въ кругу невѣстъ, когда мальчикъ сдѣлается женихомъ. Такой женихъ сразу побѣждаетъ избранную имъ невѣсту. Отселѣ часто объясняютъ неудачи парня въ женитьбѣ тѣмъ, что мать первые штаны сшила для своего сына не въ одинъ присѣстъ, а принималась за нихъ нѣсколько разъ.

Черты изъ Жмудской народности.

Жмудская свадьба.

Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ жмудская свадьба состояла изъ многочисленныхъ, вѣками освященныхъ обрядовъ, но въ настоящее время прежняя обрядовая сторона свадьбы почти исчезла и теперь невозможно нигдѣ на Жмуди встрѣтить полное сочетаніе тѣхъ особенностей свадьбы, которыя такъ хорошо характеризировали патріархальный быть жмудиновъ. Предлагаемое описаніе жмудской свадьбы, по старинѣ, постараюсь изложить на основаніи воспоминаній Антона Тучки, жителя Россіенскаго уѣзда, цитовянскаго прихода.

Свадебный пиръ обыкновенно начинается съ понедѣльника, въ домѣ родителей жениха и невѣсты, и продолжается цѣлую недѣлю. Женихъ приглашаетъ къ себѣ своихъ знакомыхъ, и изъ женскаго пола только близкихъ родственницъ, невѣста своихъ подругъ, которыя получа-

ютъ названіе: паредкиникясь (*): сюда-же приглашаются и свахи со стороны невѣсты.

Когда приглашенные соберутся, невѣста проситъ своихъ родителей открыть свадьбу танцами; отецъ съ матерью выходятъ на средину комнаты и, сдѣлавъ нѣсколько мѣрпыхъ круговъ, открываютъ этимъ свадьбу. У жениха происходитъ тоже самое. Въ полночь женихъ, получивъ благословеніе родителей, со всѣмъ собраніемъ, въ сопровожденіи музыки, пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты. Зимою ѣдутъ въ саняхъ, а лѣтомъ верхами; лошади обыкновенно украшаются зеленью, цвѣтами, перьями, и обвѣшиваются безчисленнымъ множествомъ колокольчиковъ. Какъ скоро въ домѣ невѣсты услышатъ звонъ колокольчиковъ, всѣ, такъ называемыя паредкиникясъ, садятся по одну сторону комнаты и въ молчаніи ожидаютъ входа жениха; причемъ дверь запираютъ на засовъ, такъ что женихъ къ нимъ попасть не можетъ. Тогда одинъ изъ его сватовъ, выбранный маршаломъ, ударяетъ въ дверь своей палкой; за дверьми отзывается маршалъ невѣсты и обращается къ нему съ вопросомъ:

(Касъ че?) Кто здѣсь?

(Свечей небувелей). Непрошенные гости.

(Аръ даугъ юнсу ира?) Много-ли васъ?

Кекъ туръ сауле швесибесъ-смыльчю маре, понасъ пикти, бесъ; текъ ира мусу яуну дыкчю бернелю, пуйкей паредиту, антъ арклюнъ свадинту, сальджіусъ жоделюсъ калбанчю.	Сколько солнечныхъ лучей, сколько песку въ морѣ, столько насъ молодыхъ, крѣпкихъ молодцовъ, красиво разодѣтыхъ, на коняхъ посаженныхъ, сладкія рѣчи говорящихъ.
Коги юмисъ рейка, кокіосъ выгадосъ, кадъ герай бутуметъ пріимти?	Что вамъ нужно, для принятія такихъ великихъ гостей?
Рейкалауемъ наквинисъ, уляима, сальджюнъ жоделю, патровасъ. Месъ иръ жиргай паильси; рейке мумсъ балту ловелю, минкшту подушкелю, плону драбулелю, мелингу дукнелю, снегиню абруселю, арклямсъ стайнелю, кенуремсъ гембелю, жупане-	Нуждаемся въ ночлегѣ, увеселеніяхъ, въ сладкихъ рѣчахъ и въ хорошихъ блюдахъ. Мы и лошади наши устали; требуемъ бѣлыя кровати, мягкія подушки, тонкія простыни, мягкія тюфяки и снѣжныя полотенца; а лошадямъ нашимъ хорошихъ коню-

(*) Это слово происходитъ отъ слова порядокъ значитъ: порядковыя.

ляисъ сталелю, дель швисюіу четбату гринделю. А дель мусу кушигайкште, швися менесели айшкіосъ саулужесъ мергайтесъ!! шень, шапкамъ нашимъ гвоздей, жупанамъ скамейки, а для чистыхъ сапоговъ, чисто-вымытый полъ. А для нашего князя княгиню! солнца дѣвицы!

Родители невѣсты, выслушавъ рѣчь, просятъ гостей въ комнату. Двери растворяются и при пѣніи:

Декавоемъ Девуй,
Ажу светелюсъ;
Ишъ дунгусъ атнештусъ,
Мунисъ палинксминтусъ.

Благодаримъ Бога,
За гостей;
Съ неба ниспосланныхъ
Намъ на утѣшеніе.

Всѣ пріѣхавшіе гости входятъ въ комнату и садятся противъ дѣвицъ. Спустя нѣкоторое время является и невѣста, разодѣтая по свадебному; поклонившись всѣмъ, исключая молодаго, она раздаетъ подарки сватамъ. Затѣмъ сватъ подходитъ къ музыкантамъ, платитъ имъ деньги, что дѣлаютъ и тѣ, которые желаютъ принять участіе въ пляскахъ. Музыканты начинаютъ играть. Каждый мущина выходитъ сперва на середину и раскланивается, потомъ подходитъ къ дѣвицѣ, противъ которой онъ сидѣлъ, и приглашаетъ ее плясать; прочіе слѣдуютъ его примѣру. Народные жмудскія пляски: топоръ, ласточка и т. д. о нихъ будетъ сказано въ послѣдствіи. Увеселенія и угощеніе продолжаются цѣлую ночь до выѣзда въ костелъ; пиво, главный предметъ угощенія, пьютъ безъ конца.

Утромъ, передъ выѣздомъ въ костелъ, всѣ присутствующіе садятся вокругъ стола; и невѣсту же сажаютъ за особенный маленькій столъ, на которомъ поставлены: соль пирогъ и стаканъ пива. Братъ жениха подноситъ невѣстѣ рутовый вѣнецъ, сплетенный сестрами жениха, приговаривая:

Ашъ асу тарнасъ лабай пакарнасъ, прашау пасиклаусити канъ жаду сакити. Падекавоіу мотинай гимдитоей, тевуй аугинтою, кадъ муни ужаугина; падекавоіу Пону Деву кадъ мунъ дави линксма антъ шіо света гивянима. Падекавоіу понюмсъ свачюмсъ куріосъ ужъ стала сидея балтасъ угалвасъ вальди и кадъ дидля лоска турея антъ целосъ бясе-

Я человѣкъ тихій и очень покорный, прошу послушать, что хочу сказать. Спасибо родной матушкѣ, родимому батюшкѣ, что вскормили меня. Спасибо Господу Богу за веселое житье на этомъ свѣтѣ. Спасибо и свашенькамъ, которыя за столомъ сидѣли и бѣлыми головками управляли и что оказывали большія ласки и были внимательны

дось сусвинися. Падекавояу пилькинись сюлансъ, балтамсъ сталансъ; ужъ свиста падекавояу понуй пиршлюй, куръ анцъ паръ трисъ неделясъ іодинся високю жоджю гирдея, блогусъ ишметинея, гярусъ и вена венибе судея. Падекавою бролямсъ и сясарумсъ, кадъ муни и танъ бяседа напраша; падекавою тусъ сесялюмсъ куріосъ анксти келя рутялясъ равея, ну пагадасъ палийстя, ну шальчя приденьгя. О касъ мунъ падекавосъ яунамъ берня люй? Анксти рита келяу, юдо шурва бридау, паръ пурвиносъ юяу, некуръ не суваліояу. Паръ лаукусъ нешяу, паръ шаура вея; ашъ инъ шанавояу и шилка куска сувиніояу, кадъ веялисъ не пусту, вайникялись не сувисту. Няшяу паръ пялькясъ, паръ кярусъ купстотасъ, кярусъ ишравяу, пялькясъ ишклояу, вайникяли ишенешяу не суваліояу. Ужеяу калнусъ купротусъ, мишкусъ скаротусъ. Жалюсъ ишланкчяу меджюсъ, о саусасъ ишлаужяу, скаротусъ ишченеяу. Кайпъ мишкусъ тротея, висасъ дребеяу, кадъ не ужклюдичяу, вайникяли не сударскичяу. Не винцъ жабрялись не ужклюва, не винцъ лапялисъ не нубира: приюяу прикима, вартасъ келяу, висасъ дребеяу, кадъ вайникяли не судраскичяу. Виси шока и дайнява не винцъ манесъ не гядава, о ашъ не коксъ туртеникзсъ, не коксъ скарбениниксъ, не су ауксу, а ни су сидабру, тиктай су руту вайникялю атіояу. Ашъ атсюнетасъ су вайникялю ну яуна берняля пасъ яуня паняля. Прашкамъ пріимти не сусинчинти, танъ пардавети кита не норети. Прашау паняли не висоти, мунъ ужъ вайникяли падекавоти.

ко всему собранію. Спасибо и льнянымъ скатерткамъ и чистонакрытымъ столамъ. За подмасливаніе спасибо пану свату, которыхъ цѣлыхъ три недѣли ѣздилъ и различныя рѣчи слышалъ: худыя онъ выбрасывалъ, слова добрыя въ одно мѣсто складывалъ. Спасибо братьямъ и сестрицамъ, что меня въ эту бесѣду опросили; благодарю и тѣхъ сестрицъ, которыя рано вставали и руточки рвали, ихъ отъ жара поливали, отъ мороза прикрыли. Кто-же спасибо скажетъ мнѣ молодому молодцу? Я ранёнько всталъ, по черной грязи бродилъ, чрезъ болота я ѣздилъ, нигдѣ вѣнца не замаралъ. Чрезъ поля я несъ его, по сильному вѣтру; я берегъ его и во шелковый платочекъ завернулъ, чтобы вѣтерокъ не обдулъ его и не увялъ бы тотъ вѣнецъ; я несъ его черезъ пни и болота; пни вырывалъ, а болота засыпалъ, вѣнецъ я вынесъ, не запачкавъ. Попадалъ на холмы, кустарникомъ поросшіе, и въ густые лѣса. Зеленыя деревья разметалъ, сухія выломалъ, густыя деревья вырубилъ. Когда лѣсъ трещалъ, я весь дрожалъ, чтобы не зацѣпить бы мнѣ вѣнца, не порвать бы мнѣ его. Не зацѣпила его ни одна вѣтка, не упалъ ни одинъ листокъ. Доѣхалъ я до двора и отворяя ворота, весь дрожалъ, не порвать бы мнѣ вѣнца. Всѣ пѣли и плясали, ни одинъ не ожидалъ меня, вѣдь я не богачъ какой, ни съ золотомъ, ни съ серебромъ пріѣхалъ, только съ рутовымъ вѣнцомъ. Я присланъ съ рутовымъ вѣнцомъ отъ молодого молодца къ молодой дѣвчинѣ. Прошу— примите, не смущайтесь, вѣнецъ этотъ сносите, другаго не ищите.

Вѣнецъ принимаетъ одна изъ сестръ невѣсты. Между тѣмъ невѣста предлагаетъ брату жениха въ подарокъ волотна на рубашку, приговаривая:

Анксти гуляу, велай келяу; еторяй верпау, ратай ауджяу; прашамъ не нусимминти тасъ дованасъ пріимти.	Рано я ложилась, поздно я вставала; толсто пряла, рѣдко ткала; прошу не гнѣваться, но принять этотъ подарокъ.

Братъ отвѣчаетъ:

Деко лабай пакарней. Анксти велуси, велай гулуси, плонай керпуси, танкей ауджюси.	Благодарю очень покорно. Ты рано вставала, поздно ложилась, тонко пряла, густо ткала.

Послѣ того женихъ беретъ невѣсту за руку, выходитъ съ нею на середину и оба становятся на колѣни, прося родителей и всѣхъ гостей благословить ихъ на новую жизнь. Между тѣмъ лошади стоятъ уже у крыльца, украшенныя цвѣтами, увѣшанныя колокольчиками. Таинство бракосочетанія совершается всегда въ томъ приходѣ, въ которомъ живетъ невѣста. По пріѣздѣ въ костелъ, женихъ и невѣста молятся сперва Богу, потомъ подходятъ къ рѣшеткѣ (кратялямсъ). Ксендзъ приступаетъ къ бракосочитанію. Если-же брачущіеся богаты, то, для совершенія таинства, приготовляется столикъ, украшенный цвѣтами и свѣчами.

Послѣ бракосочетанія, если костелъ далеко отъ мѣстожительства невѣсты, то все собраніе гуляетъ до вечера въ мѣстечкѣ или деревнѣ тамъ, гдѣ находится костелъ. Вечеромъ всѣ возвращаются домой. Родители невѣсты встрѣчаютъ молодую пару хлѣбомъ, солью и стаканомъ пива. Танцуютъ до глубокой ночи. Передъ отходомъ ко сну, начинается обрядъ, такъ называемый ачявимасъ; онъ состоитъ въ слѣдующемъ: наряжаются двѣ старыя бабы, выпивъ предварительно водочки; берутъ затѣмъ подносъ и съ нимъ подходятъ къ родителямъ, братьямъ и сестрамъ невѣсты, прося что нибудь подарить имъ; подходятъ онѣ къ каждому приговаривая.—обращаясь къ

Матери:

Лабасъ вакарсъ матушеии, лабасъ вакарсъ. Гирджю, тамстасъ дуктурели ишминтинга, крайтя-	Добрый вечеръ матушка, добрый вечеръ! Слышу (знаю), что твоя доченька разумна. Но ея

ля виршеля не притяка, пиршtелюисъ пазибялю на ужтяка. Гирджю тямста матушели лабай багота, трисъ шимтусъ стуменялю туренче; дукъ, дукъ матушели, ня трункингъ, святимай шалялей не наквосме.

приданому сундуку крышки не хватило; пальцамъ колецъ не достало. Слышу, что ты, матушка очень богата, триста становъ къ рубахамъ имѣешь; дай, дай матушка, не задерживай, въ чужой сторонушкѣ не будемъ ночевать.

Къ отцу:

Лабасъ вакарсъ тятушели, лабасъ вакарсъ! Гирджю тамстасъ дуктурели ишминтинга, крайтяля, виршеля ня притяка, пиршtелюисъ пазибялю ня ужтяка. Дукъ, дукъ тятушели, ня шикштукъ, гирджю тамста тятушели лабай баготсъ, траесъ арегти, шешерейсъ акеевти.

Добрый вечеръ батюшка, добрый вечеръ! Слышу, твоя доченька разумна, къ приданому сундуку крышки не достало, пальцамъ колецъ не хватило. Дай, дай батюшка, не скупись! Знаю, что ты батюшка, очень богатъ: тремя сохами орешь, шестью боронами боронуешь.

Получивши подарки благодарятъ его слѣдующими словами:

Деко, деко тятушели лабай деко, гражасъ тамстосъ дованялисъ иръ патогесъ.

Благодарю, благодарю батюшка, очень благодарю, красивъ твой подарокъ и цѣнный.

Народныя жмудскія пляски.

Народъ жмудскій по природѣ своей болѣе угрюмый, нежели веселый; однако любитъ при удобномъ случаѣ повеселиться, спѣть пѣсенку и пуститься въ пляску. Праздники, свадьба, рожденіе, крещеніе даютъ всякому жмудину возможность показать всю свою удаль. Кромѣ чисто-народныхъ жмудскихъ плясокъ есть пляски заимствованныя отъ другихъ народовъ, но говорить объ нихъ я не стану, такъ какъ онѣ не подходятъ подъ мою тему.

Ласточка

(Блездингели).

Пляска эта требуетъ просторнаго мѣста и поэтому она обыкновенно совершается въ открытомъ полѣ или на лугу. Мущины становятся съ дѣвицами попарно въ рядъ, притомъ поютъ:

Кракждунела,	Ласточка,
Лакунела,	Перелетная,
Фурръ, фурръ!	Фурръ, фурръ!
Милемои,	Милая,
Брунгяусіои,	Дорогая,
Фурръ, фурръ!	Фурръ, фурръ!

Затѣмъ всѣ пары, кромѣ первой, поднимаютъ руки къ верху, а первая пара проходитъ подъ руками второй, послѣ того первая и вторая пары проходятъ подъ руками слѣдующихъ, но эти переходы должно дѣлать какъ можно быстрѣе; послѣ того составляютъ острый уголъ, одна сторона котораго состоитъ изъ мущинъ, а другая изъ женщинъ; въ такомъ порядкѣ пляшутъ участвующіе не перемѣняя формы угла; при томъ поютъ:

Бролелей, сеселесъ,	Братья, сестрицы,
Лексма, лексма!	Улетимъ, улетимъ!
И жали гирела,	Въ зеленую рощу,
Лексма, лексма!	Улетимъ, улетимъ!
Фютъ, фютъ крегждунеля,	Фютъ, фютъ ласточка,
Фютъ, фютъ лакунела!	Фютъ, фютъ перелетная!
Меджіотоисъ не нушаусъ!	Охотникъ не убьетъ!
Меджіотоисъ не сугаусъ!	Охотникъ не поймаетъ!

Топоръ

(Кирвисъ).

Эта пляска тоже требуетъ простору и поэтому происходитъ въ открытомъ полѣ. Всѣ танцующіе образуютъ изъ себя кругъ, который составляютъ поперемѣнно изъ мущинъ и дѣвицъ. Въ серединѣ круга становится дѣвушка съ топоромъ въ рукахъ и тогда всѣ участвующіе начинаютъ кружиться при пѣніи:

Шокинекетъ, шокинекетъ,	Пляшите, пляшите,
Шенденъ гярасъ лайксъ!	Сегодня время!
Касъ шока, улайя	Кто пляшетъ, кто веселится
Тасай мусу вайксъ!	Тотъ наше дитя!
Вальдитою—девужелю	Богинь—Вальдитоихъ
Прашикемъ о, о!	Попросите о, о!
О дейвужесъ мусъ падесъ	И богини намъ помогутъ,
Ней шенденъ, тай рито!	Если не сегодня, то завтра!
Шенденъ гярамъ, улявоемъ,	Сегодня пьемъ, гуляемъ,
Несъ тай мусу лайксъ,	Ибо нашее время;
О ритоденъ касъ тай жина,	Кто можетъ знать,

Куръ кожнась нуплакусъ.
Дрансей тиктай бернужелей,
Су мергайте шоктъ!
Глаустъ при ширдесъ, ширду желесъ,
Паскуй буце воктъ!
Ту мергайте скайшчяусіон,
Вена ишъ мумсъ рицкъ,
Касъ спраунеснисъ бернуже-лисъ,
Су кирвелю тртинкъ!
Су кирвелю тринкъ!
Го, го, су кирвелю тринкъ!

Гдѣ завтра будемъ мы.
Смѣло ребята,
Съ дѣвицею выскочить,
Прижать къ сердцу, сердечку,
И разцѣловать!
Ты красна—дѣвица
Одного изъ насъ выбери,
Кто смѣлѣе всѣхъ,
Къ тому топоръ брось,
Къ тому топоръ брось!
Го, го, къ тому топоръ брось!

Съ словами: „го, го, къ тому топоръ брось", дѣвица, находящаяся въ серединѣ круга, подбрасываетъ топоръ въ верхъ, а мущины стараются поймать его на воздухѣ и тотъ, кто поймаетъ топоръ, входитъ въ середину круга и пляшетъ съ дѣвицею; послѣ нѣсколькихъ сдѣланныхъ круговъ, цѣлуется съ нею и уступаетъ свое мѣсто другой дѣвицѣ. Опять повторяется таже самая пляска.

Пляска по своему характеру дикая, но пляска чисто-воинственнаго народа. Начало ее, безъ сомнѣнія, относится къ періоду до-христіанскому, потому что въ припѣвахъ упоминаются имена языческихъ богинь. Эта пляска запрещена была помѣщиками для предупрежденія несчастныхъ случаевъ изувѣченія топоромъ.

Витва

(Муштини).

Мущины и женщины берутся за руки и становятся въ кругъ. Пляска совершается съ пѣніемъ и съ необыкновенною быстротою:

Шокинеи вельнисъ,
Пасирайтисъ кельнисъ,
Вельня типасъ сутрука,
Висасъ кельнесъ нуемука.
О шитасисъ вельнисъ,
Иръ ишъ Ригосъ мельнисъ,
Бьяурусъ ванагсъ вокителисъ,
Мусу жемесъ непрителисъ.
Гопъ! гопъ! го! го!
Кунтай, балабай!

Плясалъ бѣсъ,
Поднявши панталоны,
У бѣса подтяжки оборвались
И панталоны упали.
А тотъ бѣсъ
Былъ изъ рижской псярни,
Гадкій ястребъ,
Нашей земли врагъ!
Гопъ, гопъ! го! го!
Кунтай, балабай!

Непрителисъ!
Месъ танъ вокители
Месъ танъ непрители,
Суюдинсма, сукрушинсма,
Тикру молю подарисма.
Гопъ! гопъ! го! го!
Кунтай, балабай!
Джюнгеса, гоферцеса!
Минджюра!
Гога!
Молю падарисма!

Врагъ!
Мы этого ястреба,
Мы этого врага,
Помнемъ, сожжемъ,
Чисто—глиною сдѣлаемъ.
Гопъ! гопъ! го! го!
Кунтай, балабай!
Джюнгеса, гоферцеса!
Минджюра!
Гога!
Глиною сдѣлаемъ!

Съ словамъ: „гопъ, гопъ, го, го, кунтай балабай“ всѣ танцующіе разбѣгаются во всѣ стороны, причемъ стучатъ ногами, сколько силы въ нихъ; наконецъ одинъ захватываетъ въ охапку дрова и съ шумомъ разбрасываетъ ихъ по комнатѣ.

Эта пляска, какъ мнѣ кажется, получила свое начало во времена погромовъ ливонскаго ордена. Потому что ненависть къ нѣмцамъ въ этой пѣснѣ, доказываетъ ихъ непріязненное отношеніе къ германскимъ племенамъ.

Не лишнимъ здѣсь будетъ сказать нѣсколько словъ объ инструментахъ, какъ необходимой принадлежности плясокъ. Къ чисто-жмудскимъ принадлежатъ слѣдующіе: *Вамздисъ*—дудка, сдѣланная изъ коры дерева. *Джинджиписъ* инструментъ, состоящій изъ одной желѣзной струны, натянутой на широкую доску, и *Моліинка*—дудка изъ глины.

Въ прежнія времена, какъ говорятъ старики, былъ въ большомъ употребленіи инструментъ, такъ называемый *Трымытай* или *сутартиней*. Онъ представлялъ деревянную трубу въ нѣсколько саженъ длины. По разсказамъ звукъ этой трубы, былъ необыкновенно пріятный; особенно если конецъ ее былъ вставленъ въ огромную бочку. Эта музыка была какъ разъ подходящею для народа, жившаго въ дремучихъ лѣсахъ!

Ученикъ Шавельской Гимназіи.

О латинском богослужебном чинѣ, сравнительно съ православнымъ.

Великій святитель, недавнюю потерю котораго вся Россія оплакиваетъ, въ разговорѣ съ однимъ знакомымъ, лишь возвратившимся изъ Рима, замѣтилъ, что «нынѣшній чинъ западной церкви представляетъ изъ себя осколки древности, какъ будто бы при переносѣ его съ востока на западъ многое изъ него потеряно въ дорогѣ, и онъ достигнулъ до Рима не цѣлымъ, а только въ отрывкахъ». Въ справедливости этого замѣчанія убѣдится всякій, прослѣдивъ со вниманіемъ латинскую литургію.

Въ прежней моей статьѣ (Духовная Бесѣда, № 26 за 1867 г.) я уже кое-что сказалъ о формѣ одной изъ двухъ существующихъ у латинянъ литургій,называемой messa bassa т. е. «читанная» обѣдня. Теперь я намѣреваюсь разсмотрѣть, на сколько большая, или пѣтая, музыкальная съ органомъ и даже съ польнымъ оркестромъ, латин. литургія—messa cantata, grande messe, сходится съ чиномъ нашей обыкновенной литургіи. Порядокъ ея и молитвы тѣ же самыя, какъ и въ тайной, или читанной миссѣ; вся разница въ обстановкѣ и большой торжественности; при томъ же она совершается тремя священниками, изъ которыхъ старшій остается настоящимъ священнодѣйствующимъ лицемъ, и потому зовется celebrans (совершающій), а оба остальные, assistentes (присутствующіе), обращаются на это время одинъ въ діакона, а другой въ иподіакона (diacre и sous-diacre), хотя всѣ трое имѣютъ равную іерейскую степень. Подобная запутанность въ латинской іерархіи повторяется также въ званіи кардинала-діакона, который считается выше обыкновеннаго кардинала, между тѣмъ какъ всѣ кардиналы суть архіепископы или епископы и никакъ не ниже священническаго сана. Старшій священникъ облачается въ обыкновенный ихъ фелонь, вырѣзанный съ боковъ отъ самыхъ плечь, а остальные двое—въ стихари съ рукавами, но немного ниже колѣнъ, и потому болѣе похожіе на саккосъ (dalmatica); а у аббата-діакона, кромѣ того, виситъ на кисти руки кусокъ парчевой матеріи, въ 3—6 вершковъ, какъ будто бы конецъ ораря *).

*) Фелонь латинскій, почти такого же покроя, какъ у насъ,

При началѣ обѣдни всѣ три священника становятся у нижней ступени престола (altare) въ одинъ рядъ, старшій въ срединѣ, и послѣ словъ: „во имя Отца и Сына и проч.", старшій начинаетъ читать псаломъ 42-й, съ 4 стиха: „introibo ad altare Dei" (вниду къ жертвеннику Божію), а ассистенты отвѣчаютъ: ad Dominum qui laetificat iuventutem meam (къ Богу, веселящему юность мою); старшій продолжаетъ: judica me Deus et discerne causam meam (суди мя, Боже, и разсуди прю мою) и такъ далѣе до конца псалма, до словъ: „спасеніе лица моего и Богъ мой". Иные изъ этихъ стиховъ произносятся какъ антифоны, попеременно старшимъ и младшими священниками. Порядокъ стиховъ вначалѣ видимо переставленъ, но текстъ псалма сохраненъ. Затѣмъ слѣдуетъ молитва исповѣди грѣховъ (confiteor), сначала старшимъ, а послѣ обоими его ассистентами; при словахъ: mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa (согрѣшихъ, согрѣшихъ, вѣло согрѣшихъ), они ударяютъ себя въ грудь троекратно; послѣ чего поднимаются по ступенямъ престола и становятся почти на все остальное время службы одинъ за другимъ: старшій—у самаго престола, а ассистенты на 2-й и 3-й ступенькахъ, т. е. одинъ ниже другаго. По прочтеніи старшимъ входныхъ молитвъ, всѣ трое произносятъ три раза сряду подлинное греческое *Киріе елейсонъ* (Господи помилуй), съ присовокупленіемъ: „Христе елейсонъ." Это какъ будто бы воспоминаніе о древнемъ единствѣ церквей и невольная дань первенствующему греческому чину (хотя въ греческомъ не имѣется „Христе елеисонъ") и составляетъ единственный скудный остатокъ эктеніи въ латинской литургіи.

Затѣмъ, старшій священникъ запѣваетъ тономъ речитатива первый только стихъ Gloria in excelsis Deo (Слава въ вышнихъ Богу), а весь остальной гимнъ, почти совершенно съ нашимъ схожій, но оканчивающійся со словами: „Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца, Аминь,"—допѣвается

сохранился въ облаченіи епископовъ, но онъ надѣвается также и священникомъ при совершеніи службы выставленія и поклоненія св. Даровъ (Expositio et adoratio ss. Sacramenti). Говоря объ епископскомъ облаченіи, замѣчу кстати, что омофоръ (pallium) не составляетъ необходимую принадлежность этого облаченія, но дается папой инымъ епископамъ, какъ отличіе отъ другихъ или награда.

пѣвцами съ органомъ. Священнодѣйствующій же, кончивъ про себя чтеніе гимна, спускается съ ступени престола, вмѣстѣ съ своими ассистентами, и всѣ трое садятся, до окончанія музыкальнаго исполненія гимна, на стульяхъ или скамьяхъ, приготовленныхъ съ правой стороны престола. Эту часть службы зовутъ Gloria.

Откуда вошло въ употребленіе въ латинской литургіи пѣніе этого гимна а также заключенія литургіи чтеніемъ начала 1-й главы евангеліе отъ св. Іоанна (никогда не мѣняющееся), я не могу изслѣдовать, по неимѣнію нужныхъ для того документовъ; но не заимствовано ли оно изъ какой нибудь изъ первоначальныхъ литургій, напримѣръ изъ литургіи св. Іакова брата Господня, или можетъ быть, изъ мозарабической?

По окончаніи пѣнія гимна и послѣ нѣкоторыхъ молитвъ, тайно читаемыхъ священнодѣйствующимъ, ѵподіаконъ читаетъ апостолъ того дня, спустившись совершенно съ ступени престола, а вслѣдъ за симъ аббатъ-діаконъ читаетъ евангеліе, также у подножія престола, но стоя въ полуоборотъ налѣво, т. е. правымъ бокомъ къ престолу и почти спиною къ священнику, а лѣвымъ бокомъ къ присутствующимъ. Книга евангелія поддерживается ѵподіакономъ и, по окончаніи чтенія, подносится открытою къ старшему священнику, который цѣлуетъ священныя слова. Передъ чтеніемъ св. евангелія хоръ поетъ: Gloria tibi, Domine (Слава тебѣ, Господи), а по окончаніи чтенія: Laus tibi, Christe (Хвала тебѣ, Христосъ). Кромѣ того, между чтеніемъ апостола и евангелія старшій священникъ читаетъ нѣкоторые стихи изъ псалмовъ, въ родѣ нашихъ прокимеповъ. Эту часть службы зовутъ Graduale.

Тотчасъ послѣ чтенія евангелія, старшій священникъ запѣваетъ первыя четыре слова сѵмвола вѣры: Credo in unum Deum, а доканчиваетъ его шопотомъ; всѣ трое опускаются на одно колѣно, при словахъ: „и воплотившагося отъ Духа Святаго и отъ Маріи Дѣвы", а потомъ всѣ трое садятся на тѣхъ же приготовленныхъ трехъ стульяхъ, покуда пѣвцы съ органомъ, или хоръ (составленный изъ сидящихъ за перегородкою, позади престола, не участвующихъ въ службѣ, священниковъ и клириковъ) доканчиваютъ пѣніе сѵмвола. Напѣвы хора далеко не гармоничны:

не смотря на музыкальность итальянцевъ, почти всѣ пѣвцы ихъ гнусятъ, на подобіе грековъ.

По окончаніи пѣнія символа, начинается часть службы, называемая offertorium, т. е. приношеніе. Аббатъ-діаконъ переноситъ съ столика, стоящаго съ правой стороны и ниже престола, на престолъ опресноки и вино. Если нѣтъ при большой миссѣ пѣвцовъ, а только одинъ органъ (что часто бываетъ), то органистъ тутъ начинаетъ разыгрывать (безъ словъ) все, что ему приходитъ на память, въ томъ числѣ иногда и извѣстные оперные мотивы. Тутъ является единственное во всей службѣ (и то только на большихъ миссахъ) кажденіе, совершаемое старшимъ священникомъ надъ самымъ престоломъ, послѣ чего онъ передаетъ кадило діакону, который кадитъ ему только (старшему) одному, при чемъ ни тотъ ни другой не преклоняютъ головы, но старшій только обращается при этомъ дѣйствіи лицемъ къ кадящему ему діакону. Мірянамъ же не кадятъ вовсе; самый процессъ кажденія дѣлается иначе, чѣмъ у насъ: кадило держатъ обѣими руками и у кадящаго дѣйствуютъ однѣ кисти рукъ, между тѣмъ какъ локти почти не отдѣляются отъ корпуса.

Потомъ начинается умовеніе рукъ старшимъ священникомъ, надъ тазомъ, поддерживаемымъ vподіакономъ; при чемъ священнодѣйствующій читаетъ въ полу-слухъ слова 25 псалма: Lavabo inter innocentes manus meas (омыю въ неповинныхъ руцѣ мои), до конца всего псалма: in ecclesiis benedicam te, Domine (въ церквахъ благословлю Тя, Господи). Затѣмъ, по прочтеніи тихой молитвы призыванія св. Троицы, онъ прикладывается къ престолу и, оборачиваясь къ народу, говоритъ: orate, fratres (молитесь, братіе); а ассистенты отвѣчаютъ: suscipiat Dominus (да благословитъ Господь принять отъ рукъ твоихъ жертву сію, для чести и славы Его имени, для нашей собственной пользы и для блага всей святой Его церкви). Священникъ отвѣчаетъ: *аминь*, и читаетъ про себя тайную молитву, по окончаніи которой возглашаетъ нараспѣвъ: et per omnia soecula soeculorum (и во вѣки вѣковъ). *Хоръ* съ органомъ отвѣчаетъ: *аминь*. *Священникъ:* Dominus vobiscum (Господь да пребудетъ съ вами). *Хоръ:* et cum spirituo tuo (и съ духомъ твоимъ). *Священникъ*: sursum corda (горѣ сердца). *Хоръ:* Habemus ad Dominum (Имамы ко Господу). *Священникъ:*

Gratias agamus Domino Deo nostro (Благодарим Господа Бога нашего). *Хоръ:* Dignum et justum est (Достойно и праведно есть) *). Священникъ продолжаетъ нараспѣвъ съ приподнятыми отъ локтей руками: Vere dignum et justum est, aequum et salutare и проч. Вотъ переводъ этой молитвы: „Во истину достойно и праведно есть, справедливо и спасительно намъ всегда и вездѣ приносить Тебѣ благодареніе, святый Господи, Отче всемогущій, вѣчный Боже, о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, чрезъ Коего восхваляютъ величіе Твое ангелы, поклоняются владычества, трепещутъ власти (potestates), небеса и небесныя силы и блаженные Серафимы въ радостномъ соборѣ прославляютъ. Удостой, чтобы и наши голоса,—мы умоляемъ о томъ Тебя, соединились съ ними, въ смиренномъ исповѣданіи взывая...“ Здѣсь голосъ священника заглушается звономъ колокольчика и пѣніемъ съ органомъ побѣдной пѣсни: Sanctus, sanctus, sanctus Dominus Deus Sabbaoth (Святъ, святъ, святъ Господи Саваоѳъ). Между тѣмъ какъ священникъ доканчиваетъ ее тихимъ голосомъ, всѣ присутствующіе становятся на колѣни, если они до того были на ногахъ, а стоявшіе уже прежде на колѣняхъ—опускаютъ головы ниже.

Затѣмъ начинается, такъ называемый, Canon Missae, на которомъ совершается освященіе Даровъ. Извѣстно, что молитвы призыванія Св. Духа предъ освященіемъ св. Даровъ у латинянъ не имѣется, что и составляло одинъ изъ упрековъ, сдѣланныхъ имъ греками на флорентинскомъ соборѣ. Священиковъ въ тихой молитвѣ проситъ, дабы Господь принялъ приносимые Ему дары о мірѣ, единеніи и распространеніи св. церкви, молится за папу, за епископа, за всѣхъ предстоящихъ и правовѣрующихъ, почитающихъ память, во первыхъ, славной (gloriosae) Приснодѣвы Маріи, Матери Господа Бога нашего Іисуса Христа, блаженныхъ апостоловъ и мучениковъ, Петра и Павла, Андрея, Іакова, Іоанна, Ѳомы, Іакова, Филиппа, Варѳоломея, Матѳея, Симона и Ѳаддея, Лина, Клета, Климента, Ксиста, Корнелія, Кипріана, Лаврентія, Хризогона, Іоанна и Павла, Козмы и Даміана и всѣхъ прочихъ святыхъ, съ коими мы соединены въ общеніи (uniti sumus in communione)

*) Подобное тождество съ нашимъ чиномъ доказываетъ глубокую древность этой части литургіи.

въ Томъ же Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. Латиняне вѣруютъ, что св. Дары *пресуществляются* въ то время, когда священникъ произноситъ надъ опреснокомъ слова: ибо *сіе есть тѣло Мое*, и надъ чашей: ибо *сія есть кровы Моя*: Hoc est enim corpus meum (сіе *бо* есть тѣло мое), я при чашѣ (для которой употребляется исключительно одно только бѣлое вино)—Hoc ist enim sanguis mea, sanguis novi testamenti qui pro vobis et multis effunditur in remissionem peccatorum (сія *бо* есть кровь Моя, кровь новаго завѣта, яже за вы и за многія, и проч.); слова эти произносятся не вслухъ. Не могу не замѣтить, что слова *ибо* (enim) не находится въ евангеліи. По благословеніи св. Даровъ, священникъ подымаетъ ихъ надъ своей головой, для поклоненія вѣрныхъ,—оба вида отдѣльно, одинъ за другимъ, при звукѣ колокольчика. Это у нихъ зовется elevatio (возвышеніе), при чемъ молящіеся опускаютъ головы ниже прежняго. Вмѣсто дѣйствительнаго *хлѣба* употребляется у латинянъ опресночный—ostia, или облатка, очень тонкая, изъ одной муки съ водою; на одной сторонѣ ея отпечатаны рельефомъ первыя букви имени Іисуса Христа: I. X. Проскомидіи у нихъ никакой нѣтъ. Затѣмъ, священникъ творитъ молитву объ усопшихъ вообще и объ иныхъ поименно, и проситъ, чтобы они были причислены къ сонму апостоловъ и мучениковъ и всѣхъ святыхъ. Вскорѣ послѣ сего, оканчивая тихую молитву, священникъ возглашетъ: Et per omnia soecula soeculrum (и во вѣки вѣкомъ). Хоръ отвѣтствуетъ: amen (аминь). Послѣ того, священникъ нараспѣвъ произноситъ, такъ сказать, введеніе къ молитвѣ Господней: Praeceptis salutaribus moniti et divina institutione formati, audemus dicere:—Pater noster, qui es in coelis... (увѣщеваемые душеспасительными наставленіями и научаемые божественнымъ учрежденіемъ, осмѣливаемся глаголать: *Отче нашъ, иже еси* и проч.) На словахъ: et ne nos indicas in tentationem (и не введи насъ во искушеніе), священникъ останавливается, а хоръ доканчиваетъ: sed libera nos a malo (но избави насъ отъ лукаваго); священникъ же отвѣчаетъ: аминь. Затѣмъ, онъ читаетъ еще тихую молитву, которую заключаетъ громкимъ возгласомъ; „и во вѣки вѣковъ."—*Хоръ:* аминь. *Священникъ:* Pax Domini est semper vobiscum (миръ Господенъ да будетъ на всегда съ вами). *Хоръ:* Et cum spiritu tuo (и

со духомъ твоимъ). Въ это время священникъ даетъ лобзаніе мира подходящему къ нему діакону, тотъ тоже—иподіакону, а послѣдній уходитъ къ клирикамъ, за перегородку позади престола, и имъ передаетъ это лобзаніе мира. Предъ причащеніемъ св. Таинъ, священнодѣйствующій говоритъ три раза въ полуслухъ: Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, meserere nobis (Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, помилуй насъ), съ той разницею, что въ третій разъ, вмѣсто, „вземляй грѣхи міра, помилуй насъ», онъ говоритъ: Dona nobis pacem (дай намъ миръ); а въ литургіи за усопшихъ, онъ говоритъ: dona illis requiem aeternam (дай имъ вѣчный покой). Передъ самымъ принятіемъ тѣла Господня, онъ говоритъ: panem coelestem accipiam et nomen Domini invocabo (хлѣбъ небесный пріиму и имя Господне призову); а затѣмъ произноситъ три раза: Domine non sum dignus, ut intres sub tectum meum, sed tantum dic verbo et sanabitur anima mea (Господи, не достоинъ есмь, чтобы Ты вошелъ подъ кровъ мой, но скажи одно слово, и душа изцѣлится), при чемъ ударяетъ себя всякій разъ въ грудь; затѣмъ, осѣняя себя крестомъ, самою освященною остіею, говоритъ: Corpus Domini nostri Jesu Christi custodiat animam meam in vitam aeternam. Amen. (Тѣло Господа нашего Іисуса Христа, да охранитъ душу мою на вѣчную жизнь. Аминь) *). Причастившись тѣломъ Господнимъ, онъ беретъ въ руки чашу и говоритъ: Calicem salutaris accipiam et nomen Domini Invocabo; laudans invocabo Dominum et ab inimicis meis salvus ero (чашу спасенія пріиму, имя Господне призову: хваля, призову Господа и отъ враговъ моихъ спасенъ буду), и потомъ: Sanguis Domini nostri Jesu Christi custodiat animam meam etc. (Кровь Господа нашего Іисуса Христа да охранитъ душу мою и пр.) Такимъ образомъ причащаются всѣ трое священнослужащихъ. Затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторыя молитвы, читаемыя не въ слухъ, послѣ нѣкоторыхъ старшій священникъ, обращаясь къ предстоящимъ, говоритъ нараспѣвъ: Dominus vobiscum (Господь съ вами); хоръ отвѣчаетъ, какъ обыкновенно: et cum spiritu tuo (и со духомъ твоимъ), а онъ продолжаетъ еще болѣе растянутымъ напѣвомъ: ite missa est (уходите:

*) Эта же самая формула употребляется священникомъ при причащеніи имъ міряиъ, съ тою разницею, что вмѣсто словъ: «душу мою» онъ говоритъ: душу *твою*».

обѣдня кончилась). Нельзя не замѣтить всей сухости этого отпуска, особенно въ сравненіи съ нашимъ чиномъ. Хоръ отвѣчаетъ: Deo gratias (благодареніе Богу). Затѣмъ священникъ творитъ благословеніе предстоящимъ всею ладонью, не слагая пальцевъ, и произноситъ: Benedicat vos omnipotens Deus, Pater, Filius et Spiritus sanctus (да благословитъ васъ Господъ Отецъ, Сынъ и Святый Духъ). Хоръ отвѣчаетъ: „аминь“. (*) Служба всегда оканчивается чтеніемъ не нараспѣвъ старшимъ священникомъ начала 1-й главы евангелія отъ св. Іоанна, до 14-й стиха включительно: plenum gratiae et veritatis (исполнь благодати и истины), а при словахъ: et Verbum care factum est et habitavit inter nos (и Слово плоть бысть и вселися въ ны),— всѣ трое опускаются мгновенно на одно колѣно. По прочтеніи евангелія, хоръ отвѣчаетъ: Deo gratias (благодареніе Богу); священники, надѣвъ на головы четыреугольныя черныя скуфьи, спускаются съ ступеней престола и уходятъ разоблачаться въ ризницу (sacristia), унося съ собою священные сосуды, покрытые пеленою (они никогда не остаются на престолѣ). Исключеніе изъ сего дѣлается только для одного изъ многихъ престоловъ, гдѣ бываетъ причащеніе мірянъ (всегда не во время литургіи); въ срединѣ такого престола устроенъ кивотъ, вмѣщающій сосудъ съ священными остіями, или облатками, безъ вина; этотъ престолъ потому и зовется Altare sanctissimi sacramenti (престолъ пресвятыхъ таинъ).

Хотя у латинянъ и существуетъ богослуженіе, подъ названіемъ часовъ, съ раздѣленіями на 1, 3, 6 и 9, но они не читаются никогда предъ литургіей. Это чтеніе, также какъ и чинъ повечерія и утрени, исполняются въ разное время дня, и то не во всѣхъ церквахъ,—какъ о томъ будетъ изложено мною впослѣдствіи.

Наканунѣ праздника Рождества Христова, торжественная, или пѣтая литургія совершается ровно въ полночь; а на слѣдующее утро, въ самый день праздника, каждый

(*) Всѣ латины творятъ крестное знаменіе также цѣлой ладонью, съ сжатыми вмѣстѣ пальцами, и слѣва направо. Вообще, они рѣдко осѣняются крестомъ,—почти только при входѣ и выходѣ изъ храма, а при началѣ чтенія всякаго евангелія они творятъ крестъ надъ лбомъ, ртомъ и на груди концемъ большаго пальца.

священникъ, совершающій малую (читанную) литургію, совершаетъ ее *три раза сряду безъ остановки;* міряне же обязаны выслушать въ этотъ деньвсѣ три литургіи.

Итакъ, сравнивая латинскую миссу съ православною литургіей, находимъ, что сходство ихъ состоитъ въ томъ, что въ первой сохраненъ скудный остатокъ эктеніи; что апостолъ читается vподіакономъ, а евангеліе діакономъ, и предъ чтеніемъ послѣдняго поется: „Слава тебѣ, Господи!"; далѣе: читается сvмволъ вѣры, поется *достойно* и *святъ, святъ*,—тѣ же, что и у насъ, тайно читается молитва передъ освященіемъ Даровъ, подобная нашей, поется молитва Господня, бываетъ умовеніе рукъ священнодѣйствующимъ, при чемъ читается имъ тотъ же псаломъ какъ у насъ, а также лобзаніе мира, хотя оба эти дѣйствія (умовеніе и лобзаніе) не совпадаютъ съ нашимъ временемъ литургіи; творится моленіе объ усопшихъ, призываніе Богоматери, св. апостоловъ и мучениковъ; затѣмъ совершаеся причащеніе священнослужащихъ, за которымъ слѣдуетъ тотчасъ отпускъ и благословеніе. Вотъ и все, что напоминаетъ у латинянъ православную литургію.

Касательно же литургіи преждеосвященныхъ Даровъ, мнѣ помнится, что она совершается у латинянъ одинъ только разъ въ году, и то (странное обстоятельство) въ тотъ именно день, когда у насъ не бываетъ никакой литургіи, т. е. въ великую пятницу. Для этого у нихъ употребляется остія, освященная на миссѣ великаго четверга, которая во весь тотъ день выставляется для поклоненіи вѣрныхъ въ маленькой закрытой дарохранительницѣ, поставленная высоко надъ престоломъ, окруженная сотнями свѣчей и обставленная свѣжими цвѣтами и зеленью (зрѣлище, дѣствительно, трогательное); при этомъ всѣ окна храма завѣшиваются, такъ что только свѣчи, стоящія на престолѣ, освѣщаютъ всю почти церковь. Міряне же въ этотъ день обязаны посѣтить семь церквей, для подобнаго поклоненія.

При началѣ литургіи великаго пятка поется троекратно: Sanctus Deus, Santus fortis, Sanctus immortalis, miserere nobis (Святый Боже, Святый крѣпкій и проч.); помнится мнѣ, что кромѣ этого дня эта пѣснь никогда болѣе у нихъ не встрѣчается въ богослуженіи.

Сохранившіяся у латинянъ нѣкоторыя молитвы, слова

и названія, чисто греческія, мною вышеупомнутыя и другія, очевидно показываютъ, что латинскій чинъ богослуженія первоначально заимствованъ отъ восточной церкви.

Во время полу-пасхальной литургіи великой субботы, священнодѣйствующіе на оной не переоблачаются изъ черныхъ ризъ въ свѣтлыя предъ чтеніемъ евангелія, какъ у насъ, а дѣлаютъ это раньше, именно когда приходитъ время запѣть: Gloria in excelsis (Слава въ вышнихъ Богу); въ это утро раскрываются всѣ, завѣшанныя съ перваго недѣли Страстей Господнихъ, картины, подсвѣчники и прочія церковныя украшенія. Вообще, все богослуженіе у нихъ какъ-то отзывается театральной обстановкой.

Начавъ эту статью дорогимъ для всѣхъ насъ воспоминаніемъ о великомъ московскомъ свѣтилѣ, желаю и кончить ее изложеніемъ его мнѣнія о западной церкви вообще. Тому три года, когда я имѣлъ счастіе въ послѣдній разъ посѣтить его, увлекшись въ разговорѣ мыслію о догматическихъ и другухъ заблужденіяхъ, бывшихъ причиною отступленія латинянъ отъ вселенской церкви,—я воскликнулъ: „преосвященный владыко! ужъ какъ вамъ угодно, а по моимъ понятіямъ весь этотъ рядъ измѣненій и отступленій составляетъ въ совокупности чистую ересь". „Нѣтъ",—отвѣтствовалъ онъ мнѣ своимъ тихимъ, до глубины души доходящимъ, голосомъ,—„нѣтъ, вы, слишкомъ ужъ далеко заходите. Хотя, точно, все это, о чемъ вы говорили,—разницы и неправильныя отступленія съ ихъ стороны; однако тѣмъ не менѣе, римская церковь все-таки признается у насъ апостольскою". Я привожу эти слова какъ доказательство противъ слышаннаго мною въ обществѣ мнѣнія, что православіе болѣе подходитъ къ протестантизму, чѣмъ къ римскому католичеству. Нѣтъ, не можетъ наша церковь быть близкою къ такому исповѣданію, которымъ отвергнуто таинство священства и извращено ученіе о таинствѣ св. Евхаристіи (*).

Графъ Михаилъ Бутурлинъ.

(*) Продолженіе этой статьи, или подобныхъ ей—обѣщано. *Ред. Дух. В.*

ЕРЖАНІЕ 12-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 1867 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ на 1868 годъ выходитъ ь января мѣсяца, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновен-ой печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Вильнѣ,—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ . *И. Феннера,* б. Сеньковскаго. *Въ С.-Петербургѣ,*—у коммис-онера „Вѣстника," книгопродавца *А. Ѳ. Базунова,* на Нев-комъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной. *Въ Іосквѣ,*—у такогожъ коммиссіонера, книгопродавца *А. Н. Ѳе-апонтова,* на Никольской улицѣ, и у книгопродавца г. *Чере-ина. Въ Варшавѣ,* — у книгопродавца г. *Кожанчикова. Въ Ковнѣ,*—въ книжномъ магазинѣ *Косогорова* и у всѣхъ извѣст-ыхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА" ЗА ГОДЪ:

(*за 12-ть книжекъ*).

Для жителей *Вильны,* безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкою а домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города Им-еріи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требова-іями *исключительно* въ редакцію журнала: **„Вѣстникъ за-ападной Россіи,"** *въ Вильну.*

Посылки и письма слѣдуетъ адрессовать: редактору-издателю Вѣстника" Ксенофонту Антоновичу **Говорскому,** *въ Вильну.*

Для желающихъ выписать *„Вѣстникъ"* за *истекшіе* годы ѣлается уступка: за $18^{62}/_{63}$ годъ, для жителей Вильны по 5 р., ля иногородныхъ по 6 руб.; за $18^{63}/_{64}$ годъ—для первыхъ по руб. 50 к., для послѣднихъ по 7 руб., за $18^{64}/_{65}$, $18^{65}/_{66}$ и 867 годы—для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. 0 к. Для выписывающихъ „Вѣстникъ," за *истекшіе* годы не енѣе 10-ти экземпляровъ дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ, не енѣе 25,—10%,—50,—15%,—100,—20%.

Редакторъ-издатель **К. Говорскій.**

Содержанiе 12-ой кн. „Вѣстника западной Россiи" за 1867 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.